

МЕРАБ КВАРАЦХЕЛИЯ

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

МЕРАБ КВАРАЦХЕЛИЯ

**ТРИ
ПОКОЛЕНИЯ**

Тбилиси
2021

ყდის დიზაინი: **ელენე შელია**
დაკაბადონება: **ვახტანგ ზაქარაია**

ISBN:

Предисловие

Портрет

Лисьи взгляд,
 волчий оскал
Вечно голодный и жадный шакал
Подпоенная глава,
 генерал-мародёр
Державная «слава».
 Захватчик,
 Копёр.

Со смотрящим в чужой,
 но не в собственный дом,
Забывшим благое,
 двуглавым орлом
«Миротворец»,
 учитель,
 жандарм,
 всё в одном
И народ — богоносец
 с лунявым крестом.

12.10.1995 г.

Эти строки и мои воспоминания написаны шестнадцать лет назад. Я даже не мог себе представить, что с этих строк начнётся предисловие, предлагаемого на ваш суд моего скромного сборника о судьбах трёх поколений одной среднестатистической грузинской семьи из Абхазии.

Я не буду оригинален. Моими земляками, в том числе и друзьями, написано много книг, посвящённых нашей прошлой жизни, и, конечно же, перманентной войне, притихшей в 2008 г. Как говорят, «под шумок» Россия, наконец, как ей кажется, легальным способом, завершила начатую давно операцию по расчленению Грузии.

Я не буду писать обо всём произошедшем за это время. Хочу с вами поделиться лишь некоторыми моими мыслями. Я не соглашался с иными моими толерантными друзьями, которые своим произведениями предвещали улучшение отношений с нашими братьями.

Вспоминая прошлое, такое недалёкое, когда с молчаливого, красноречивого одобрения России в 1993 г. сепаратистами было нарушено перемирие, гарантом которого был президент Ельцин... Россия по логике её исторического прошлого не могла и не должна была на этом остановиться...

После одной из наших посиделок, которая заканчивалась горячим спором и моим утверждением, что наши братья ещё повторят из-за спины нашего «старшего брата» свой финт я никак не смог успокоиться. Вернувшись в своё убогое жилище, кишачее неуязвимыми клопами, на обрывке найденных мною пожелтевших листов, одним выдохом «высыпал» вишеприведённый портрет...

Эмоции, переполнившие меня, не давали покоя, и я сделал небольшую запись на тех же листах, запечатлев на них, не стершиеся из памяти недавние события...

...Мы не хотели видеть очевидное. Война была лишь вопросом времени. Мы никак не могли поверить в это, хотя видели бегающих по Абхазии эмиссаров ГК ЧС РФ. Они кроме всего ещё «пеклись» об русскоязычных надеясь создать фон притеснения русских грузинами. Один из них даже заявил, что из Сухуми хотят выехать около пятнадцати тысяч русских, но им не дают этой возможности. Не получилось, не добрали количество. Не получилось их выманить и посулами выдать подъёмные в размере сорока тысяч рублей «деревянными» на переселение из Сухуми, куда-то под Саратов, а может и дальше. Не вышло прецедента для того, чтобы ТВ «Останкино» и «Вести»

могли на весь мир заявить о притеснении русскоязычных в Абхазии. Правда, были созданы всякие русские дома, фронты, армянский «Крунк» (журавль), внёсший свой большой вклад в общее дело. В это время «Айдгылара» уже давно отцвела и уже плодоносила.

Вкус тех плодов помнят не только грузины...

Наконец слова абхазского «аятолы» — «мы заставим грузин стрелять в нас» — свершились с маленькой поправкой. Первые выстрелы по военным, направленным из Тбилиси, раздались в селе Охурей, на подступах к г. Очамчире, со стороны абхазских ополченцев... около восьми часов утра.

Наверняка многие в Москве потирали руки от удовольствия. Получилось! Это мы понимаем сегодня, что по обеим сторонам окопов оказались ихние, кому эта война была нужна. А истинные патриоты, говорю как перед богом, и абхазы и грузины, распалённые пропагандой, ринулись друг на друга. Эту задачу, как и великие математические уравнения, обязательно решат, но для этого каждому из нас, с обеих сторон, надо заглянуть в свою душу. Там никто не должен увидеть всепрощение, особенно это касается грузин. Потом надо хорошо оглядеться и мы все, увидим их, виновных в этом кошмаре. Это надо сделать пока они ещё плавают на поверхности их варева, снимая пенку.

Дальше, проще. Нельзя было допустить, чтоб это кончилось просто заварухой, как несколько лет назад. Шла ловля крупной рыбы, и она должна была заглотить наживку глубже и «брат» стал помогать Грузии, которая таки увязала в ловушке. Генерал Грачёв, пока ещё, на вопросы кому подчинены десантники (ДШБ) поясняет — Центру. Зато герой Афганистана очень хорошо знает, что самолёты, бомбящие Сухуми перекрашены грузинами для того, чтобы убивать грузин. Четко и без помощи извилин. Одновременно в унисон ему вторит со своей колокольни посол России в Грузии Земский дающий интервью господину Рывкину, ведущему программы «Вестник» грузинского телевидения. Он пафосно начинает свою речь: «Вот мы находимся в городе Сухуми, на Юге России и слышим выстрелы».

Я, стоящий рядом с телеоператором, обомлел от этой наглости и тут же выпалил ему в лицо, готовый продолжить мою реплику и про ЮГ РОССИИ.

— Какие же это выстрелы — это взрывы?!

Он осёкся и стал объяснять, что он тоже вроде служил в армии и отличает взрывы от выстрелов, на что я тут же среагировал вопросом. — Если это выстрелы, почему вы стоите здесь,

в фойе (здания Совета Министров Абхазии), а не выходите на улицу? На сей раз он не стал отвечать мне, а надел на Марка Рывкина с претензиями, что он посол такой страны как России, даёт интервью, а кто-то (я) ему мешает, и если меня не уберут отсель, он прекратит разговор. На эти претензии Земского господин Рывкин спокойно сказал — А ведь это правда и это не выстрелы, а взрывы и бомбят Сухуми... Меня же попросили отойти в сторону.

В фойе Совмина, на первом этаже, переживая бомбардировку, толпились послы тринадцати государств аккредитованных в Грузии после встречи с руководителями автономии, и недоеденного обеда. Обед был омрачён начавшимся артобстрелом города. Кстати, последним из столовой вышел — Земский.

Далее Грачев заявит, что де десантно-штурмовой батальон (ДШБ) в Гудаута подчинён лично ему (раньше он обходил столь категоричное заявление). Намного позже он скажет, что грузины сами виноваты в потере Сухуми из-за того, что не разрешили ввод российских «миротворцев» в город. Но оказывается российская база в Бомборе, в его личном подчинении вместе с ДШБ. Так зачем надо было спрашивать у грузинских генералов разрешения, когда в его власти было запретить помогать сепаратистам, своим же подчинённым — Сигудкину, Чиндарову, Кондратьеву, Сорокину и бог весть кому ещё. Ведь известно, что ни одна артсистема не пересекла сухопутную границу. Всё шло по воздуху, на — Бомборы.

...Единственный самолёт, который летел на окружённый Сухуми из Сочи, был сбит ракетой с российского военного корабля также участвующего в блокаде города. По слухам, просочившимся в то время, в нём летели двадцать четыре российских журналиста, которым в аэропорту Адлера заявили, что им лучше не лететь. В нём погибли и несколько сухумчан, которые узнав, что корреспонденты зафрахтовали самолёт, умолили взять их на борт. Никто ни разу об этом не написал. Господа российские журналисты! Слабо расследовать? (ваши грузинские коллеги не имеют даже ваших возможностей...).

Единственный борт пробивающийся в осаждённый город, очевидно, несогласными с российскими проправительственными средствами массовой информации, был сбит над Эшерой, на виду у жителей Нового района и солдат, оборонявших город.

Абсурдно звучало — «абхазские ВВС бомбили Сухуми», а бомбили непрерывно полторы суток. Всё это время в воздухе висели два СУ-27 или СУ-25. Если учесть, что эти самолёты без

дозаправки долго не летают, то, какое количество их должно было быть в абхазских ВВС. Кроме того бомб, ракет, а также канделябров сброшенных в небо города, и освещающих его во время ночных бомбардировок.

А сколько пилотов и obsługi? Насчёт «абхазских пилотов»... Останки одного, с русской фамилией, были отправлены с одним ботинком в РФ...

Воистину, сынов России не понять, у них другая прыть, другая статья.

Кстати, насчёт стати — то почему-то они очень хотят стать миротворцами. Тогда к имени собственному народ — богоносец прибавится ещё и миротворец. Это будет хорошо звучать. Россия — богоносец, миротворец Афганистана, Приднестровья, Нагорного Карабаха, Таджикистана, Сербии, Абхазии, Южной Осетии и сколько красивых наименований к этому величью ещё можно приставить.

Да... один раунд этой грязной игры закончен. Нас выгнали из дома, как щенков. Потому что за нами гналась свора обученных матёрых псов, в хвосте которой плёлся одуревший шакал, но не в этом суть, а в том, что дальше?

12 октября 1995 г.

Несколькими годами позже во время известных Гальских событий я записал:

...Мне простому смертному не понятен тот «почёт и уважение», которое оказал нам, павший на колени президент великой страны. Меня не радует будущее, которое видится мне, глупому, после того как я увидел главного генерала, его свиту, и это навевает на меня дурные мысли. Мозг вымачивает вопрос, почему богоносец — миротворец молчит и сейчас, когда уничтожаются грузинские сёла в Гальском районе? Почему тактика выжженной земли так похожа на афганскую, с её методами и средствами? Почему затихло всё, а четвёртая российская власть опять начинает раскручиваться, как в былые времена во время штурма Сухуми в стиле генерала Колесникова, комментатора российского телевидения Выхухолева, и подобных им? На ум ничего не приходит, кроме того, что нас хотят ввязать в драку, в бойню, с республиками Северного Кавказа, но уже — объявленную. В необъявленной — мы уже давно. Ведь у богоносца — миротворца никак не появляется повод своего вмешательства в этот регион. Особенно в Чечню. Для этого есть пешка, которая имеет только один путь, на котором она или погибнет или станет ферзем.

Есть и рука, которая двигает эту пешку наверх. Рука Ельцина.

Правда, тогда я не мог предположить, что эта пешка вдруг окажется наверху.

Моя семья и её три поколения понесли потери при всех сдвигах политической системы России и естественно Грузии... В 1917 году дом (Мурзы) скатился к речушке, в связи с урезанием владений... Далее (1921 г.) Грузия из Демократической превратилась в Советскую Социалистическую республику и мельницу Мурзы превратили в общественную... Дом был вторично перенесён ещё на двести метров ближе к дороге. (Рассказ СЕМЬЯ)

Мой род изучен мною документально с Пахулии Сквмаева (Сквмаевича) Кварацхелия с сыновьями Тагу, Дзокиа, Бурдгу, Мурза, Епро и двумя дочерьми, имён которых не помню. Представители женского пола в архиве нашей семьи не упомянуты. У пятерых братьев было восемнадцать сыновей, не считая дочек. От этих восемнадцати мальчиков осталось: Джага, Гия (Вахтанг), Бочия (Борис), и я. Все они троюродные братья..., а от четырёх, два четвероюродных — Адгур и Тарас (Тошка).

Я не напрасно начал это повествование с двух старых записей. Эти события хлестнули по самому сердцу, вырвав под корень, закружив и разметав по миру, как и полмиллиона семей разных национальностей, проживающих в Абхазии. А последних оставшихся сыновей, моего некогда разросшегося рода, бросили по разные стороны непреодолимой стены. Один, на свободном просторе с достижениями и возможностями, но без могил предков и родимого очага, а второй, сделал свой выбор, оставшись за стеной...

Оглянувшись в прошлое, я увидел, что моя семья была, как и миллионы других на жертвенном алтаре во имя империи под названием Россия, независимо от того, как она сама себя называла в разные времена.

Дед — около двадцати лет прослужил в царской армии, заработав за это время широкую лычку, на свой солдатский погон, и пару полтора дюймовых бронзовых диска, с какими-то девизами, на грудь. В сорок шесть лет начал заново свою жизнь. Старенькая мать сохранила ему полуразвалившуюся усадьбу. Братья еле справлялись со своими проблемами и в помощники не годились. За несколько лет со своей молоденькой женой сумел не только восстановить, но и приумножил своё состояние, стал лидером и основал село Кочара.

В семнадцатом потеряв почти всё, к двадцать первому опять возродился.

1921 год... На сей раз уже потерял всё, но не надежду, чему было подтверждением то, что при разборке старого дедовского дома, в одной выдолбленной стропиле, рабочие обнаружили девятнадцать миллионов денег правительства Жордания, в крупных купюрах... Надежде не суждено было сбыться. История повторяется. Я, его внук, тоже надеюсь. Правда, увы, без миллионов, с пол — миллионом, таких же обесцененных денег, купонов.

Дальше хуже — подкрадывалась старость. В 1937 году арест сына. И опять провал на целых десять лет. Жизнь в ожидании. И бабушка Мания, принявшая от него эстафету, дождалась вместе с ним возвращения сына. Она не прогнулась под тяжестью свалившегося на её плечи груза. Сумела вырастить дочь, дать ей образование и сохранить очаг в доме, правда еле тлеющий, но всё же непогасший.

С сорок седьмого, в который раз, очаг начинает разгораться. Правда, для того чтобы возродится и можно было назвать своё состояние жизнью понадобилось очень много времени, тем более, если ты не хочешь, как тогда называлось, делать деньги. Это выражение было одним из синонимов воровства денег у государства. Помню в 1975 году, отец попал в больницу. Я приехал с военных сборов на пару дней проведать его, в спешке не успел снять военную форму старшего лейтенанта. Войдя к нему в палату, обнаружил двух жителей с. Кочара, они, увидев меня, не поздоровавшись, быстро выскочили из палаты, не попрощавшись с нами. А может быть, и не хотели этого делать. Я расспросил отца о его самочувствии, он же поинтересовался тем, каким образом я смог приехать, и не в самоволке ли я. Получив удовлетворительные ответы, мы, молча разглядывали друг друга.

— Ты хочешь машину, вдруг ни с того ни с сего — спросил он. Вопрос был неожиданным для меня, да вроде и не в тему. Вопрос отразился на его лице, он как бы просил немедленного ответа.

— Да, только и смог выговорить я.

— Ты знаешь о строящемся в колхозе водопроводе? Я об этом знал довольно подробно. Более того знал его заключение о том, что водопровод строить нельзя из-за того, что в проекте неправильно рассчитаны уровни и будучи введённый в строй он просто не будет работать. Но руководство колхоза и лоббисты

проекта в предвкушении сделать себе огромные деньги стали давить на него в надежде вынудить его одобрить строительство. Деньги были настолько большие, что строительство было начато. Был готов и акт приёмки. Отец вошёл в зону конфликта и имел трения со всеми участниками строительства, начиная от завсклада, торгующего государственными трубами, и выше. Даже то, что многие из них были нашими очень близкими родственниками и друзьями, не имело никакого значения, потому что здесь было намного больше чем... тридцать серебряников...

— Знаешь, они стали уговаривать меня подписать акт приёмки водопровода. За мою подпись они дают новенькие «Жигули». Как быть?

— Отец такую машину я не хочу. Не подписывай.

Он, как бы ожил. Отец был скуп на эмоции, но я видел благодарность в его сияющих глазах.

— Спасибо тебе, только и сказал он.

Акт, конечно, подписали и без него, в высших инстанциях, деньги, естественно, «распилили». Водопроводу торжественно разрезали красную ленту, но, несмотря на все эти процедуры, он так и не заработал.

Так и шла жизнь. Через год отца не стало. Жизнь пришлось начинать заново. Единственное, что от него осталось — был дом, который мы с трудом продали с условием, что платить за него нам будут, конечно, ежемесячно, но столько сколько смогут. Через два с лишним года, наконец, выплатили, но деньги, кроме некоторой суммы ушли в никуда. Собрать их в каком-либо объёме не удалось.

Так до 1989 года вроде зажили, когда опять стало покачивать и вконец так расшатало, что в девяносто втором взорвалось. И опять всё с нуля, и годы на выживание и возрождение. История повторилась с маленькой разницей. Дед начал обустриваться в сорок шесть лет — и я в сорок шесть, но с нуля. Мой отец из ссылки вернулся домой в тридцать восемь лет. Хочется над этим вроде посмеяться, при этом вспомнить старую русскую присказку, о бросающих пить — И опять мы бросим пить, станем денежки копить, как накопим рублей пять, купим водочки опять.

Вроде звучит не к месту и абсурдно, но разве логичен жизненный путь, который прошли эти — ТРИ ПОКОЛЕНИЯ.

Семья

Весна буйствует в Кочарах. Огромный куст жасмина прикрывает правое крыло деревенского дома, вся длина фасада которого занята застекленной верандой, раньше бывшей длинным открытым балконом. На этот балкон заезжал не один всадник на своем скакуне или просто гость старого мегрельского дома. Перед домом двор, как бильярдный стол такой же умеренно зеленый. Ближе к калитке, вдоль забора, начинающегося от огромного куста розы высотой в полтора человеческого роста и буйно цветущего жасмина, стоит большущая сосна – туя. Крона сосны настолько густая, что через неё не проходит ни капли воды даже в самый сильный дождь. Это место игры всех окрестных детей, собирающихся в этом дворе, а также дом родной для полсотни воробьёв, копошащихся и бросающихся в крону дерева при появлении хищницы, охотящейся на них и других пичужек. Поодаль уже отцветающая многорукая зимняя яблоня. На противоположной стороне – такая же большая, но уже летняя яблоня. За ней большой сарай, калитка на скотный двор, далее магаза (амбар на высоких столбах), двухкомнатное строение и дом с длинной верандой, с которой мы начали осмотр.

Перед двором проходит гравийная дорога, являющаяся главной магистралью деревни. По ней иной раз проезжают машины. Но не более двух-трех в день. Иногда эти два или три раза проезжает одна и та же. Основной транспорт это арба, запряженная парой быков или черных добродушных буйволов, шагающих, переваливаясь, в унисон на унылой, пыльной дороге. Воздух насыщен ароматом цветущей вокруг акации, с примесями ароматов всех остальных цветов, это опьяняет и аробщиков на облучке, в полудреме полудня. Без резкого движения, с еле слышным поскрипыванием хорошо смазанной жирным мыльным раствором оси огромных аробных колес, без участия в этом полусгорбленного, расслабленного благоуханием аробщика, плывет куда-то арба в невысоких клубках густой пыли, поднятой от восьми разлапистых буйволиных ног.

Во дворе, под деревом, на маленькой табуретке сидит женщина в черном. Она, длинными и красивыми пальцами, деловито пощипывает траву. Рядом «русопетый» пацан лет пяти с половиной-шести, также ковыряется, сидя в густой траве двора.

Иной раз мальчик показывает ей что-то, женщина ласково ему улыбается и продолжает заниматься своим делом. Между ними иногда завязывается неспешная беседа. Ребенок не всегда понимает женщину, и она старается ему на руках что-то объяснить. Они не заметили, как во двор вошла соседка. Собака, выскользнувшая из под дома, побежала ей навстречу.

— Чёрна! Чёрна! — ласково позвала её гостя.

Пес обязан кличкой мальчику, который, впервые увидев его, вскрикнул:

«Чёрная, Чёрная!».

Собака буквально постелилась перед ней, словно обрывок густой медвежьей шкуры, и, будучи приласканной, начала кружить вокруг гостя, выделявая невероятные кренделя.

— Что, Бицо (тетя), все учишь внука говорить по — мегрельски? — рассмеялась гостя.

— А что делать, мне уже русский не одолеть, кто-то из нас должен знать язык другого, — отшутилась Маня.

Хозяйка некогда большого дома, с дворовой прислугой, с большими для крестьянской семьи земельными угодьями, а также доминирующим положением в жизни довольно большого села, сегодня ковырялась в своем дворе, приводя газон в порядок. Правда, вокруг все блестело, но она знала, что поток нового непонятного ей времени уже давно «затопил», а то и «смыл» её земли. Арел её владений с 17 года по 53 год сократился с 60-ти гектаров леса и пахотных земель до двадцати четырёх соток колхозной земли, к которой, слава Богу, не присчитали этот двор перед домом.

И сегодняшняя усадьба была на максимуме возможного, в один гектар.

— Присаживайся, Брольца, — приподнявшись, предложила хозяйка ей свой стульчик.

— Что ты, что ты, Бицо, как можно, сиди, сиди, я присяду на траву. — Подобрал под себя подол длинного платья, гостя бочком присела рядом с мальчиком.

Это была мать троюродного брата малыша, а также ближайшая соседка.

Первый взрослый мальчик, встретившийся ему прошлой осенью, был её сын — Бочия. Народу во дворе тогда было очень много, но ребенок видел только одну диковинку, большое красивое яблоко высоко на дереве. Волшебное, сверкающее, краснощекое, манящее, но недоступное. Он был заворожён им и, сидя на руках Бочии, не обращая внимания на его поцелуи,

тянул руку к далекой ветке, невиданному до сего дня им чуду. Народ шумел, все поздравляли друг друга и, особенно, Манию с прибытием её внука из далекой Сибири, а он, замороженный, смотрел на яблоко. Наконец, Бочия понял, что для ребёнка это невидаль. Осенило не только его, а и всю толпу. Все поняли, что обычное яблоко, случайно оставшееся на ветке, было чудом для малыша, росшего где-то около полярного круга, в глухомани и знающего только, что такое картошка, клюква, грибы да ещё черёмуха, наевшись которой он чуть не погиб от запора.

Четыре года недоедания, тяжелой жизни в послевоенном Краснотурьинске, полном бывших и настоящих заключенных всех мастей, несмотря на бесконечную любовь, русских дедушки и бабушки, не могли привести в его жизнь хоть толику праздника. А тут тепло, солнце, поздние цветы, на фоне розово-голубого вечернего неба.

Все враз забегали по двору в поисках длинного бамбукового шеста, чтобы сбить с дерева этот плод. Притащили шест, и при помощи Бочии подняли вертикально, после нескольких попыток яблоко, кувыркнувшись в воздухе, оказалось на земле.

Бочия поднял его и протянул мальчику.

— Мераб — это яблоко, — сказал он.

Мальчик не знал, что это такое — яблоко.

— Откуси, оно вкусное.

Мальш улыбнулся. Знакомый язык и большой чудесно пахнущий плод, который он держал обеими ручками, поднял его на вершину блаженства. Он такое видел впервые. Все вокруг смеялись, что-то говорили, предлагали, но он их не понимал и вдруг он кого-то понял.

Брольца, так же, как и Маня, практически не говорила по-русски, да и вокруг никто кроме отца и некоторых его рабочих по-русски не говорили. Иной раз мамίδα Като, приезжавшая из Очамчире, радовала его полным взаимопониманием, одаривая всяческими сладостями и прочими дарами. Впоследствии даже разрешала ему самому лазить в её сумочку доставать подарки. За прошедший год он уже сделал большие успехи, читал подаренный отцом русский букварь и довольно сносно разговаривал на мегрельском, неплохо освоил и математику.

— Ну, в этом году уже пойдешь в школу? — спросила Брольца.

— Да, наверное, в этом году уже отправим. Правда, ему только шесть, но ничего, он уже и читает, и пишет, и считает. Что ему напрасно сидеть ещё год дома, — ответила Маня.

— Возраст не помеха, Мише отказать не смогут, — сказала Брольца.

Брольца отца называла Миша, так как по обычаю двоюродного брата мужа, как и двоюродную сестру не имела права называть по имени. Тарас был Мишей, а Екатерина (Като) была Шушкой.

В мегрельском быту это было обычным явлением. Жена не называла своим именем мужа, тестя, свекровь, а также всех родственников, особенно старших по возрасту.

— Да, — ответил мальчик на поставленный вопрос, и продолжал свою игру с пышной травой и копошащейся в ней мелкотравчатой живностью.

Так они сидели в тени под яблоней и пережидали полдень, чтоб через полчаса встать и продолжить работу по двору, но уже в вечернем режиме.

Кочара — большая деревня. Она основана дедом малыша — Мурзой Кварацхелия, для своего времени довольно образованного богатого крестьянина. Участник русско-турецкой войны женился, когда ему уже было за сорок, на молоденькой девочке Мании Шония. У них родились два сына и две дочери. Из них остались в живых средний сын и младшая дочь. Мурза, будучи в своём роде очень уважаемым человеком, предложил группе близких ему людей выделить Кочару в самостоятельную административную единицу-село. С этой целью на имя царя Николая II он подал челобитную, в которой было сказано, что поселение желает выделиться, создать свою деревню и назвать её Кочарой. Коча — звали какого-то легендарного человека, а «ара» на абхазском означало орех (орех Коча).

Под этим прошением он попросил подписаться ещё несколько человек, и оно было отослано царю. Ответ пришел в виде резолюции на этом же прошении и высочайшее разрешение о создании населённой единицы. Этот документ так и оставался в семье Мурзы, пока его сын и отец этого мальчугана не отнёс его в музей села, открытый в один из юбилеев основания села Кочара Очамчирского района. Музей и все административные здания Кочары — школа, чайная фабрика, правление колхоза, сельский клуб и несколько трёхэтажных многоквартирных домов из тёсанного вручную розового армянского туфа были построены сыном Мурзы — Тарасом.

Всё это, как и свыше трех тысяч дворов и хозяйств, превращено в дым и пепел братубийственной войной 1992-1993 г.г. Как и сотни других грузинских сел и деревень Абхазии.

Началась жизнь большой семьи на этой земле в 1886 году. Некто Пахулия Сквاماевич Кварацхелия приехал со своими сыновьями Тагу, Дзokia, Бурдгу, Мурзой и Епро, а также двумя дочерьми, имен которых не сохранилось в документах того времени. Вся документация оформлялась только по мужскому полу. Женщины нигде, как не учитывались, так и не упоминались.

Пахулия Кварацхелия расселил всех своих сыновей, купив им земли и усадьбы.

Два брата оказались рядом и организовали хутор, который вскоре увеличился и стал называться Сакварацхелио. От этих пяти пошел род ветви Пахулии и он разросся до восемнадцати человек мужского рода. На сегодняшний день из потомков этих восемнадцати по мужской линии осталось только двое молодых и двое старых мужчин.

Усадьба семьи Мурзы начиналась с пригорка, позади этого красивого с ажурными окнами веранды домика на невысоких столбиках. Дом был тот же, но стоял за триста метров от его нынешнего места. Место было выбрано удачно. Со двора открывался красивый вид на окрестности. Под горой проходила маленькая речушка, пересекающая территорию усадьбы пополам. За ней раскинулась огромная поляна — абсолютно чистая, как футбольное поле, которое оканчивалось забором вдоль проселочной дороги с традиционной узкой крышей над въездными воротами.

Это поле, величиной с гектар, было огорожено переделами усадьбы и служило своеобразной спортивной площадкой для наездников всех мастей — хозяев и гостей, которые соревновались в мастерстве управления своими скакунами. Часто на нём играли и в конный мяч (цхенбурти). Это поле было под особым контролем семьи. За ним ухаживали, не давая вырасти бурьяну, подобно современному стадиону. На нем паслось несколько телят и овец. Как только телята подрастали, их заменяли меньшими. Эти животные служили своеобразными стригальями (газонокосилками).

Дом же стоял на пригорке в обрамлении фруктовых деревьев. Позади усадьбы начиналась непроходимая дубовая роща. Маня говорила внуку, что однажды её «хозяин» (муж Мурза) с балкона из винтовки застрелил огромного оленя.

Винтовка — трехлинейка с саблей и кинжалом были подарены ему командиром полка, известным грузинским писателем Давидом Клдиашвили. Впоследствии, по доносу одного из

поселившегося недалеко от Мурзы крестьянина, это оружие было изъято начальником Очамчирского НКВД, ближайшим родственником доносчика.

Мальчик, будучи уже взрослым, до сих пор помнит двух человек, которые не только не были вхожи в эту семью, но и проходили мимо этого дома с опаской. Его бабушка их не жаловала и они знали за что. Один был нарушителем моральных устоев — второй, как представитель сельской бедноты и активный участник коллективизации, доносчиком.

Незабываемы её слова, что оружие её мужа находится в семье родственника этого негодяя в Очамчире. Мальчик как-то спросил об этом отца, на что получил утвердительный ответ и просьбу забыть об этом

— Это очень опасно для нашей семьи, — сказал он тогда.

Потом этот дом стал свидетелем одной из самых запомнившихся свадеб деревни, а мальчик через десятки лет прочитал список дарителей денег на свадьбу дедушке Мурзе и бабушке Мании. Ему врезался в память, пожелтевший разлинованный листок и строй фамилий, с приписанными суммами, которые вносили по обычаю во время свадеб. В основном они варьировали от пяти до двадцати копеек, и только одна запись была в три рубля, и она принадлежала какому-то князю. Это было давно и мальчик — уже сам многократный дедушка забыл об этом. А архив, как и всё остальное достояние семьи, растворились в грязном, мутном и кровавом времени 1992-1993 г.г.

Деревня же запомнила эту свадьбу надолго. Запомнилась она им и тем, что Мурза обслуживающих свадьбу людей наполнил чаем с белым хлебом со сливочным маслом. В то время все эти продукты — чай, хлеб, сливочное масло были привезены из Батума, и не только в глубинке, но и в больших городах были весьма редким деликатесом.

Кстати, из Турции Мурза в дальнейшем привез и бамбук, а также первые саженцы ореха — фундука, посаженного на пол гектара земли через дорогу, которая из-за уважения к нему, а потом и к его сыну, оставалась в распоряжении семьи, пока Тарас не подарил плантацию орешника своему крестнику Амирану. Бамбук был посажен вдоль речушки на заболоченном месте, где разросся в приличную рощу. В трудные времена он оказался хорошим источником дохода семьи.

В 1917 году дом «скатился» к речушке, в связи с урезанием владений. Потом вроде появилась надежда на возрождение семьи. Мурза прорыл длинный канал и построил свою мельницу,

в 1921 году оформив её как индивидуальное предприятие. В том же году, Красная Армия, Грузию из Демократической перемолотила в Советскую Социалистическую Республику. Мельницу Мурзы превратили в общественную, в чем активное участие приняла группа окрестных голодранцев, называвших себя сельской беднотой, и ратовавших за создание коллективных хозяйств. Потом у него отобрали четыре пары быков со всем сельскохозяйственным инвентарём, сорок гектаров пахотной земли и двадцать гектаров леса, в котором тогда ещё водилась дичь, и росли огромные дубы. Всё это стало общественным, колхозным – ничейным. Память внука хранит уже подлесок с редкими седыми исполинами. Беднота, довольно быстро оценив ситуацию, употребила всё «ничейное» себе на пользу.

Дом был вторично разобран и перенесён ещё на двести метров ближе к дороге. Он был поставлен уже посреди бывшего игрового поля с последующей вспашкой его двадцати четырёх соток. В этом урезанном хозяйстве уже стареющий Мурза и ещё довольно полная сил Маня создали на голой поляне новый сад, пересадив с отнятой территории яблони, груши, лавровишню, инжир, сливы и другие фруктовые деревья, а также виноградник.

Сморщенная до гектара усадьба трудом этой пары на фоне полуголодных соседей процветала. Позже, как гром для этой семьи грянул 1937 год. По статье «враг народа» сослали их сына и, на радость голодранцам, семья провалилась в десятилетие тьмы и страха. Манию не смогли загнать в колхоз, на чайные плантации и поля, раньше принадлежавшие её семье.

Как-то внуку она сказала, что за эти плодородные поля они отдали Чончору Эмухвари три башлыка золота. Он спросил её: – Сколько это в сумме?

Она улыбулась ему, погладив по голове сказала:

– А кто их считал. Деньги насыпали в башлык, и лишнее смахивали ладонью. И так три «меры».

Кстати, о «мере»: она ему как-то рассказывала, что дед был арестован по подозрению в убийстве старосты переселенных до революции тридцати армянских семей в современные Лабры. Мурза был не при чём, но армяне, знавшие его в лицо, указали уряднику на него. Тем более, что с этими переселенцами у него был конфликт. Они периодически делали набеги на принадлежащий ему лес, и он был вынужден иногда постреливать, защищая своё имущество. Закон того времени защищал частную собственность и даже поощрял подобные действия.

Поэтому, когда убили этого учителя-старосту, то свидетели без колебания указали на него, тем более, что всадник как две капли воды был похож на Мурзу.

— Я знала, что это был один из пяти братьев Эмухвари, и отличить его от твоего деда можно было только по росту. Тот был немного ниже. Братья были непримиримы к этим переселенцам, как в дальнейшем они не примирились с революцией и уже где-то в 1925-ых годах были окружены чекистами и все пятеро убиты. Так вот, убил один из Эмухвари, а посадили деда, — говорила она, — Я должна была, как его супруга, давать показания и, хотя у него было стопроцентное алиби, без взятки не обошлось.

— И что было взяткой? — спросил внук

— Арти башлаквы окро (один башлык золота), — был ответ. — То есть одна «мера» денег.

Мальчик, сидящий сегодня на траве в окружении женщин, в 1953 году пошел в первый класс и проучился четыре класса в Кочарской средней школе и из-за того, что русский сектор был не доукомплектован учениками, был переведен в пятый класс в Очамчирскую школу. Но эти четыре класса были веселыми годами. В первом классе их было четверо. Один переросток, сидевший в первом классе уже третий или четвертый год, по фамилии Салат. Это был длинный, тощий, остроносый, с редкими прямыми волосами пацан. Второй тоже был ветераном по фамилии Швец. Он был черняв и коренаст. Оба недолюбливали своих одноклассников мелкого калибра — Нугзара Джиноридзе и маляву — белобрысого, который, ко всему прочему, был сыном инженера-строителя колхоза, да и ещё попал в школу в шесть лет вместо семи. Нугзар был известной личностью в Кочарах. Он был сыном хлебобрезки Тани. Её знала вся деревня, как, конечно, и инженера. Поэтому он и Нугзар были удобной мишенью перезрелых оболтусов, для которых 90-102 ошибки (ровно столько их оказывалось в их диктантах по русскому языку) было обычным явлением. Это, естественно, вызывало насмешки учеников двух других малочисленных классов, сидящих в одной классной комнате с ними. Всего в трех классах было человек восемь-десять. Учила их Вильяна Чичевна, задавая каждой группе (классу) своё задание, параллельно диктуя кому-то из них диктант. И, естественно, получали пинки под зад за их ошибки самые младшие. Особенно доставалось сыну инженера. Сын же хлебобрезки был по определенным причинам в большем почете.

Но ребенок есть ребенок, и они от этого нашли противоядие, попеременно направляя вектор предпочтения то на Швеца, то на Салата.

Если Швец был не в фаворе, то они это давали явно понять туповатому Салату, и во время перемены, околачиваясь около него, подтрунивали над Швецом:

– Швец – карапец, макароньи ножки, голова в картошке... Швец – карапец и т.д.

Это радовало Салата, недолюбливающего одноклассника. Кстати, отношение и с другой стороны было такое же. Он начинал им подыгрывать, и это обязательно кончалось свалкой на покрытом в полдюйма густой пылью полу школьного балкона. Одна из игр называлась «пушки палят». Мы хлопали обувью по этому полу и из-под подошв, как взрыв, вылетали клубы пыли, а мы кричали: «Пушки палят!».

Так продолжалось несколько дней, пока кто-нибудь из маляков не получал панчур (пинок под зад) от Салата Их вектор менялся, и они из-за спины Швеца начинали дразнить Салата.

– Салат, мармелад, Салат мармелад.

Как ни странно «финт» удавался в обоих случаях. Швец начинал их защищать, и опять это заканчивалось потасовкой, с вываливанием великовозрастных олухов в деревенской пыли. Так прошли эти четыре деревенских года для мальчика, в которых спрессовались школа, деревенская жизнь с обычаями, старинными обрядами, праздниками, проходящими в то время ещё с соблюдением всех тонкостей. В ночь чечетоба (среда между вербным воскресением и пасхой, аналог Янки Купалы) на заборах усадьбы ставились кресты, изготовленные из древесины лекухи, расколотой накрест, с вложенными в расщелины двумя плоскими дощечками из той же древесины. На вершину этого стилизованного креста в крестовину раскола вкладывался небольшой камень от сглаза.

Далее под вечер бабушки, прошептав какие-то заговоры, прикрепляли маленький комочек воска на затылок в волосы. Этот воск потом практически несколько недель даже вычесать из волос было трудно, и их со временем те же бабушки отрезали вместе с пучком волос.

К ночи все готовились заранее, укладывая на дорогах или других подходящих площадках большие костры. Их сосед Бадзу Кварацхелия изготавливал окэ-скрученная из коры дикой черешни воронкообразная дудка с узеньким мундштуком на конце.

Дудеть в неё надо было так же, как и в трубу, или другой духовой инструмент. Она издавала довольно сильный бархатистый баритон, слышимый на несколько километров вокруг. Считалось, что окэ отпугивает нечистую силу. И со всех концов деревни перед запаливанием костров трубили окэ, стараясь, перекричать друг друга. Потом зажигались костры и все, от мала до велика, начинали перепрыгивать через них. Особенно насмехались над женщинами среднего возраста, в длинных юбках, перепрыгивающих через костры.

Кто-то в толпе после прыжка какой-либо бабы кричал:

— Фуф, паленым волосом запахло.

Это вызывало бешеный хохот, а женщина, кричала шутнику в ночь:

— Чтоб у тебя язык отсох! —

Иной раз прыжок сопровождался возгласом:

— Не подпали волосы между ног! — (чеми ведичва!)

Обычно это кричали деревенские шутники из темноты, изменяя голос. За такие шутки можно было и схлопотать. Случалось и так, что подвыпивший неудачник плюхался задом в костер. Дети разводили свои костры, через которые они могли перепрыгнуть. Почти всю ночь огромные тени шарахались друг от друга в весенней ночи, унося чертей и прочую нечисть подальше от своих хозяев. Так очищенные люди, разогретые от прыжков и весёлые от шуток, уходили под утро домой, чтоб на пятый день начать новый праздник со словами: «Христос Воскрес!» и продолжить его большими застольями. Для детей Пасха было нечто. И не дай Бог, у кого-нибудь обнаруживалось «хитрое» яйцо. Камень или деревяшку просто было обнаружить и к соревнованию по разбиванию яиц хозяева подделок не допускались. Пацана с большим количеством разбитых яиц в кармане, окружали «побежденные», и, если, обнаруживалось фальшивое яйцо, его жестоко наказывали.

«Хитрое» яйцо делалось по-разному. Из него надо было вылить через тоненькую дырочку всё содержимое, потом через ту же дырочку вливалось определённое количество расплавленного воска, и яйцо начинали крутить в руке. Воск, обтекая внутренность яйца, застывал — яйцо готово. В то время лишнее поломанное яйцо было подспорьем в домашней еде на неделю. Время было не очень сытное и «хитрое», яйцо могло обеспечить безголодное существование на некоторое время.

И таких умников в деревне было не мало. Поломав у лохов несколько яиц, они их припрятывали. Так несколько раз,

потом, уходя, незаметно собирали припрятанные «выигрыши». В основном это были дети беднейших и многодетных семей.

А неделей раньше было воскресенье. Байоба-так называется оно по мегрельски и соответствует русскому – вербному и грузинскому – бзоба. Разделение мегрельское и грузинское чисто условно. В мегрельском существует приговорка: «Аиаре, баиаре, баиашщорс танапаре». В переводе на русский звучит так: «Сначала Аиа, потом баиа-через неделю Воскресение (Пасха)».

Байоба был удивительным днем. Бабушка к нему готовилась заблаговременно, и в это воскресенье её внимание было уделено единственному обряду. Действо начиналось с раннего утра. Она будила внука, и они шли на покрытый весенней росой ближайший луг. Там собирали огромную охапку цветов байя (лютики) и с ней возвращались в дом. К этому времени солнце поднималось довольно высоко. Бабушка начинала подготовку ко второму этапу – мытью полов в оде. Ода стояла на невысоких столбах, что характерно для домов в Колхиде, где часто происходили подтопления – усадеб от обильных дождей.

Мытьё полов было простым занятием: сначала на пол выливалась вода прямо из ведра, она, естественно, стекала на землю под домом через щели деревянного пола.

После этого тряпкой протирался пол и опять промывался водой. Минут через двадцать в доме становилось свежо, прохладно, чувствовался запах сырой древесины каштана, которым был постелен не только пол, но и построен весь дом. Затем она просила внучка посыпать пол в доме собранными байя (лютиками). Байя с зелеными резными листиками и ярко жёлтыми цветками превращали намокший темно-серый пол жилья в чудесный, неопикуемой красоты ковер. Закончив эту процедуру и рассыпав по полу последнюю охапку цветов, мальчишка начинал от радости сначала прыгать и скакать, а потом и кататься по полу. Для пожилой женщины это были самые радостные минуты. Затем начинались хождения в гости. Вся деревня радовалась, и это возбуждение длилось целый день. Вечером кое-кто приходил на обед. Отец, бабушка и внук радушно принимали гостей. На второй день цветы из дома убирались.

Неизвестно почему именно такая была процедура, но известно одно и совершенно точно, что цветы лютика являются сильнейшим анти-аллергеном растительного происхождения. Это может быть как-то связано с весной и древнейшими познаниями колхов в медицине. И еще, в то время понятия детской, да и не только детской аллергии, не существовало. В том детстве

не было детей с ярко красными, чуть шелушащимися щеками, а также с другими признаками этой болезни. Сейчас говорят, что пища была в то время здоровой. Может быть, не спорю.

Вот так проходила байоба. Завершением, кульминацией дня были ночные сказки, рассказываемые в такой тишине, что малыши вжимались в подолы матерей и бабушек от жутких сказочных сюжетов, темной ночи, бешено скачущих языков открытого огня и бесноватых теней на стенах пацхи. Как приятно иной раз, когда подобная картинка всплывает сама собой в уже слегка выцветшей памяти.

Потом наступала пора сева со своими прелестями для детей, и тяжелым крестьянским трудом для взрослых. Даже в процессе этого труда были свои радости. Дети были причиной недовольства старших, ибо свойство ребёнка всё превращать в игру раздражало работающих и пропREVших от пота крестьян. Единственное, что они поощряли, стояние на черти. Это сооружение из толстых брёвен, оплетённых рододендровыми хворостинами, привязывалось к паре быков и протягивалось по вспаханной и засеянной пашне. Черти (борона) разбивала крупные куски земли, разравнивая её, а также присыпала до этого рассыпанные зерна кукурузы, сои, фасоли, тыквы. Все семена этих культур перемешивались и засеивались одновременно.

На черти стоял один взрослый мужчина и управлял буйволами, а дети были «довеском» для утяжеления устройства. Чем больше их было, тем лучше и веселей. Иной раз один из них сваливался, на свежепроборонённую землю. Тут же возникала «куча мала», потом озорники опять нагоняли упряжку и запрыгивали на черти, зацепившись за стоящего на нем крестьянина. Эти игры почти всегда кончались ссадинами, царапинами и кровоточащими ранками.

В один из таких дней у бабушки испортилось настроение. Одна из соседок сообщила, что на её бывшие поля привели огромный трактор и начали перепаживать их. Эти поля всегда вспахивались и засеивались, правда, их пахали плугами на воловьей тяге, а тут вдруг трактор. Почему-то именно это расстроило бабушку. Она с досадой плюнула и сквозь зубы процедила:

— Черт побрал их трактор! —

В тот день вся окрестная детвора крутилась вокруг работающего большого гусеничного трактора, к которому был прицеплен огромный многолемеховый плуг, а за ним летала большая стая ворон и грачей, собирающих на пахоте козявок. Так детвора и развлекалась целый день видом невиданным.

Ночью трактор, естественно, оставили в поле, чтобы на следующий день продолжить работу.

На второе утро трактор завести не удалось. Как оказалось, на нем не было ни одной трубки, как медной, так и железной. Об этом всю деревню оповестил идущий через неё вымазанный маслом и тавотом колхозный тракторист, перемешивая эту информацию отборным, изодранным мегрельским матом.

Трактор отволокли в районный МТС, так и не сумев отремонтировать на поле.

Мания до упаду смеялась, услышав эту новость, правда, не очень поняв, почему его не смогли завести.

— Грехи вскипели, — сказала она, будто трактор был повинен в её бедах.

Через неделю же пол деревни пацанов щеголяли новенькими пугачами и поджигами, постреливая из них по поводу и без повода.

В течение недели полевые работы заканчивались и у ближайших соседей. Продолжением были походы на речку, а «русопет» неизвестно почему занялся рыбалкой, выманив у рабочего своего отца крючок (кстати, в то время большая редкость).

Дядя Коля был офицером, уволенным в запас. Огромное их количество бродило по всей стране. Это были в основном люди, не имеющие гражданской специальности, и практически выкинутые на милость судьбы. Их носил по стране ветер странствий, как весенний тополиный пух. Наиболее везучие где-нибудь прилипали к женщине или к работе, обретая какую-то уверенность в завтрашнем дне. К таким относился наш дядя Коля. Другие, менее везучие, становились бомжами или преступниками, пополняя армию неудачников, постоянно перекатывающихся по стране. Их было много в южных тёплых республиках, особенно в Грузии, где остро чувствовалась нехватка рабочей силы, готовой работать даже за хлеб-соль. В Мегрелии их почему-то называли горгонджи (гуси).

Коля и научил, вернее, собрал мальчику первую снасть. Бамбук для удиллица рос во дворе, и он как-то пришел к ним срезать себе хлыст.

Это был небольшого роста довольно симпатичный русский среднего возраста. В деревне он был известен как мастер каменщик-штукатур, а также как «Коля — руси». Рыбак он был славный. В памяти осталось мастерство рыбака, почти каждое воскресенье проходящего мимо купающихся, бесящихся и подражающих Тарзану деревенских пацанов. Сначала из-за излучины реки появлялось длиннущее бамбуковое удилице,

за ним коренастый Коля в выцветшей гимнастёрке без погон в полосатых черных, закатанных до колен штанах и старых парусиновых туфлях на босу ногу. Вблизи ясно были видны его добрые глаза, глядящие на тебя из-под выдавшей виды фуражки. Подойдя к детворе, он присаживался на прибрежную гальку, скручивал себе козью ножку и аппетитно прикуривал. Младшая пацанва разглядывала, перебирая на кукане, пойманных усачей и головлей, старшие цыганили у него сигарку, которая шла по кругу, задымляя маленький пляжик между речкой и густым лесом.

Вечером его видели уже шедшим по дороге в сторону центра села, находящегося километрах в пяти. В пузатом холщовом мешке подергивалась, ещё неспящая живая рыба. Он был первым рыбаком на памяти мальчика. Первая удочка, собранная для него Колей, состояла из лимонного цвета плетеной шелковой нитки (бабушкиного производства), простой проколотой шилом пробки, с воткнутой в неё спичкой, маленькой дробинки и «чудо крючка».

Крючок был оборван довольно скоро о какую-то корягу, но мальчик научился делать его из бабушкиных швейных иголок, из-за чего имелись с ней кое-какие трения. Иголки в то время были также в дефиците. Их можно было купить только на черном рынке. Всё это было привязано к добротному бамбуковому удилищу. Потом появился поводок из конского волоса. За пучок конского волоса, срезанного с хвоста белого колхозного коня, опекаемого Бадзу, мальчик был избит отцом. Об «подпорченном» хвосте коня отцу доложил Бадзу. Отец впоследствии постарался сгладить инцидент. Он был весьма скор на руку, тем более за маленькую погрешность мальчику доставалось по «полной».

Как то, после очередной поездки в Сухуми, отец привез несколько крючков.

Среди них был один необычный и невиданный. Он сказал мальчику, что этот ловит рыбу без наживки, но, каким образом, объяснить не смог. Отец не был ни рыбаком, ни охотником. На крючок были закреплены зелененькие пёрышки. Это была первая мушка, увиденная им. Но это он поймет намного позже.

Крючок тут же был подвязан на поводок и мальчик помчался по кукурузному полю к реке Цхенцкар. Река шла вздувшаяся, очевидно от дождя, шедшего в десятке километров в горах. В один из омутов с крутящейся мутной, горчичного цвета водой снасть и плюхнулась. Поплавок закрутился в хороводе сучков, щепок и жухлой прошлогодней листвы на поверхности воды.

Вдруг он остановился, дёрнулся, медленно стал погружаться в воду и исчез. Мальчик резко дёрнул. Поплавок-пробка выскочил из воды и застыл на туго натянутой шелковой нитке над водой. Он не двигался, несмотря на попытку вытянуть снасть из воды. Был глухой зацеп, причём на большой глубине. После долгих попыток отцепить — крючок оборвался. Обида душила мальчика, он шел домой без этого красивого крючка и плакал. Вдруг отец спросит, где крючок. Слава Богу, этого не случилось. Но забыть эту потерю оказалось очень трудно, хотя множество других, более значимых потерь в его памяти не осталось.

Студенчество пришло как бы само собой. Хотя, как сказать. Первые пробные экзамены были в МИФИ на Каширском шоссе г. Москвы. Узнав, что выбранная им специальность — это инженер, обслуживающий атомную электростанцию, у него после двух удачно сданных экзаменов, отпала охота сдавать следующие. С большим трудом удалось забрать с факультета документы. Для этого пришлось ворваться к декану, у которого в это время шло совещание. Причина была названа конкретная:

— Не хочу работать на радиоактивном предприятии. С некоторым намеком на последствия, что немного развеселило присутствующих.

Была вызвана секретарь факультета, которая отказалась выдать документы, после чего ему пришлось ворваться сюда.

— Товарищи! Единственный грузин, сдающий успешно экзамены на факультет, — была её аргументация.

После продолжительных уговоров документы всё же выдали. Через неделю он уже готовился в Кочарах поступать в ГПИ в Тбилиси.

Самым спокойным местом в доме была веранда. Да и вообще самым любимым местом, потому что один конец веранды занимала отцовская библиотека с огромным письменным столом с зелёной велюровой вставкой в столешнице. На другом конце поперёк стоял топчан, накрытый старинным ковром, на котором лежали две круглые мутаки. Около топчана — большое двухстворчатое окно. Это место было наилучшим образом приспособлено для чтения — кое занятие он обожал. Давно, в один из весенних дней детства, он сидел и читал книжку. На дворе была сырая погода с дождем, похожим на водяную пыль. Вдруг мальчик почувствовал на голове шевеление волос. Они почему-то начали вставать дыбом. Это было настолько явно, что он оторвался от чтения и поднял голову. В проёме открытого окна увидел нечто величиной с апельсин, примерно того

же цвета, висящего в воздухе совсем близко от окна. Оно шипело, и от него отскакивали частички вроде кипящего масла на перегретой сковородке. Мальчика это заворожило, он невольно поднялся с тахты и пошёл посмотреть на это «нечто» поближе. Шар, потрескивая, висел неподвижно. С приближением к нему волосы вроде ожили. Мальчик поднял руку, намереваясь дотронуться до него. В это время раздался оглушительный треск, его ослепило и оглушило. Несколько секунд он не смог сдвинуться с места, потом побежал с криками — «беби, беби» (бабушка, бабушка) в зал дома, где его сгребла в охапку бабушка и унесла в другую комнату. Некоторое время он не мог сказать ни слова. Наконец шок прошёл, и он рассказал всё, что видел.

Она долго крестилась, обдавая и его крестным знаменем и произнося молитвы. Потом встала на колени и ещё долго крестясь, читала молитвы. Встав с пола, достала из серванта свечку, закрепила на вазе, стоящей на столе, и зажгла её.

— Нана, ена мехи рду, (нана — это была молния) — произнесла она еле слышно. На следующий день она отвела его в Илори, в церковь Святого Георгия, и попросила священника благословить внука, и рассказала ему о происшедшем. Потом его провели сквозь огромный железный лук, символизирующий оружие Святого и по преданию очищающий от скверны и избавляющий от страха.

Позже он узнал, что это была шаровая молния и, что он был в секунде или в сантиметре от гибели. Бабушка рассказала, что услышав невообразимый треск, подумала, что молния ударила по веранде и перепуганная бросилась к нему. Несмотря на этот случай, место оставалось самым уютным в доме для чтения книг и занятий.

Итак, юноша готовился к экзаменам. У калитки остановился городской автобус, из него вышли две женщины. На зов хозяйина он откликнулся и, спустившись, вышел их встречать. Одна из них, невысокая, пухленькая, была старше другой, блондинки. По их виду было понятно, что они из Российской глубинки.

«Старшая» поздоровалась и назвала юношу по имени, чем вызвала его изумление.

На встречу вышла мачеха, потом бабушка, позже дом гудел, от набежавших, соседей и родственников. Неизвестно как, наверное, от сидящих с ними в автобусе людей, по деревне разнёсся слух, что приехала женщина из Краснотурьинска, «сидевшая» в лагере с отцом. Очевидно, аналогичное сообщение получил и он в правлении колхоза, и вскоре на служебной машине примчался домой.

Её звали Олей, и послана была его друзьями. Оказалось, что она была бывшим «врагом народа», сосланная туда же, куда и отец, впоследствии работала с ним на строительстве БАЗА (Богуславского Аллюминиевого завода), где он руководил строительством. Прислал её директор Свердловского НИИ железобетонных конструкций и другие друзья отца. В привезенном ею письме, в частности, говорилось, что они знают, что его сын закончил школу и просили прислать его в Свердловск, где из него сделают «подобающего им инженера-строителя». В памяти всплывают мужчина и женщина, сидящие рядом, обняв друг друга за плечи, и плачущие навзрыд.

За столом гробовое молчание. Это молчание прервала бабушка, которой перевели суть письма.

— Не бывать этому! — резко произнесла она по-мегрельски. — Моему внуку в России делать нечего. Хватит сына, который там чуть не пропал! Будь она проклята!

Её можно было понять. Десять лет её сын провел там жизнь на грани смерти, да и с невесткой не повезло, не прижилась она в Грузии. Очень быстро бегло научилась говорить по-мегрельски, но вдруг, никого не предупредив, из семьи Сухумских родственников с семимесячным сыном уехала на родину, на Урал.

Бабушку еле успокоили. К этому времени приехали из Очамчире тётя с дядей и вечером на веранде был накрыт большой стол. Грузинское застолье начинается спокойно, без суеты и перерастает в буйное веселье. Но это застолье проходило не по этим правилам. На нём чувствовалась грусть, как бы невидимыми нитями из Свердловска и Краснотурьинска опутавшая застолье. Прослезилась и тётя Като, вспомнив свою невестку и неделю, проведенную в Краснотурьинске. Вспомнила горькие слезы русских дедушки и бабушки, провожающих пустым взглядом телегу, на которой две женщины из далекой Грузии, прижимая к себе их внука, увозили его в дальнюю даль, без надежды когда-либо его увидеть.

Потом Ольга продекламировала стихи в кавказском стиле, посвященные свадьбе отца. Затем отец вспомнил тот день глубокой осени — полдень с солнцем, наткнутым на верхушки таёжных кедров у горизонта и глубокий снег. Вокруг кипела работа. Кто-то из сотрудников подошёл и сказал ему, что его ищут.

— Это было обычным явлением — вспоминал он. — Я никогда, никому не смог отказать в помощи и всех несчастных, естественно, втихаря, направляли ко мне. Так было и в тот день. Ко мне подошел невысокий мужчина в демисезонном

подранном пальто. На худых, голых ногах болтались штанины коротких брюк, в носках неопределенного цвета и дырявых стоптанных туфлях. Мужчина с трудом сдерживал периодически охватывающую его дрожь. Обратившись по имени отчетливо, он интеллигентно представился. Это было не наиграно: — я инженер-строитель, моя специальность — бетон и железобетонные конструкции. Но беда в том, что я никогда не работал чернорабочим. Помогите мне выжить.

Его вид был настолько красноречив, что я его сразу же увел в теплушку, ибо очевидно и ночь он провел не в лучших условиях.

В помещении он немного отогрелся, враз проглотив пару кружек кипятка. В это время собрались руководители участков на летучку. Я представил бедолагу коллективу. Один из наших как-то невзначай сказал: «А давай, его, на строящийся бетонный-начальником. Там и посмотрим, какой он спец».

Для разрастающейся стройки мощности старого бетонного заводика не хватало, мы начали строительство второго — более мощного. Специалисты были в дефиците, и тут же на летучке я его назначил начальником Б.З. Единственное, что он попросил-обувь. Из каптёрки ему выдали потрёпанные валенки и кусок тряпки. Из теплушки вместе с начальниками участков он вышел на свой объект. Речи, о какой либо передышки не было. За очень короткий срок Б.З. был введён в строй. Специалистом он оказался отменным.

Прошло некоторое время. При выборе получить премию в девять тысяч рублей или сократить срок заключения на год мною был выбран второй вариант. Мой срок был сокращен, но уже шел третий месяц, а бумаги об освобождении не было. Я думал, что меня обманули и, не надеясь получить освобождение, решил играть свадьбу здесь же, в ссылке. Тем более, что уже влюблен был по уши. В ночь свадьбы вместе с свадебным подарком мне преподнесли конверт, в котором была бумага о моём освобождении. Она уже пару месяцев была в руках моих друзей, которые думали, что, если я женюсь, то уже отсюда никуда не уеду. Я никогда в этом не упрекнул их в дальнейшей нашей переписке, зная, что они были движимы благими пожеланиями. На второй день застолье в мою честь устраивал директор уже железобетонного комбината-одного из моих подразделений. Я же с восьми утра до двадцати вечера был начальником со служебной машиной, подъезжающей к воротам лагеря. А с двадцати до восьми утра — заключенным номер со всеми вытекающими из этого последствиями. Такой же статус был и у всех остальных. Мы жили двойной жизнью: днем вольные, ночью зеки.

Прочитав бумагу, я уже в лагерь не вернулся. Наутро, прихватив кружку, ложку, алюминиевую миску, а также молодую жену, с самодельным фанерным полукруглым чемоданом тряся на телеге в сторону города Серова, а дальше — домой, домой.

На второй день друзья, оставшиеся в лагере, недоумевали по поводу столь поспешного моего отъезда.

Особенно был обижен директор ЖБК, ставший впоследствии крупным ученым, а также руководителем одного из ведущих в СССР — Свердловского научно-исследовательского института железобетонных конструкций.

На этом отец закончил свой рассказ, а дядя Шалва, перехватив инициативу, продолжил застолье уже в традиционной форме. Тем более, что сидящие за столом сельчане, кроме всяких историй, хотели ещё однако и выпить. Что они весьма успешно продолжили, тарашась на довольно симпатичных и аппетитных приезжих дам. Все это продолжилось нескладной застольной песней.

Вот так, за какой-то месяц юноша «проучился», сначала в Москве, потом в Свердловске, «поменяв» две специальности — инженера-атомщика и инженера-строителя на инженера-электрика, поступив в ГПИ в городе Тбилиси.

Потом периодические наезды домой в праздники и, так называемые, дни проектирования. Все проекты и чертежи он заканчивал досрочно, а в пятницу или в субботу уезжал домой (дни проектирования назначались в субботу или в понедельник) на два дня. Проезд обходился в пять рублей до Очамчире. Особенно этому радовалась бабушка, которая уже некоторое время не вставала с постели. Подозвав внука, она просила достать из под кровати чемодан. Он клал его на постель, она аккуратно приоткрывала чемодан своими длинными пальцами, обтянутыми, словно промасленным пергаментом кожей, через которую проглядывались довольно крупные вены, ощупывала содержимое. Достав из своего «тайника» хрустящий, красный червонец протягивала ему, сообщая очередной порядковый номер подарка.

Жизнь брала своё. Пока одни шли в гору на подъём, другие спускались с неё, а третьи были уже под горой, готовые отправиться дальше, в небытие.

Наконец, наступало время летних каникул и он, радостный, приехал домой на пару месяцев. Это были, наверное, самые беззаботные моменты (не время, а именно моменты) его жизни. Вскоре по приезду, в доме собралось родственники,

приехавшие из деревни навестить бабушку (семья уже жила в городе). Вечером, за ужином спонтанно возник разговор о происхождении фамилии. Каждый из присутствующих высказал свои предположения по этому поводу. Плод фантазии создавал множество версий, тем более, что фамилия Кварацхелия входит в число самых многочисленных фамилий в Грузии.

Отец выслушал всех, потом тихим голосом начал рассказывать легенду, услышанную им, когда-то в детстве. Он умел заставить окружающих себя слушать. За столом воцарилось молчание.

Это было очень давно. По стране катилась арабская орда, уничтожая всё на своём пути. Не оставалось ни одного населённого пункта, воинства или крепости, которое бы выдержало их натиск. Вся Грузия была охвачена огнем и горем. Единственным местом, говорится в предании, окруженным захватчиками, но неприступным, оказалась крепость Кварацixe. Крепость стояла на неприступной скале около реки. Подход к ней был только с тыльной стороны. Тропинка была настолько узкой и обрывистой, что на ней едва помещался одинокий всадник. Другого пути в крепость не было, и горстка горожан уже много месяцев оборонялась весьма успешно. Зная, что враг их не пощадит, они каждый день, выходя на стены крепости, куда не доставали стрелы врагов своим видом их дразнили. Иногда оскорбления сопровождалось скидыванием на захватчиков живой форели. Так горнизон Кварацixe (буквально Квара – крепость) держал оборону из последних сил, не расслабляясь ни днем, ни ночью.

Крепость стояла поодаль от крупных населенных пунктов, окруженная малонаселенными деревнями, контролируя проход между двух скал и участок дороги, проходящий вдоль реки. Враг понес ощутимые потери под стенами крепости. Глухая осада не приносила желаемого результата. Крепость не сдавалась. Приближалась зима, сулившая арабам больше неприятностей, чем защитникам Кварацixe. Несмотря на ущемленное самолюбие, арабскому военачальнику пришлось пойти на компромисс, чтобы сохранить лицо и достойно отвести свои войска от крепости. Так начались переговоры, в которых араб просил защитников только об одном. Отныне и навек всем защитникам крепости называть себя Кварацхели. Взамен он гарантировал неприкосновенность, право быть свободными от всех, кроме царя и бога, а также одаривал каждого жителя крупным рогатым скотом. Кроме того, каждый защитник крепости имел право свободного поселения в выбранном им месте. Это было с его стороны признанием их большого мужества, стойкости и неприступности крепости.

Так горожане стали Кварацхели. Со временем эти выжженные и опустошенные места они покинули, переселившись ниже, на один день пути, и оказались в районе Цаленджихи.

Постепенно Кварацхели трансформировалось в Кварацхелия. Образовалось несколько крупных мощных кланов скотоводов, выведших свою особую породу крупного рогатого скота Кварацхелевской породы. Это коровы среднего размера гнедой масти, устойчивые к болезням и, главное, приспособленные к высокогорным пастбищам. Они способны были выжить и зимой, в бескормицу, питаясь ветками, мхом и прочим малосъедобным кормом. За чистотой породы следили очень пристально, пуская на убой скот с отклонением масти. Любое, даже самое маленькое белое пятнышко было равносильно приговору. Отбор быков производителей — куро производился также тщательно. Каждый год проводились бои быков, как внутри стада кланов, так и между победителей «отборочных» боев. Победителей оставляли как производителей, а побежденные, после кастрирования превращались в тягловое животное-ходжи (бык). Ходжи обязательно подковывались. Их приучали ходить в парной упряжке арбы, плуга и прочих рабочих нужд. Кстати, от этого слова образовалось название самой высокой горы над городом Ткварчели — Ходжал (ходжоль — дорога для быка).

Сейчас эта традиция прекратила свое существование, ибо нет скотоводов и крупных стад рогатого скота, а то, что имеется на фермах, давно превратилось в его жалкое подобие, — с горечью закончил свой рассказ отец. — Наша же фамилия несет свое начало с деревни Корцхели.

Он встал со стола и через несколько минут вернулся, держа в руках несколько пожелтевших исписанных листов:

— А вот и документ, подтверждающий наше происхождение. Это своего рода паспорт, выданный деревенским самоуправлением и заверенный властями Зугдидского уезда (в то время). Он аккуратно развернул бумаги и громко прочёл, написанный на грузинском и русском языках «Сельский приговор». К сожалению, не все имена удалось прочесть, но по этому документу можно восстановить все мужское население, проживавшее в то время в с.Коцхери (современное Корцхели).

Handwritten title

1883... 15...
 22... 27...
 28... 29...
 30... 31...
 32... 33...
 34... 35...
 36... 37...
 38... 39...
 40... 41...
 42... 43...
 44... 45...
 46... 47...
 48... 49...
 50... 51...
 52... 53...
 54... 55...
 56... 57...
 58... 59...
 60... 61...
 62... 63...
 64... 65...
 66... 67...
 68... 69...
 70... 71...
 72... 73...
 74... 75...
 76... 77...
 78... 79...
 80... 81...
 82... 83...
 84... 85...
 86... 87...
 88... 89...
 90... 91...
 92... 93...
 94... 95...
 96... 97...
 98... 99...
 100... 101...

1	Boys	21.5	Boys	41	Boys	57	Boys
2	Boys	22	Boys	42	Boys	58	Boys
3	Boys	23	Boys	43	Boys	59	Boys
4	Boys	24	Boys	44	Boys	60	Boys
5	Boys	25	Boys	45	Boys	61	Boys
6	Boys	26	Boys	46	Boys	62	Boys
7	Boys	27	Boys	47	Boys	63	Boys
8	Boys	28	Boys	48	Boys	64	Boys
9	Boys	29	Boys	49	Boys	65	Boys
10	Boys	30	Boys	50	Boys	66	Boys
11	Boys	31	Boys	51	Boys	67	Boys
12	Boys	32	Boys	52	Boys	68	Boys
13	Boys	33	Boys	53	Boys	69	Boys
14	Boys	34	Boys	54	Boys	70	Boys
15	Boys	35	Boys	55	Boys	71	Boys
16	Boys	36	Boys	56	Boys	72	Boys
17	Boys	37	Boys				
18	Boys	38	Boys				
19	Boys	39	Boys				
20	Boys	40	Boys				

72	big	100	3/27/87	131	guz	161	3/30/87
73	1/73	101	no log	132	no log	162	no log
74	nyph	102	nyph	133	2/25/87	163	no log
75	3/nyph	103	6/25	134	no log	164	no log
76	1/19/nyph	104	nyph	135	nyph	165	nyph
77	nyph	105	3/25	136	nyph	166	nyph
78	nyph	106	2/27	137	nyph	167	nyph
79	nyph	107	nyph	138	nyph	168	nyph
80	nyph	108	nyph	139	nyph	169	nyph
81	nyph	109	nyph	140	nyph	170	nyph
82	nyph	110	nyph	141	nyph	171	nyph
83	nyph	111	nyph	142	nyph	172	nyph
84	nyph	112	nyph	143	nyph	173	nyph
85	nyph	113	nyph	144	nyph	174	nyph
86	nyph	114	nyph	145	nyph	175	nyph
87	nyph	115	nyph	146	nyph	176	nyph
88	nyph	116	nyph	147	nyph	177	nyph
89	nyph	117	nyph	148	nyph	178	nyph
90	nyph	118	nyph	149	nyph	179	nyph
91	nyph	119	nyph	150	nyph	180	nyph
92	nyph	120	nyph	151	nyph	181	nyph
93	nyph	121	nyph	152	nyph	182	nyph
94	nyph	122	nyph	153	nyph	183	nyph
95	nyph	123	nyph	154	nyph	184	nyph
96	nyph	124	nyph	155	nyph	185	nyph
97	nyph	125	nyph	156	nyph	186	nyph
98	nyph	126	nyph	157	nyph	187	nyph
99	nyph	127	nyph	158	nyph		
100	nyph	128	nyph	159	nyph		
		129	nyph	160	nyph		
		130	nyph				

188. Geyser	217 Geyser	248 Geyser
189 Geyser	218 Geyser	249 Geyser
190 Geyser	219. Red	250 Geyser
191. Geyser	220 Red	250 Geyser
193. Geyser	221. Red	251 Geyser
194 Geyser	222. Red	252 Geyser
195 Geyser	223. Geyser	253. Geyser
196 Geyser	224 Geyser	254 Geyser
197 Geyser	225. Geyser	255 Geyser
198 Geyser	226 Geyser	256 Geyser
199 Geyser	227 Geyser	257 Geyser
200. Red	228 Red	258 Geyser
201. Geyser	229 Geyser	259. Geyser
202. Geyser	230 Geyser	260 Geyser
203 Geyser	231 Geyser	261 Geyser
204. Geyser	232. Geyser	262. Geyser
205 Geyser	233 Geyser	263 Geyser
206 Geyser	234 Geyser	264 Geyser
207 Geyser	235. Geyser	265 Geyser
208 Geyser	236 Geyser	266 Geyser
209 Geyser	237 Geyser	267 Geyser
210 Geyser	238 Geyser	268 Geyser
211. Geyser	239 Geyser	269 Geyser
212. Geyser	240 Geyser	270 Geyser
213. Geyser	241 Geyser	271. Geyser
214 Geyser	242 Geyser	272 Geyser
215 Geyser	243 Geyser	273 Geyser
216 Geyser	244. Geyser	274 Geyser
	245 Geyser	275 Geyser
	246. Geyser	
	247 Geyser	

Geyser

Geyser

Geyser

Geyser

Geyser

276. <i>St. ...</i>	278. <i>...</i>
277. <i>...</i>	279. <i>...</i>
278. <i>...</i>	280. <i>...</i>
279. <i>...</i>	281. <i>...</i>
280. <i>...</i>	282. <i>...</i>
281. <i>...</i>	283. <i>...</i>
282. <i>...</i>	284. <i>...</i>
283. <i>...</i>	285. <i>...</i>
284. <i>...</i>	286. <i>...</i>
285. <i>...</i>	287. <i>...</i>
286. <i>...</i>	288. <i>...</i>
287. <i>...</i>	289. <i>...</i>
288. <i>...</i>	290. <i>...</i>
289. <i>...</i>	291. <i>...</i>
290. <i>...</i>	292. <i>...</i>
291. <i>...</i>	293. <i>...</i>
292. <i>...</i>	294. <i>...</i>
293. <i>...</i>	295. <i>...</i>
294. <i>...</i>	296. <i>...</i>
295. <i>...</i>	297. <i>...</i>
296. <i>...</i>	298. <i>...</i>
297. <i>...</i>	299. <i>...</i>
298. <i>...</i>	300. <i>...</i>
299. <i>...</i>	301. <i>...</i>

300. *...*

301. *...*

Handwritten text in a cursive script, possibly Latin or a related language, with some lines crossed out or written over.

Handwritten text in a cursive script, possibly Latin or a related language, with some lines crossed out or written over.

Handwritten text in a cursive script, possibly Latin or a related language, with some lines crossed out or written over.

Мрамну уважованіємъ, котъ на перераб-
леніе престоурана Максимъ Оклана,
сва Кларавеніисъ, вимѣстѣ съсудитъ
дѣлу евангеліу Марі, Іоанисъ, Еудру,
Мурса и Іоно Кларавеніискину, въ
Котрѣхъ уважованіи, со емоу на имѣ-
ноу Максимъ прендментіи уноу.

№ 506

Управленіиу Еудрускіуа Хорданау -
Максимъ Хорданау Хордануа Еудру

" 11 .. Іануаріа
1776 года

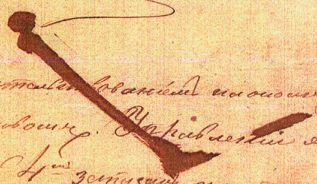

Суперинт. Черкесіи

Скарпауба. Рудіи

1776

Въ Писмоу, еудруа Хордануа Хордануа
во Писмоу, еудруа Хордануа Хордануа
исноу еудруа Хордануа Хордануа
судитъ уважованіи Максимъ Оклана

Въспомогательная таблица Матрицы
Средних Матриц. Справа от операции
приведены примеры необходимых операций
по отношению к матрице. Матрица 6х6
С. М. Орловский

Матрица 6х6
Примеры Матриц 6х6

Сельский приговор

1885 года 15 июля, мы нижеподписавшиеся, сообщество Зугдидского уезда, живущих в Коцхери крестьян, были сегодняшним числом призваны по распоряжению округа, просьбе и согласию общественности Коцхери и желанию крестьянина Пахулии Сквамаевича Кварацхелия по нашему согласию даётся право ему Пахулие Кварацхелия и сыновьям его Тагу, Дзоки, Бурдгу, Мурза и Епро Пахулиевичам Кварацхелия переселиться из села Коцхери и поселиться, где им угодно, с нашей стороны причин препятствия не имеет, в чём и подписываемся:

1. Хутуни	29. Гоча	57. Иосик
2. Гио	30. Вахтанги	58. Иуанди
3. Бахва	31. Будзга	59. Гвати
4. Доме	32. Кохта	Джанашиа
5. Басила	33. Дзокиа	60. Мирди
6. Османи	34. Бурдгу	61. Маци
7. Васоиа	35. Токва	62. Шанква
8. Омишхе	36. Датуа	63. Дзергения
9. Бага	37. Андро	64. Цагвала
10. Багире	38. Татули	65. Мадал
11. Коциа	39. Тачи	66. Маху
12. Матеи	40. Тагу	67. Чагу
13. Хаху	41. Тати	68.
14. Уча	42. Пепуа	69.
15. Тедосе	43. Учана	70.
16. Пацу	44. Еквтиме	71.
17. Гуада	45. Гоча	72. Хуту
18. Васо	46. Бурдгу	73. Цаква
19. Пахулиа	47. Хвича	74. Сагериа
20. Кесео	48. Джама	75. Ватати
21. Кутули	49. Гули	76. Карсей Пишиа
22.	50. Тита	77. Иване
23. Шанква	51. Гвачи	78. Джуту
24. Цаквала	52. Сикоиа	79.
25. Герги	53.	80.
26. Чахуна	54. Кучу	81. Гурами
27. Датуниа	55. Беке	82. Бакиа
28. Хуту	56. Хута	83. Цаквала

84. Кукури	126. Кикои	168.
85. Павле	127.	169. Алекси
86. Иване	128.	170.
87. Баха	129. Сесили	171. Ночиа
88. Гуда	130. Иордане	172. Тагу
89. Джерге	131. Гиорги	173.
90. Баха	132. Павле	174.
91. Гванчи	133. Иордане	175.
92. Баки	134. Басиле	176. Маху
93. Басили	135. Туту	177. Мациа
94. Шатати	136. Сикоиа	178. Сашиа
95. Давити	137. Уту	179. Тагу
96. Дими	138.	180. Иване
97. Гута	139. Тачи	181. Кучулия
98. Максиме	140.	182.
99. Туту	141. Никоиа	183. Гуджа
100. Квамлуху	142. Иосеиа	184.
101. Иордане	143. Сикоиа	185. Иване
102. Петре	144. Иосе	186. Петре
103. Ночи	145. Киту	187. Квикви
104. Кара	146. Кочо	188. Дагу
105. Васоиа	147. Мегона	189. Джагу
106. Мате	148. Кутаси	190. Косиа
107. Уту	149. Танасе	191. Кочоиа
108. Бука	150.	192.
109. Тугу	151. Иагора	193.
110. Пуцха	152. Утуиа	194.
111. Джуме	153.	195.
112. Гвачи	154. Шанква	196. Тагу
113. Джерги	155.	197.
114.	156. Гваджиа	198.
115. Гивиа	157. Бечу	199. Джгама
116. Гваджи	158. Гваджиа	200. Симон
117. Цагу	159. Дзоки	201. Кучулия
118. Пепу	160. Бардга	202.
119. Джуаси	161. Иване	203.
120. Бате	162.	204. Куту
121. Кочоиа	163. Ночиа	205. Тугу
122.	164. Симона	206.
123.	165. Катати	207.
124. Соломон	166. Мацаду	208. Коча
125. Гиорги	167.	209. Бегела

210. Тутули	244. Иване	274. Цетеиа
211.	245. Нико	275. Шаки
212.	246.	276. Бурдгу
213.	247.	277. Степане
214. Пеху	248. Утули	278. Нотаре
215.	249. Бахва	279. Бесо
216. Какуниа	250. Гиги	280. Бурдгу
217.	250. Сикоиа	281. Маци
218. Кацу	251. Косиа	282.
219.	252. Пепеиа	283. Паца
220.	253. Евтима	284. Маху
221.	254.	285. Гуджу Тодуа
222. Вато	255. Башикиа	286. Тедо
223.	256. Тагу	287. Бачи Лашхиа
224. Гегиа	257. Андриа	288. Дзокиа
225.	258.	289. Квачала
226.	259.	290. Тугу
227. Мате	260.	291.
228. Баса	261. Бехиа	292. Квачала
229. Гоча	262. Гуту	Макацариевы
230. Степане	263. Чагу	293.
231. Маци	Парцвания	294.
232. Биджгуа	264.	295.
233. Иване	265.	296. Мате
234. Пепе	266. Матеиа	297. Тедо
235. Дзигина	267.	Харбедава
236. Косиа	268.	298. Андро
237. Мати	269. Иване	Начкебиа
238.	270. Павле	299. Дзоки Тордиа
239. Бахва	Козмавы	300. Биджгвал
240. Тугу	271. Дзокиа	Гварамиа
241.	Джанашия	301. Сикоиа
242. Джвадзериа	272. Беке	Гварамиа
243. Гоча	273. Утуиа	

В виду того, что они не умеют писать, вместо них по их просьбе подписываюсь я: Инали Джичонаиа. Настоящее общество утвердило подпись Инали Джичонаиа, которую утверждаю подписью от сообщества народа Коцхერი.

ПОДПИСЬ НЕРАЗБОРЧИВА. КРУГЛАЯ ПЕЧАТЬ.

Действительно Инали Джичонаиа общественность уполномочила подписать это. Заверяю добрый, совестливый Коцхерского общества БУКА КОБАЛИА КРУГЛАЯ ПЕЧАТЬ..

სოფლის პრიგოვორი

1885 წელს 15-სა ივლის ჩვენ ქვემოთ ხელის მომწერნი ზუგდიდის უეზდის კოცხერის საზოგადოების მცხოვრებნი გლებთაგანი ვიყავით დღევანდელ რიცხვს მოწოდებული განკარგულებისა მეზრ უ. კოცხერის საზოგადოების და თხოვნისაებრ და გლების პახულია სქვამასძე კვარაცხელიას სრულისავე ჩვენის თანხმობითა ნება ეძლევა მას პახულია კვარაცხელიას და ძემთა მისსა ტაგუ, მოკი, ბურდღუ, მურზა, და ეფრო პახუსმძემთ კვარაცხელიებს გადასახლდნენ სოფელი კოცხერიდან და დასახლდნენ მათ სადავე სურთ და ჩვენს მხრივ დამაბრკოლებელი მიზეზი არა აქვს და მაშინა ხელს ვაწერთ.

1. ხუტუნი	12. მატეი	23. შანყვა
2. გიო	13. ხახუ	24. ცაქვალა
3. ბახვა	14. უჩა	25. გერგი
4. დომე	15. თედორე	26. ჩახუნა
5. ბასილი	16.	27. დატულია
6.	17.	28. ხუტუ
7. ვასო	18. ვასო	29. გოჩა
8. ომიშხე	19. პახულია	30. ვახტანგი
9. ბათა	20.	31. ბუძყა
10. ბაგირე	21. კუტული	32. კობტა
11. კოწია	22.	33. ძოკია

34. ბურდყუ	71. გუდული	109. ტულუ
35. თაყვა	72. ხუტუ	110. ფუცხა
36. დათუა	73.	111. ჯუმუ
37. ანდრო	74.	112. გვაჩი
38. ტატული	75. ვატატი	113. ჯერგი
39. ტაჩი	76.	114.
40. ტაგუ	77. ივანე	115. გივია
41. ტატი	78. ჯუტუა	116. გვაჯი
42. პეპუა	79.	117. ცაგუ
43. უჩანა	80.	118. პეპუ
44. ექვთიმე	81. გურამი	119. ჯუასი
ჯანაშიებნი	82. მაქი	120. ბატე
45. გოჩა	83. ცაქვალა	121.
46. ბურდღუ	84. კუკური	122.
47. ხვიჩა	85. პავლე	123.
48. ჯაშე	86. ივანე	124. სოლომონ
49.	87. ბახვა	125. გიორგი
50.	88. გუდა	126.
51. გვაჩი	89.	127.
52.	90.	128.
53.	91. გვანჩი	129. სესილი
54. ქურუ	92. ბაკი	130. იორდანე
55. ბაქე	93. ბასილი	131. გიორგი
56. ხუტა	94. შატატი	132. პავლე
57. იოსიკ	95. დავითი	133. იორდანე
58. იუანდი	96. დიმი	134.
59. გვატია	97. გუტა	135. ტუტუ
60. მირდი	98. მაქსიმე	136. სიკოია
61. მაცი	99. ტუტუ	137. უტუ
62. შანყვა	100. ქვამლუხუ	138.
63.	101. იორდანე	139. ტაჩი
64.	102. პეტრე	140.
65. მადალი	103. ნოჩი	141.
66. მახე	104. ყარა	142. იოსეია
67. ჩაგუ	105. ვასოია	143. სიკოია
68.	106. მათი	144. იოსე
69. უთუ	107. უტუ	145. კიტუ
70. ქუასი	108. ბუკა	146. კოჩო

147. მეგონა	185. ივანე.	223.
148. ქუტასი	186. პეტრე	224. გეგია
149.	187.	225.
150.	188. დათუ	226.
151.	189. ჯათუ	227. მატუ
152.	190.	228. ბასა
153.	191. კოჭოია	229. გოჩა
154. შანყვა	192.	230. სტეფანტ
155.	193.	231.
156. გვაჯი	194.	232. ბიჯგუა
157.	195.	233. ივანე
158.	196. ტუტუ	234. პეპე
159. ძოკი	197.	235. ძიგინა
160.	198.	236.
161. ივან	199.	237.
162.	200. სიმონი	239. ბახვა
163.	201.	240. ტულუ
164.	202.	241.
165.	203.	242.
166.	204. ქუთუ	243. გოჩა
167.	205. ტულუ	244. ივანე
168.	206.	245. ნიკო
169.	207.	246.
170.	208. კოჩა	247.
171.	209.	248. უთელი
172. ტაგუ	210. ტუტული	249. ბახვა
173.	211.	250. გიგა
174.	212.	250. სიკოია
175.	213.	251. კოსია
176. მახუ	214. პეხუ	252. პეპეია
177. მაცია	215.	253. ევთიმე
178. საშია	216. ქაქუნია	254.
179. ტაგუ	217.	255. ბაშიკია
180. ივანე	218.	256. ტაგუ
181.	219.	256. თედო
182.	220.	257. ანდრია
183.	221.	258.
184.	222.	259.

Зугдидское Уездное Управление подписью и приложением казённой печати удостоверяет, что на переселение крестьянина Пахулии N506 Сквмаева Кварацхелиа вместе с сыновьями своими Тагу, Дзokia, Бурдгу, Мурза, и Епро Кварацхелиевыми в Кодорский Участок со стороны уездной полиции препятствий нет. Управляющий Зугдидским Уездом помощник Уездного Начальника.

Подпись 14 января
1886 года

Печать Секретарь Церетели
(Неразборчиво) Подпись

Приговор с засвидетельствованным планом в Кодорском Участковом Управлении явлен и в книгу под №4 записью и на переселение крестьянина Пахулии Сквмаева Кварацхелиа с сыновьями Тагу, Дзогия, Бурдгу, Мурза, и Епро, в Кодорский Участок препятствий не имеется. В том подписью и приложением казённой печати удостоверяем

Марта 6 дня 1886 года

Очемчире.

Начальник Кодорского Участка
Подполковник.
Подпись.

Много лет я, тот белобрысый, искал истоки этой легенды и, уже потеряв всяческую надежду, в 1990 году по телевизору услышал репортаж о землетрясении в Раче. В нём говорилось, что в Амбролаурском районе имеются незначительные повреждения, но произошло почти полное обрушение старинной крепости Кварацixe. Это сообщение меня поразило. Легенда обрела плоть. Но я опоздал увидеть её ещё «живой». Потом война, годы, проведенные в полунищенском существовании, далеко от родного дома и могил предков.

Как то один друзей предложил мне поехать в Амбролаури. Я с радостью согласился. И вот я, тот мальчик, стою у подножья легенды праотцов на узкой дороге, разделяющей речку Крихи от скалы, на которой, словно простертая к небу ладонь руки уже погребенной в пучину веков. На крутой скале — единственное крыло от крепости, очертаниями похожее на ладонь.

Кисть «руки» Кварацixe вызывает к небесам, как во время молитвы, будит во мне воспоминания, а речка Крихи своими водами, как слеза орошает окрестности, некогда осажденной иноверцами величественной крепости, давшей свое имя людям. Эти люди сохранили память о ней в веках, правда, забыв о её местоположении. Красивой легендой они увековечили её название и подвиг, хотя бы для такого счастливчика, как я.

Я стоял, запрокинув голову, глядя в стену, стоящую одиноко на фоне бесконечного неба. Крутой утес, словно постамент, поддерживал её, молящую, Его — Всевышнего, о чем то, неизвестном мне. Может, она молилась за меня, за мой род, а может, за всю мою многотрадальную Грузию...

О СЕБЕ РОДИМОМ. . .

Жизнь «штука» логичная и всегда начинается, как азбука, с буквы «А», ни с «Б», ни «В» и тем более «Ч» и «Щ». А логика в том, что ребёнок, родившись, начинает ЕЁ с первого вдоха и крика АААА... Вот вам и азбука.

Условно назвав свой труд «Три поколения», я хотел подчеркнуть то обстоятельство, что мои предки начинали жизнь по два раза. Предок по материнской линии вторую начал за несколько тысяч вёрст от родного дома, и продолжил её там же, на северном Урале — примаком, так и не увидев родного очага и могил своих предков. Единственный, почти повторивший, его судьбу — это я. Разница в «малом». Мне пришлось заново начать жизнь в сорок шесть лет, в 1993 году, будучи семейным, намного ближе моего прародителя — за пятьсот километров от очага предков, голым, с поиска «конуры». С буквы А... И очевидно, также как и ему, не удастся, погладить могилы отца и деда, прилечь рядом с ними — на вечный покой.

В этом плане немного повезло деду по отцу. Он вернулся с русско-турецкой войны, сорока шести летним, на полуразрушенное, но сохранённое его родителями хозяйство, удачно женился, создал богатое хозяйство, основал село Кочара в Очамчирском районе Абхазии, и почил с миром в девяносто шесть. Правда, его жизнь не была усеяна лепестками роз — потерял двух детей, позже, два раза его «делали» беднее. Первый раз — меньшевики, второй раз — ободрали «вчистую», да ещё обзавав, правда, не совсем обидно «кулаком» — уже большевики. Вторые оказались круче. Чёрт с ней, с бедностью. Слава Богу, не сослали, но ссылки не избежал уже его сын.

«Таки нагнали» — в тридцать седьмом.

Мой отец вторую жизнь начал в тысяча девятьсот сорок шестом, тридцати семилетним, в дышащем на ладан, отчем доме, сохранённом стараниями престарелых родителей и младшей сестры. После гулаговского (ГУЛАГ — главное управление лагерей) «курорта» у него остался только его профессионализм. Здоровьем, оптимизмом и многим тем, чем обычно одарён по природе человек — не богат. И материально — не богаче церковной мыши.

Так что мои предки, как и я, «рождались» по два раза.

Второй раз я «родился» уже не голым, а нищим...

Итак, появился на свет 16 января 1947 года под сенью тех же штыков, что и мои предки. Просто империя называлась по другому. Родился в городе Очамчире. Закончил железнодорожную среднюю школу №15, потом Грузинский политехнический институт (ГПИ) в Тбилиси, и был распределён на Саратовский завод «Электроаппарат». 75% моих сокурсников «рассеяли» по пространству СССР. Работал от завода на кораблях первой линии (так называли самые большие и мощные корабли военно-морского флота. Первым кораблём был флагман Черноморского ВМ флота – вертолётносец «Москва», последним – большой противолодочный корабль «БПК» или как их ещё называли – фрегат «Комсомолец Украины». Кстати, ни один из них не «живой» (эти крейсера и фрегаты давно списали).

В 1973 году вернулся в Сухуми. Работал в разных организациях на разных должностях. Но подрабатывал в течение пятнадцати лет в одних и тех же. Преподавал основы электротехники и электроники (читал лекции) в Сухумском филиале ГПИ (факультет вечернего и заочного обучения). Числился сотрудником кафедры электротехники ГПИ в Тбилиси. Вторая «постоянная» работа ПСБ (проектно-сметное бюро), где в свободное от основной работы время, делал электротехнические проекты. «Делать деньги» не хотел, а посему заработать их честно мог только так. Правда, один из, так называемых, моих друзей, которого на один месяц назначили исполняющим обязанности большого начальника в обкоме КП Абхазии, проявив инициативу, велел городскому комитету компартии проверить меня на факт уплаты партийных взносов во всех трёх организациях, где я работал. Проверили. Партвзносы, со всех полученных мною зарплат, были уплачены. Мой «друг» же принял от меня пару «тёплых» слов и, мягко сказать, хорошую взбучку от того чьи обязанности он временно исполнял.

Рабочий непрерывный стаж с 1962 года. В отпуске бывал раз семь восемь. На модных курортах того времени (Трускавец, Кисловодск, Юрмала) не бывал. Так что похвастаться нечем. Хоби – рыбалка. Форель ловил почти во всех реках Грузии и их притоках. Рыбачья специализация – хищники. Хотя и утренняя водная гладь реки или озера, с воткнутыми в неё поплавками, зачаровывает!

Карьерный рост закончил в должности заместителя министра промышленности. Я покинул её, даже не написав заявления об уходе.

Набирая этот текст, вспоминается написанная мною первая автобиография. Несколько строчек на тетрадном листке вместили всю мою биографию. Мне хотелось ее ещё дописать, но, увы! А сегодня, в семьдесят четыре года, и добавлять не хочется. Потому что, я вроде, окутан паутиной прожитого времени, невежеством войны, поступками, на первый взгляд, вроде нормальных людей, когда то живших рядом и друживших со мной. Иной раз я прорываю эту паутину, и из её лоскутков ткаю прекрасные воспоминания из той жизни. Бывает, в эту ткань попадают обрывки с колючками, а то и окровавленные, и тогда на многие дни я теряю покой, думая, а не вырезать ли эти кусочки, а может и всю картинку выбросить на помойку... Потом понимаю, что нельзя, потому что не только в моей жизни была чёрно-белая полоса, с преобладанием жирных и чёрных оттенков.

Вот и ткаю я свою биографию, доставая из пряжи прожитых мною лет, то чёрную, то белую нить. Может, этот чёрно-белый гобелен заставит каждого задуматься на одно мгновение о своем...

Поздняя осень

Поздняя осень приносила мегрельским деревням с традиционным их укладом жизни маленькое послабление. Люди могли свободнее себя чувствовать. Позади страда — сбор фруктов, винограда, заготовка сена, дров и всего того, что помогало пережить зиму. Вино уже завершило брожение, и, выйдя из детского возраста — мачари, имело за пазухой «дубинку» для неосторожного, позволившего себе выпить лишнего. Хорошо помню запах и вкус первого восприятия этого напитка. Результат выпитого полного стакана ароматного, чуть шипучего, сладковато-терпкого черного напитка сказывался очень быстро. Я, конечно, не понимал, отчего вокруг меня все хохочут, а на просьбу, дать мне ещё, бабушка ласково ответила:

— «Гибях нана, шумилирек» (хватит, нана — ты пьян).

Итак, поздняя осень, пора расслабления, хождения в город, на ярмарки, в гости к родственникам и долгие посиделки у соседей, но об этом, в другой раз.

Тагу — друг моего деда, чуть навеселе, сошёл с дилижанса на Кочарском повороте далеко за полдень. Спешить было некуда, до дому час ходьбы и он неторопливо зашагал по проселочной дороге. Километров пять надо было идти по безлюдному месту. Сейчас и тогда оно называлось — Цхенцкар, по имени речки, которая текла параллельно дороге. Недалеко была уже почти пустая лазская деревня, а около дороги старое кладбище. Основная масса лазов-мусульман была изгнана со своих земель российским императором, как и другие народности Причерноморья. Махаджирство (переселение мусульман в мусульманское государство) вытеснило в Турцию и грузин-мусульман из Аджарии и, частично, Гурии. В Цхенцкари чудом уцелело несколько семей, которые перемешавшись, с заселёнными сюда эфиопами впоследствии «обабхазились». Бабушка называла их (лазов) турками из-за религии, но отмечала, что язык у них — «чимаргалури» то есть коверканный мегрельский, и общались с ними довольно сносно. Позже я узнал, что мегрелы и лазы один и тот же народ.

Переменчивая осенняя погода готовила сюрприз нашему герою. По мере того, как Тагу приближался к кладбищу, стало понятно, что холодного душа ему не избежать. Деревья, поте-

ряв листву, стояли почти голые, и надо было искать укрытие от начинающегося ливня. Его внимание привлекла крышка гроба на свежем могильном холмике, и он, недолго думая, нырнул под неё.

То ли от монотонного звука дождя, то ли от выпитого, он безмятежно уснул. Мусульмане хоронят усопших без гроба в специальном саване, но в традиции принявших мусульманство лазов гроб сохранился. Хоронили в гробу, засыпая тело землёй, а крышку оставляли поверх холмике, как свидетельство того, что обряд совершен по мусульманскому обычаю.

Тем временем Бехо, опоздав на последний тарантас, вынужден был идти домой из Очамчире пешком. Путь был неблизкий, и одинокого путника застала ночь. Прошедший дождь освежил всё вокруг. Полная луна, появившаяся из-за туч, осветила окрестность, а он приближался к кладбищу. Около дороги отчётливо виднелись два старых лазских памятника над могилами. Они до сих пор там стоят похожие на бамбуковые этажерки или книжные полки. По мере приближения к надгробьям ему всё больше становилось не по себе и, не найдя более эффективного метода подбодрить себя и преодолеть охвативший его внезапно жуткий страх, поровнявшись с кладбищем, Бехо равкнул:

— «Гамарджоба, гурелепи!» — (здравствуйте, мертвецы).

Реакция Тагу, была мгновенной, он крикнул в ответ:

— «Гагимарджос!» — привстав, ударился головой о крышку гроба, которая опрокинулась. Выпрямившись, «мертвец» увидел «набирающего скорость», убегающего прочь человека. «Подожди», — закричал Тагу, но это ещё больше пришпорило несчастного, и он буквально за несколько секунд скрылся из виду.

Тагу потёр растущую шишку, поправил крышку гроба, буркнул поминальные слова в честь усопшего, перекрестился и тихо побрел в ту же сторону, куда скрылся беглец.

Бехо же, со страхом, мчался по дороге, не чувствуя под собой ног, к ближайшему дому пока не повис на калитке усадьбы моего деда Мурзы Кварацхелия — богатого, крепкого крестьянина. Видя единственное спасение и понимая, что до своего дома ему не добежать, он стал отчаянно звать хозяев.

— «Патонь!» — (многофункциональное обращение в данном случае — господин) — откликнулась моя бабушка.

Поняв, что это Бехо, отозвался дед: — «Мозоджи» — (входите).

Хозяйка уже хлопотала у очага пацхи, раздувая пригасший огонь. Бехо, полуживой, ввалился и плюхнулся на треногий стульчик (квела) и не отвечал на вопросы деда. Отдышавшись, он начал: — «Мурза патонь, я опоздал на последний фаэтон и шёл из Очамчире. Проходя мимо кладбища «турок», увидел, как поднялась крышка гроба, оттуда встал мертвец и ко всему ещё велел мне подождать его. Я, конечно же, убежал!». Интенсивно крестясь, с восклицанием: — Горонти скань сахель хвальмель! (Боже славится имя твое), — гость завершил свой рассказ.

— «Ох!» — только и смог вымолвить дед, а бабушка крестилась в углу и готовилась зажечь свечку. Дед поднялся, снял со стены пацхи табаки (низкий столик для приема пищи в Менгрелии) поставил его вблизи очага, а хозяйка начала его сервировать. Первым появился графинчик с домашней водкой, рюмки, орех-фундук. Затем кувшин с вином, поминальная тарелка с тремя стаканчиками и куском хлеба. В них налили воду, чачу и вино. На край тарелки закрепили восковую свечку и зажгли.

Дед наполнил рюмки, встал со стульчика, за ним привстал Бехо, чокнулись и со словами: «Вочхонуат гурелепь!» (помянем усопших) — опрокинули их. Защелкали орехи меж зубов. Бабушка добавляла снесь.

Тагу тем временем подходил к дому Мурзы. Приблизившись, он увидел через плетённые хворостом стены пацхи (менгрельское жилище, плетённое из хлыстов рододендрона) свет очага, понял, что в доме не спят, и тоже «попросился» в гости. Получив ответ: «Мозоджит, Тагу патони» (входите, господин Тагу), вошёл в комнату, снял с головы башлык и со словами — «тквани джгиrhoбуа», (ваше благополучие) присел к столу. Дед неспешно наполнил ему рюмочку. Тем временем Тагу, не дожидаясь вопросов, со словами — «Мусхе боро гилебандаль те шарас (сколько дураков болтается на этих дорогах), джимагурель!» (присказка — идиома «мертвый брат»), поднялся с рюмочкой в руке и произнес: — тквани джгиrhoбуа! (ваше благополучие). На что дед отреагировал: — «Вар! гурелепишире» (нет, за усопших).

Тагу поправился, произнёс соответствующий моменту тост, выпил и сел.

— Муамбере? (какие новости?) — спросил Мурза. Тагу начал рассказывать о своём злключении. Когда он дошёл до момента, как лёг под крышку гроба, Бехо вскочил и схватился за кинжал. У деда отвисла челюсть, а бабушка, сидящая в углу пацхи, прыснула. Дед сначала на неё цикнул, но после слов

«Гамарджоба, гурелепь», разбудивших Тагу на кладбище, корчась от смеха, упал с трехногого стульчика.

Тагу неспешно продолжал рассказ, хотя и был сконфужен видом, катающегося по полу Мурзы, плачущей от смеха моей бабушки и грозной позы Бехо. Вскоре он закончил. История недлинная. Бабушка платком вытирала слёзы. Дед держал Бехо, который повторял одно и то же: «Пфуй, скан кочанас!» (тьфу, на твою человечность!). Однако через некоторое время смеялись и Бехо с Тагу.

Под утро из пацхи Мурзы Кварацхелия доносилась сначала робкая, а затем более смелая и громкая застольная песня, приветствуя новый день.

Поздняя осень тем и хороша, что спешить некуда. Тосты сами собой текли из уст, заполняя их место вином и закуской, не только тамады, но и вчерашних случайных гостей.

Большой глаз

Отец, прошедший через Дантовы круги, всегда был, как взведённый курок — на чеку. Конечно же, на него наложили отпечаток дни, проведённые в тюрьмах и лагерях с 1937 по 1946 годы, с номером вместо фамилии, выигрышным лотерейным билетом и призом — жизнь

Курить бросил после ссылки. Спиртное никогда не любил, но, когда приходил домой «под шафе», для меня это был праздник. Он тогда расслаблялся и в другое время, я боявшийся его о чём-нибудь попросить, кланчил деньги на развлечения и конфеты — подушечки. Он никогда не отказывал. Я очень любил отца, но такие моменты были для меня даром судьбы.

В один из таких дней встретил его у калитки. Привез его на своём служебном «Бобике», первом советском внедорожнике, имеющим и другое прозвище «Колхозник», с какого-то застолья Арсен Харчилава — председателя колхоза села Кочара. Известный в республике человек, требовательный, но справедливый руководитель, он был всеобщим любимцем. Обладая даром красноречия, а посему и бессменный тамада на всех торжествах, он не имел равных себе за столом. Перешить его тоже было весьма сложно. Будучи незаурядным человеком, в моей памяти он остался лучшим председателем, при котором село отстроилось как никогда позднее. Мой отец работал в колхозе инженером-строителем. Естественно, без них не обходился ни один сельский праздник. Кроме того, их связывало и дальней родство. Арсен расцеловал меня, сел в машину и уехал. В руках отец держал коробку. Он погладил меня и сказал: «Это тебе». Я моментально открыл её, и на меня дохнули свежей кожей и краской, черные ботинки с привязанными к ним длинными шнурками. В те далёкие годы это была великая редкость. Ребячий восторг подогревало и то, что дырочки от шнурок заканчивались несколькими крючками вверху. Чего греха таить, этот дефицит достался мне от директора сельмага, благодаря должности отца.

С криком, деда-деда (мама, мама) — так до двенадцати лет звал свою бабушку, которая меня воспитывала, побежал к крыльцу. Отец подошёл, увидел, что ботинки чуть велики, но это не имело значения — на вырост. Сел рядом и начал тихо, как-бы про себя, но внятно говорить:

— Нравится, вижу. Вспоминаю, когда мне пошили первые «каниш чапла» (обувь из сыромятной кожи). До этого я ходил летом босиком. Зимой меня обували в старые сыромятные из буйволиной кожи отцовские или материнские «каниш чапла». А первые, специально на мою ногу, сшили к началу школы. В первом классе не все дети могли иметь такую обувь. Большинство ходили в школу босиком, а в снег сидели дома. Сынок, я целую неделю не мог наглядеться на свои «чапли», и ночью клал их себе под подушку. Их нельзя было просто так, когда угодно обуть. Они за день просыхали, и толстая кожа становилась крепкой, как дерево. Существовал один способ одеть — их надо было размочить. Становясь мягкими и скользкими, они со шлепком, как резиновые, насакивали на босую ногу. На шерстяной вязаный носок, натянуть их было сложнее. Такую обувь носили большинство крестьян, хотя мои родители носили и фабричную обувь. Твой дед был участником турецкой компании, имел какой-то солдатский чин. Был награжден медалями. Имел также именное оружие — саблю, кинжал и турецкую винтовку, которым его наградила командир полка.

— Мама, как фамилия папиного полковника? — вдруг спросил он мою бабушку.

— Кидиашвили — нана ты, что забыл? На что отец разразился хохотом:

— Не Кидиашвили, а Клдиашвили!

— Ну тебя, как знаю, так и говорю — усмехалась бабушка.

— А как будет по-русски «чхоу» деда? — спросил я, подражая отцу (чхоу — корова).

— Корола — отвечала она со смехом. Моя золотая и единственная Бабушка-мама. — Отца это ещё больше развеселило, и он продолжал:

— Настал день идти в школу. Сентябрь месяц обычно тёплый. Клубок детворы увеличивался у каждого двора и, сопровождаемый шумом и гвалтом, катился в направлении школы, до которой, кстати, было километров пять. Это расстояние преодолевали бегом, играючи и, главное, незаметно. В основном это была босоногая братия. У меня же за плечами болтались на сыромятых ремешках мои — «каниш чапла». Не доходя до школы надо было их размочить и надеть на ногу. Вечером весь этот процесс повторялся ровно наоборот. Дорога из школы занимала у ребят гораздо больше времени и нередко домой приходили уже к ночи.

Однажды, заигравшись, мы оказались в кромешной тьме возле бывшей турецкой (лазской) мельницы. Это место считалось заколдованным. Многие взрослые не решались в одиночку ходить здесь ночью. Метров двести с лишним вдоль дороги стоял очень высокий сплошной лес, настолько заросший колючками и лианами, что сквозь него ничего не было видно даже днём. Старики говаривали, что здесь часто появлялись «Чинка» и «Ткаши мапа» (лесные страшилища).

«Чинка» в мегрельском поверье — это такой маленький и волосатый человек — насмешник. Вроде кому-то он встречался, но говорили, что он никому плохого не сделал. Он мог насмехаться над людьми и передразнивать их.

Может это память о тех временах, когда здесь водились обезьяны...

Это место и днём проходить было жутковато, а тут ни зги не видать. Мы сжались в кучу и шли, оглядываясь по сторонам. Вдруг я увидел в чаще леса огромный, с тарелку глаз. От ужаса обмер. Оказалось не я один. Все на мгновение остановились, а потом мы, даже не поняв, что случилось, опрометью помчались из этого заклятого места. Бежали без оглядки. Я влетев в дом, перепугал своим видом родителей. Ужас обуревал меня. Немного успокоившись, рассказал отцу про огромный глаз.

Отец перекрестился и сказал: — Пойдём, покажи, где это-не боишься? С отцом мне, конечно, не было страшно. Он заткнул за пояс свой пятизарядный «Смит-Вессон» тридцать восьмого калибра (револьвер деда с тех пор хранился в семье. Его украли в селе Сакен в сентябре девяносто третьего года, во время грузино-абхазского конфликта из бардачка моей машины, две женщины (с детьми). Я пожалел их, и предложил им переночевать в салоне «восьмёрки». Они ушли на перевал рано утром с мужьями. Я обнаружил пропажу позднее). Отец также прихватил с собой цалду (топорик с носиком на длинной ручке для расчистки колючек). Мама уговаривала отца не ходить, но аргумент был веским: — Там дети ходят, вдруг что-то произойдёт. Когда мы вышли из дома, я буквально вжался в подол отцовской чохи.

Это место было недалеко от дома, и глаз мы нашли быстро.

— Пфуи, эшмакс! (Тьфу, чёрт!) — произнёс отец, и я почувствовал, что он крестится. Выстрел разорвал тишину. Ещё хлопок и ещё. Глаз даже не дёрнулся.

— Горонт скань сахель хвамиль — сказал отец, но стрелять больше не стал, и мы тихонько двинулись в сторону глаза.

Я был в ужасе, но отцу признаваться в этом было стыдно. Наконец, мы подошли очень близко к голубоватому круглому глазу с чёрным зрачком, но он не шевелился.

Отец огрел глаз цалдой. Раздался сухой стук дерева. — Пфуи, — сплюнул отец и приподнял глаз на руки. Всё оказалось просто. Это был дубовый, прогнивший чурбан. Сгнившая часть фосфоренцировала голубоватым светом, а внутри была чёрная сердцевина. Вот и вся страшилка.

Святящийся кусок отец отрубил, и мы со смехом вернулись домой.

«Глаз» я привязал к забору возле калитки. Он ещё долгое время светился по ночам, пока не сгнил окончательно и не развалился.

Белый, белый скакун

Значение слова — «раньше» мы знаем понаслышке, и если есть возможность, читаем об этом «раньше», но совсем другое, когда это «раньше» не слишком далеко от тебя, твоего времени и касается твоих ближайших предков.

«Раньше» ещё и то, что держит нас в определенных рамках, традиции народа и семьи. «Раньше», это ещё и тосты, произносимые нами за наших предков, и, естественно, означающее уважение этого «раньше» и сегодня. Когданибудь, и сегодня станет «раньше» и время понесет эту эстафету другим поколениям.

«Раньше» для меня другой стиль жизни, понятий, поведений. Я это знаю по рассказам моей бабушки, отца, а также тех стариков, которых я ещё застал на этой Земле и успел «отщипнуть» от их воспоминаний.

Они не восхищались автомобилем, радио и другими новшествами, а с тоской вспоминали своих коней, непроходимые леса и тропы полные опасностей. Вспоминали свои табанчи (очевидно название оружия произошло от румынского револьвера «Диманча»). Используя их, праздновали они свадьбы и рождения, радуясь маленькому отдыху и праздникам, в цепи их повседневной обыденной и трудной жизни.

Молодые развлекались ещё и абректством. Хотя для некоторых это было и способом существования. Ради развлечения этим занимались дети очень состоятельных людей и дворян. Одно из самых распространенных — увести хорошего коня. Увести его под покровом ночи очень далеко, продать, обменять на оружие или ещё на чтонибудь.

Самым известным путем сбыта был Клухорский перевал. Конечно, не любую клячу вели через перевал, но очень знаменитых коней обязательно нужно было отправить туда. Они были в пределах двухсот километров слишком узнаваемы, а это считалось нечистой работой, да и было чревато неприятностями. Дорога на Карачай занимала целую ночь. День там, обмен коня, опять ночь и уже дома.

С таким планом выехали Мурза и Коция из Кочар в сторону Адзюбжи. В Адзюбже жил известный дворянин и дальний родственник дворянина Коции Маршания. Всем было известно, что во дворе Адзюбжинской усадьбы стоял великолепный, ослепительно белый породистый жеребец. Вечерело.

Молодые люди, позвякивая оружием, мчались по пролеску навстречу приключению. Часа через два они уже подъезжали к деревне. Темноту ночи усиливали нависшие дождевые тучи, но дорога им была известна, да и лошади исправно несли к цели. Адзюбжа спала. Кое-где потявкивали собаки. Света в домах не было. Всё предвещало успех.

Усадьба находилась поодаль от других домов, да и традиционно мегрельские и абхазские деревни представляли собой одиночные дома-усадьбы, разбросанные по окрестностям невысоких холмов, и отстоящие друг от друга на несколько сот метров. Днем то и дело было слышно, как соседи перекрикивались или пересвистывались, передовая друг другу какую-нибудь важную новость. Естественно, она становилась сразу всеобщим достоянием. И так, они подъезжали к усадьбе. Вдруг навстречу выскочил пёс, вроде бы огрызнулся, но, очевидно, узнав голос Коции, пару раз заскулил и, вильнув хвостом, побрёл перед ними. Настало время спешиться. Лошадей привязали к забору, плетённому из рододендровых прутьев и тихо, пройдя маленькую калитку, через задний двор пробрались в конюшню. Всё было великолепно. Конь белым пятном освещал помещение и не проявил большого беспокойства при их приближении.

Надо было действовать споро, и они в четыре руки стали обматывать подкованные копыта тряпками. Управились быстро. Молодым это не трудно. Ещё нет осознания реальной опасности и, естественно, страха, и кажется, что можно один на один схватиться с дэвом. Осознание чувства опасности у человека появляется с возрастом. Юношам казалось, что всё прошло хорошо, и они выводили скакуна из конюшни. Оставалось с десятков метров пройти по двору, как из оды (жилой дом) раздался вопль — «Хайт!». Тишину ночи разорвал выстрел, ещё и ещё. Им стало не до коня, тем более, что со страху конь вырвался из рук и убежал на середину двора.

С десятков метров через забор, на коней и, дёру. Было не до шуток, они понимали, что могут и подстрелить. Хотя их и не было видно, но в них стреляли по звуку скачущих коней. Несколько пуль просвистело рядом и, отрикошетив от веток, так пронзительно взвизгнули, что у молодых людей кровь застыла в жилах. Кони инстинктивно уносили их прочь. В этой гонке их могло спасти только то, что они должны были пригнуться к спинам коней, иначе их могла снести с седла любая ветка.

Минут через десять кони сами перешли на рысь и остановились. Со стороны усадьбы слышался шум, крики проснувшихся слуг и дворового люда. Весь дом озарился светом,

а наши герои с соседнего пригорка наблюдали за этим из чащи густого дубняка. Это не было любопытством, нужно было убедиться, что нет погони. Отдохнув немного, они пришпорили лошадей и двинулись прочь в Кочару, к дому.

Была глубокая ночь, они молчали не в состоянии понять, что же произошло. Не доехав до дома, попали под ливень. Дождь лил, как из ведра. Обычное явление в Колхидской низменности. Все это восприняли, как невезение, тем более, что рассчитывали в это время быть где-то в районе Латы и, напевая какой-либо мотив продолжать путь на Клухорский перевал, иной раз, любуясь белым красавцем.

Но реально они подъезжали к дому Коции, намокшие и удрученные неудачей.

Въехав во двор, немедленно разбудили слугу, велели почистить и высушить одежду. Сон пришел моментально, так же, как и пробуждение.

Весь дом гудел. Все куда-то бежали. Со стороны усадебных ворот слышался знакомый — «Хайт!». Усадьба оживала. В окне еле проглядывалась утренняя заря, приглушенная низкими дождевыми облаками. В комнату вбежал слуга, зажег керосиновую лампу и впопыхах сообщил, что приехал родственник из Адзюбжи.

Первое, что интересовало друзей, была одежда и сапоги. Всё оказалось на месте, чистое и сухое. Слуга, слава Богу, добросовестно выполнил поручение. Беспокойство закралось в их молодые сердца. Неужели их узнали? Они, как перепуганные лисята смотрели друг на друга из-под одеял.

К этому времени зал дома наполнился гостями. К ним вышел отец Коции. Полковник царской армии, человек весьма строгих понятий и правил. Наступал самый критический момент. Если они узнаны, то их ждала суровая кара вплоть до того, что хозяин дома и отец Коции мог их просто застрелить. Такие были времена и нравы. Тем более, что они нарушили адат предков, хотя и по молодости. Но это не прощалось и не являлось смягчающим обстоятельством.

— Знаешь, зачем я пришел в твой дом, уважаемый брат Омар? — произнес гость

— Твой приход всегда желанен. И в этом доме тебе всегда рады — ответил князь.

Закон гостеприимства действовал в домах всей Западной Грузии — Мегрелии, Абхазии одинаково. На скотном дворе уже завалили бычка. Дворовый люд носился, готовясь к пиру.

Крестьянин — Мурза и князь — Коция, все еще не смея вставать, ждали развития событий. Они ещё не были в том возрасте, чтоб присутствовать на церемонии приёма дорогого гостя, а тем более не имели пока чести сидеть за столом рядом со старшими. Они могли только обслуживать почетных гостей. Да и отношения между дворянами и свободными крестьянами, к коему сословию относился Мурза Кварацхелия, были весьма демократичными. Забегая наперед на многие годы, и в подтверждение данной демократии и величайшей дружбы этих людей, Мурза Кварацхелия был удостоен чести крестить дочку Коции Маршания, Анули, мать известного грузинского футболиста Ниаза Дзяпш-ипа.

В зале же продолжалось действо. Гость попросил у хозяина особый сосуд и, наполнив его, уже подоспевшим вином, начал говорить:

— Дорогой Омар! Во сне ко мне явился твой отец.

Он прикрикнул на меня, царство ему небесное, мол, глупец, чего ты спишь, когда со двора уводят твоего коня? Спросонья я, даже не думая, схватил табанчу и стал палить в потолок. Настолько явно это мне привиделось, что нельзя было отличить, где сон, а где явь.

Мелкая дрожь стала покидать молодых людей. Они поднялись с кроватей, и стали не спеша одеваться. «Ураган» пролетел над ними, лишь подняв дыбом волосы.

— Разбуженные выстрелами слуги увидели коня во дворе, и скачущих прочь двух всадников на пригорке. Мы не успели их подстрелить. Правда, стреляли на звук копыт, но абраги сумели уйти. Да и следы потеряли. После такого ливня невозможно было увидеть что-либо. Все дороги были размыты. Вот я и приехал, брат, к тебе, почтить память твоего отца. Пусть он и в дальнейшем будет хранителем и твоего и моего покоя, — завершил свой рассказ князь

После нескольких тостов разговор перешёл в менее эмоциональную плоскость. Чернь к этому времени готовила грандиозный пир. Молодые люди, одевшись, и обдав себя крестным знаменем перед образом Божьей матери, тоже вышли во двор и включились в общее приготовление.

Застолье длилось два дня и закончилось так же внезапно, как и началось. Гости встали, ещё раз помянули всех усопших, выпили за здоровье хозяев и так же шумно, как приехали, выехали со двора по деревенской дороге, покачиваясь в седлах, в сторону Адзюбжи.

Единственного, кого не хватало — так это белого-белого скакуна.

Неисповедимы пути Господни

Молодой офицер поеживался от холода раннего декабрьского утра. Будущее уже приближалось к нему, и вскоре должно было умчаться по Высочайшему повелению на вечное поселение за уральский хребет — в далекую и загадочную страну Вогулов.

Но сегодня, здесь, на Сенатской площади, завтра виделось поручику в радужном свете. Он и его товарищи, ведомые блестящими командирами, верили, что смогут повернуть ход истории и создать новую Россию — счастливую, сытую, справедливую.

А судьба тем временем неумолимо приближалась к бунтовщикам, неся с собой, кому веревки на перекладах, а кому — вечную ссылку.

Так в 1825 году с восстания декабристов начиналась вторая половина моего начала, а поручика Лебедева колёса судьбы уже мчали на Урал, удаляя от возможной успешной карьеры офицера элитного полка Русской армии. От Петербургского светского общества и от знакомого с детства блеска, сияния и благополучия остались только осколки в памяти. Сани уносили его прочь от Петербурга, а в дымке, поднимающейся из-под полозьев снежной пыли проглядывался шпиль Петропавловской крепости, как штык, пронзающий столичное небо. Впереди, за спиной ямщика и парой лошадиных круп маячила смутная даль — однообразная, перекошенная и нищая.

Две линии разных судеб и национальностей искривились в пространстве и пошли навстречу друг другу, чтобы однажды, через десятилетия, в 1946 году пересечься и слиться воедино. Но поручику это было неизвестно. Укутанный в тулуп, с ветерком, пропитанным запахом возничего и лошадей, скользил он в свою неизбежность.

...К весне добрались до Богуславска. Деревня, затерянная на Севере Урала, стала второй родиной русского офицера. Здесь он вскоре женился на дочери Мансийского вождя. От этого брака родилась дочь, моя прабабушка. Род Лебедевых закончился на ней. У прабабушки также была единственная дочь — моя бабка. Она вышла замуж за русского, то ли переселенца, то ли ссыльного по фамилии Губашов.

Этот Губашов был моим дедом, которого помню весьма смутно. Коренастый мужик с русой густой квадратной бородой проглядывается в моей памяти неизменно с корзиной грибов,

на которых ползают мелкие, прозрачные червячки. Стресс от увиденного заставил меня именно в таком сочетании запомнить деда, который очевидно и принёс эти грибы.

Бабушку не помню. Помню ещё и огромную печь посреди избы и на ней, почти под потолком, почему-то вечно мятые цветные — из лоскутов стеганные одеяла. Хорошо отпечатались в памяти большая дыра в печи, несколько чугунов разного размера, а также этакая стилизованная розочка на длинной деревянной ручке, которую называли ухватом. Детская память выхватила именно эти картинки из того быта, ибо житье было голодное и ожидание еды, и все процедуры с ней связанные, незабываемы. Ухватом из печи доставали горшок, полный распаренной картошки, и ставили на стол. Картошку взять руками было невозможно, она обжигала, и дед сначала перекачивал её в ладонях, потом дул на неё долго и после этого подавал мне. Но и после этого она была очень горячей. С тех пор слишком горячая еда не доставляет мне удовольствия.

В начале двадцатого века Богуславск и округа стали постепенно наполняться всяким людом в основном русского происхождения, что не в лучшую сторону повлияло на местную культуру и, конечно, язык вогулов, который в наше время почти забыт. Язык хантов и манси родственен мадьярскому (венгерскому), и вообще говорят: сам Аттила, Великий гун — из здешних. Позже эти места становятся частью Архипелага ГУЛАГ. На пространстве от Баренцева до Чукотского морей, Советская власть создает плотную сеть лагерей для «врагов народа». С 1935 года, а в дальнейшем и после войны эти обпроволоченные территории непрерывно заполняются «неудобными», бывшими военнопленными, пленными солдатами Вермахта, а вместе с ними и отбросами общества, которые создавали в лагерях режим в режиме, насаждая свои правила и понятия. Сюда же переселили немцев с Поволжья, которые создали свои аккуратные, чистенькие сообщества, совершенно не похожие на другие этнические группы.

37 год здесь пик НКВДшной деятельности. Он сопровождается строительным бумом. На этом месте рождается город Краснотурьинск с городообразующим предприятием — Богуславским Алюминиевым заводом. На его создание были брошены большие силы, как на стратегически важную отрасль. Среди строителей этого гиганта цветной металлургии был мой отец, бывший прораб из горного Ткварчели, а ныне заключенный с номером на телогрейке. Так оказался здесь будущий муж правнучки поручика Лебедева, почившего в этом неудобном краю,

так и не попавшего в родной Петербург. Блестящий инженер, он очень быстро стал одним из руководителей этой стройки.

Описанное житьё в этом аду в наше время немного сложно понять, но это было и от этого не уйти, хотя с годами оно видится по-другому. В завшивленных бараках Лагерей, спрессовывали людей с разными обычаями, языками, характерами. Эта «каша» должна была обязательно распариться и стать однообразной массой, удобной для беспроблемного использования по назначению. И эту задачу «весьма хорошо» выполнял Народный Комиссариат Внутренних Дел (НКВД).

В первые годы в лагерь сплошным потоком шли осужденные по одинаковым статьям — «враги народа», саботажники, иностранные шпионы и, как сейчас говорят, политические. Среди зеков не было случаев краж, воровства, убийств. Однако ситуация резко изменилось с появлением уголовников. И в первую очередь это коснулось политических, которых некому было защитить.

Был случай, когда у одного из «врагов народа» спёрли телогрейку. На стройплощадке под пятьдесят мороза, а на работу «врагам» не выйти нельзя, могут шлёпнуть за саботаж. Кстати, это правило не распространялось на уголовников, которым в лагерях жилось намного вольготнее. Выход был найден. Бригада из десятка политических несколько дней, пока не одели пострадавшего, работала в режиме «снимай, дай соседу». Из-за того, что человек без верхней одежды мог вмиг замерзнуть, каждые пару, тройку минут один из политических отдавал свою тёплую телогрейку полуголому соседу. Сам же, через пару минут, оставался без ватника. Далее процедура повторялась, и «раздетым» на стройке, работал уже другой. Охрана, слава Богу, на это не реагировала и никто не замерз. В бараке пришлось установить дежурство, которое вскоре дало результат. В одну из ночей при попытке украсть очередную телогрейку вора поймали с поличным. И как Вы думаете, что с ним сделали? Его не били, не стыдили, а просто-напросто три раза подбросили под потолок барака и ни разу не поймали. После этого выкинули за окно, в морозную ночь. Наутро, тело, конечно же, «обнаружили», звонкое, как хрустальный бокал. Тулуп с него сняли политические, а труп закопала санитарная команда. После этого кража одежды и сапог прекратилась. Вот такие там царили нравы.

Во время войны в зонах появились пленные. К концу войны, как говорил отец, их число только на его стройке достигало трех с половиной тысяч человек. Кстати, они имели вольное хождение.

...Как-то раз летом я готовил дома борщ, ибо женщины поехали на десять дней в водолечебницу. Капуста оказалась отменной, с большими, сочными и сладкими кочерыжками. Отец крутился около меня, у него был выходной.

— Тарас, хочешь кочерыжку, — предложил я (отца я тогда звал по имени).

Он вдруг замер. Я посмотрел на него и впервые увидел ярость в его глазах. Хотя он был очень строг ко мне, но такого лица я не видел ни до, ни после этого.

— Издеваешься? — со злостью процедил он. Я не мог понять его реакции и сказал, что не собирался над ним издеваться, просто предложил вкусную кочерыжку.

— Ты не знаешь... Я не рассказывал? — чуть смягчившись, спросил он.

— Нет, а что?

— Это было году в сорокчетвёртом. Под моим началом было много немецких военнопленных — отличных работников и хороших специалистов. Они были дружелюбны, хорошо относились ко мне. Было воскресенье, день выдался на редкость тёплый, совпавший с каким-то Всесоюзным праздником, и мы не работали. Прогуливаясь около колючего забора лагеря, я увидел группу «моих» немцев. Они шли по дороге вдоль лагерной ограды и ели на редкость большие кочерыжки. Хруст разносился на всю округу. Один из них, увидев меня, крикнул:

— Мурзович, кочерыжка, кочерыжка! — Они довольно быстро начинали болтать по-русски. В лагере даже больших начальников крупнейшей стройки кормили плохо, а тут свежая, сочная капуста. Немцы перекинули мне через забор три штуки. Я не успел нагнуться за ними, как получил глухой удар по голове. Меня привели в чувство через полчаса. Оказалось, что из-за этого проклятого овоща на меня напали рецидивисты, которыми кишели лагерь. Сам бы отдал, но это зверьё не любило просить, тем более я оказался около них один. Немцы мне помочь не могли, они были за забором, но, подняв крик, привлекли внимание других политических, которые и вырвали меня из лап напавших. Поэтому «кочерыжка» вызвала у меня такую реакцию. Я думал, что ты знаешь эту историю и решил подшутить надо мной. Извини! Тогда я целую неделю провалялся в бараке. После этого у меня начались неприятности с легкими, и в конце концов лагерный врач-зек поставил диагноз: туберкулез. Мои друзья успокаивали — пережил цингу, мол, и это обойдется, но оказалось не все так просто. Болезнь прогрессировала. Она была весьма распространена по всему пространству ГУЛАГА.

В то время велись весьма сложные и тяжелые работы по прокладке узкоколейки в тайге. Строили уже несколько лет. Продвижение на одну дистанцию (отрезок пути) занимало три года. Работу по наращиванию насыпи можно было вести только зимой. Насыпали возможный уровень промёрзлой земли, летом же эта насыпь проваливалась в оттаявшую вечную мерзлоту. Только на третье лето на такую насыпь клали «железку». Отец разработал новый необычный метод, позволявший втрое сократить срок ввода дороги в эксплуатацию. Соответственно завод раньше срока получал руду и мог досрочно дать стране алюминий. По его плану по трассе дороги вырубали тайгу. Из деревьев по обе стороны будущей узкоколейки ставили часток из бревен высотой в три насыпи. Всё это делалось летом, чтоб зимой засыпать тройной дозой грунта. На следующее лето насыпь должна была осесть до нужной отметки, после этого часток-опалубку откидывали по сторонам и получали две дороги из брёвен. Этот план утвердили и работы продолжились с усиленной интенсивностью.

Однако, коварная болезнь медленно подкашивала здоровье отца. Он стал харкать кровью, открылись каверны. Ему говорили, что надо поостеречься. В то время гибель заключенных от туберкулеза мало кого волновала. Это считалось издержкой производства. Лекарств нет, врачей тоже.

Кто-то из вольнонаемных посоветовал отцу обратиться к местной целительнице: если кто и поможет, так только она. Так он попал в семью Губашовых, к моей русской бабушке. Женщина действительно оказалась чудесным лекарем. Она отпаивала больного какими-то настойками. Позже заявила ему, что он должен начать есть собачатину. Она ходила по деревням, находила старых разжиревших псов, разделявала их, варила и самые жирные куски, несмотря на его протесты, заставляла есть. У Губашовых была единственная дочь — темно-русская красавица Александра (Шура), которая иной раз помогала своей матери в уходе и лечении, приезжающего к ним смуглого грузина.

Болезнь настолько подорвала его здоровье, что НКВДшное начальство закрывало глаза на частые отлучки, будучи уверенным, что он скоро «даст дуба» (долго не протянет). Так шли дни и недели. Целый день в тайге, а вечером у целительницы. Его худоба дошла до предела. Он был похож на мешок с костями. Единственное — не гремел при ходьбе, но иной раз

водителю служебной машины приходилось поддерживать своего начальника. Конец казался лишь вопросом времени. В Грузии получали наполненные тоской и грустью письма, в которых он про себя прощался с родными. Однако время шло, и на удивление всем, Тарас стал набирать вес. Ввалившиеся щёки, которые с трудом выбривались его самодельной, из немецкого подшипника, опасной бритвой, округлились. Болезнь стала отступать. Будущая тёща натирала его медвежьим жиром, и он постоянно вонял, как косялапый. Друзья шутили, советовали узнать жиром самки или самца его мажут. Если самки, то в тайгу ни шагу, а то вдруг Потапыч будет проходить мимо... Платок перестал окрашиваться кровью. Медленно происходило чудо выздоровления. Его лицу вернулась прежняя красота. В глазах Шурочки появились чёртики, как и в глазах пациента её матери. Любовь добавляла сил и желания жить. Начался отвал «опалубок». Последний этап его плана доказал правильность расчётов. По появившимся с обеих сторон дорогам двинулась техника. Параллельно началась укладка железнодорожного полотна. К этому времени здоровье Тараса почти восстановилось. Приближалось время пуска узкоколейки.

На открытие наехало большое начальство. Дорогу пустили с помпой.

На одно из совещаний, посвящённому этому событию, был вызван автор проекта. Приёмная комиссия, оценив его вклад в строительство, постановила наградить девятью тысячами рублей. Но была и альтернатива: вместо денег предложили скопировать последний, десятый год заключения. Сегодня это называется УДО. Впервые за последние девять лет ему вернули право выбора — деньги, в то время очень большие, но сидеть до конца срока, или досрочное освобождение.

— Руководитель ещё не успел огласить постановление комиссии до конца, как я выпал — год досрочного, — вспоминал отец — Новый сорок шестой год встречал в ожидании документов на освобождение. Однако, ожидание затянулось и, решив, что уже никогда не дождусь их, женился...

Вот и сошлись линии двух судеб, на которые нанизаны люди разных культур, этнической принадлежности и сословий, родившиеся и жившие на расстоянии в несколько тысяч километров друг от друга. Линия одной фамилии закончилась, чтоб помочь другой продолжить свой путь в пространстве и времени.

Воистину: Господи! Неисповедимы пути твои!

Ночная канонада

Строительство горняцкого городка сопряжено с колоссальными трудностями. Шли тридцатые годы XX-го столетия. Началу работ сопутствовали большие дискуссии о целесообразности строительства города Ткварчели. Многие крупные специалисты выступали против, обосновывая это, наличием незначительных запасов каменного угля и нерентабельностью разработок. Приводились цифры перспективности разработок в тридцать-сорок лет, сложные работы и объёмы больших капиталовложений. Но их доводы упирались в единоличное решение Нестора Лакоба, которому, во что быто ни стало нужно было создать в Абхазии горнодобывающую промышленность и тем самым доказать свою значимость и компетентность в этом вопросе. Понятно, кто в этом споре стал победителем. А все оппоненты странным образом исчезали. В том числе и первый главный инженер «Ткварчельстроя», который выдвинул теорию о нецелесообразности строительства горняцкого города и угольных разработок. Поговаривали о том, что Нестор лично застрелил его. Он был хорошим стрелком. Была и альтернатива развитию района. Из-за особого микроклимата долины и при наличии горячих радоновых источников — создать курортную инфраструктуру.

Волна репрессий ещё не покатила по стране, но лозунги убеждали общественное мнение, особенно бедняцкие слои, что плохо и голодно из-за того, что вокруг много недоброжелателей и вредителей. Раскулачивание уже произошло. Дед лишился мельницы, которую построил, проведя от реки Цхенцхар километровый отводной канал. В 1921 году он зарегистрировал её как индивидуальное предприятие. Сорока гектаров пахотной земли и двадцати гектаров леса его лишили ещё раньше, вместе с четырьмя парами рабочих быков грузинские социал — демократы.

Я учился в Очамчире и жил у мамиды (сестры моего отца). В деревню, где находилась моя семья, приезжал лишь на выходные или каникулы. На Новый год выпал снег. Желание пострелять дроздов и соек уткнулось в неимение патронов. Надо было себя чем-то занять. Я стал рассматривать семейный фотоальбом. Моё внимание привлекла неизвестная фотография. Отец активно занимался фотографией, и появление новых снимков в альбоме не было необычным. Удивило меня то, что снят был

какой-то несуразный четырёхэтажный дом. Три первых этажа, сложенных из тёсаного камня, не сочетались с четвёртым, выпадающим из общего стиля. Фотография была подписана: «Общежитие №1 на Джантухе». Я отложил её и, как только отец приехал с работы, предъявил ему вопрос о «необыкновенности» оной. Очевидно, тон и манера вопроса ему не понравились, он раздражённо ответил, что устал. Поняв, что сегодня его надо оставить в покое, я на второй день, после того как он просмотрел газеты, подсев к нему, спросил: «Почему вы сняли этот дом? Моя «уловка» удалась. Он хитренько улыбнулся в усы, поглядел в сторону почему-то вдруг загудевшей печи и начал: — Я поехал специально, чтобы снять этот дом, но там, в горах меня застал туман и снимок получился не очень. Это последнее, что я начал строить и не достроил. Я давно там не был. Захотелось посмотреть, что там изменилось и сфотографировать этот треклятый дом. Я потом подробнее расскажу тебе о нём (спустя много лет, разбирая его архив, эту фотографию я обнаружил среди документов с просьбой о реабилитации). А тогда он, очевидно, решил, что мне, маленькому мальчику, незачем было это знать. К сожалению, будущее мы не могли предвидеть. Были молоды, полны энтузиазма. Нам казалось, что мы, комсомольцы, на правильном пути. Мы строили город. Я был членом комитета комсомола «Ткварчельстроя». Местное население из окрестных деревень было весьма недоброжелательно настроено к стройке и иногда постреливало в рабочих.

Моя бригада начала раскорчевку стройплощадки на Джантухе. Мы должны были построить трёхэтажный жилой дом, который достроили уже без меня и назвали — «Общежитие № 1». Участки были удалены от управления, что создавало проблемы с перевозкой зарплаты, которая входила и в мои обязанности, как прораба. Был день зарплаты. Сев на коня я поехал в управление, которое находилось километрах в двух. Взял деньги в кассе и, пройдя все процедуры, собрался назад. Ко мне подошёл сотрудник НКВД, мой друг и родственник.

— Может дать тебе охрану? На этой дороге шастают какие-то люди. Да и твой белый конь слишком заметен в лесу, — сказал он

— Что может случиться, ведь не далеко. Пришпорю коня и очень быстро буду на месте, — ответил я.

— Ну, как знаешь. Вечереет, будь осторожен.

Я пришпорил коня и по лесной дороге поскакал к своему жилищу. Оставалось преодолеть несколько сот метров —

небольшое ущелье с речкой и поворотом на подъём — до нашего барака. Джантуха немного возвышается над окрестностью. Конь резво вошел в поворот ущелья и пошёл в гору.

— Айт, абабс! Стой! — раздался крик. Позади меня хлопнул выстрел. Я услышал свист смерти, ещё один и ответный — со стороны управления, лёг на холку коня, который вынес меня к бараку. Рабочие еле отцепили меня от гривы. Стрельба некоторое время продолжалась и вскоре стихла. В молодости не сильно соображаешь, что могут подстрелить, но упасть, с бешено мчащегося коня, было весьма реальной перспективой. В горах такое падение обычно добром не кончается. Это я знал. Больше ночью не ездил, а за деньгами без охраны тем более.

Довольно часто то здесь, то там на протяжении нескольких месяцев постреливали. Прорабам раздали наганы, предупредив — по ночам не отходить далеко от барачков.

Был разгар лета. На выходной рабочие разъезжались по домам, кто куда: в Очамчире, Сухуми... Каждый потом привозил какую-нибудь снедь, выпивку, и, обычно, в воскресный вечер мы отъедались за всю неделю. В один из таких дней кто-то привез первый арбуз. Съели его в миг. Один из рабочих собрал семена и на следующий день рассыпал их на свежескопанном, и обожжённом участке земли, рядом с барачком. Строительные работы шли весьма интенсивно. Подводилась автомобильная дорога, одновременно сооружались канатные дороги к будущим шахтам. Моя специальность — «мосты и дороги», и я подал в Управление проект моста через глубокое ущелье. Интересен проект был тем, что в нём использовались отходы от строительства канаток, то есть кроме строительных расходов он обходился практически бесплатно. Проект утвердили и мне же поручили параллельно курировать его строительство. Мост был небольшой, но перекинуть его надо было через очень глубокий каньон. Всё шло очень хорошо, кстати, за данное предложение меня премировали четырьмя с половиной тысячами рублей. По тем временам это была крупная сумма. Но меня больше радовало, что мост будет стоять долго. Этот небольшой автодорожный мост над речным каньоном между Квезанью и Аккармарой и сейчас стоит без капитального ремонта, вот, уже, какое десятилетие.

Время шло быстро, незаметно наступила осень. И как бы вдруг мы около барака обнаружили прекрасную бахчу, на которой густой изумрудной россыпью красовались огромные арбузы. Урожай был такой, что все окрестные рабочие не смогли съесть даже малую его толику.

Бабье лето баловало природу. Уже несколько дней стояла сильная жара. Старики говорили: «К дождю». Мы понимали, что это последние жаркие дни, а потом уже дождь и снег. Приближалась зима.

В один из таких дней, ближе к вечеру задул лёгкий ветерок, нагнал на небо тяжелые тучи. В горах это происходит очень быстро. Ночью пошёл холодный ливень. Неожиданно за окнами раздался выстрел — один, второй, третий... Барак проснулся. Светильник высвечивал напуганные лица рабочих, сгрудившихся вокруг стола. Я понимал, что мой единственный наган проблему не решит, однако в помещении повреждений не было — стекла были целы. Стало понятно — стреляли не по нам. Канонада продолжалась долго и прекратилась так же неожиданно, как и началась. Но заснуть в эту ночь никто не смог. Так в тревоге мы встретили утро.

С первым утренним светом проступил туман, застилавший метра на полтора всё пространство вокруг. Из барака никто не смел выходить. Стало ещё светлее. Туч уже не было, и с первыми лучами солнца туман стал таять. Появились верхушки кустиков, стала видна и прогалина. Когда туман рассеялся, мы ахнули — вся поляна была усеяна ярко-красными пятнами. Мы в изумлении вышли во двор. Кое-кто стал хихикать, через некоторое время уже все смеялись над нашей трусостью и издевались друг над другом. На бахче самые крупные и зрелые арбузы взорвались. Это и было причиной ночной канонады Перезрелые, и перекалённые на нещадном солнце, арбузы под холодным ливнем стали взрываться, а мы приняли это за выстрелы. Как гласит известная поговорка: «Обжегшись на молоке, дует на воду». Все бросились есть разорванные арбузы, вырывая руками сердцевину без семян, и набивая рот сочной мякотью. Это были самые вкусные арбузы, которые я когда-либо ел в своей жизни. Холодные, хрустящие куски были настолько сладкими, что пальцы слипались. Кто-то сказал, что посетит их на будущий год опять. Вот такая там случилась история...

Отец замолчал. Может быть, и посеяли на следующий год. Узнать это ему было не суждено, ибо в это время шёл по заснеженной просеке, через тайгу под конвоем, с такими же, как он, по направлению к Ивдельлагу.

Спустя много лет я узнал, что следующим был 1937 год.

Вежи судьбы

— «Гольдинов» —

Из отца всегда трудно было выжать хоть каплю того ужаса, которым была пропитана его душа за прожитые лагерные годы. Годы обид, унижений, бесправного существования, и редкие мерзавцы, повстречавшие ему за эти годы, как ржавый замок замкнули его уста. Открыть их удавалось не всегда. Было великой удачей иной раз подобрать ключик к этому замку. В эти редкие минуты надо было только слушать и молчать. Репликой или каким то словом можно было его спугнуть.

Рассказ он всегда начинал тихо, тяжело, как будто делал последний выдох.

Иной раз у него на глаза наворачивались слезы, и он замолкал на некоторое время. Заканчивал повествование он так же неожиданно, как и начинал, но уже с облегчением.

— Начало 1937 года ознаменовалось продолжающимся исчезновением людей, — начал он без предисловий. — Но уже была статистика и процедура. Людей забирали поздно ночью сотрудники НКВД. Потом о них ничего не было слышно. Если кто и осмеливался об этом заговорить, то пропадал также внезапно и бесповоротно.

Немалую роль в этом играла газета «Ткварчельский горняк», которую в то время редактировал некий Лев Гольдинов. В газете стали появляться пасквильные очерки, заметки с подписями «доброжелатель», «патриот», «корреспондент». Впоследствии пасквильянты осмелели, обнаглели и под творческими потугами ставили свои фамилии.

Первые подписанные Гольдиновым доносы касались строительства, хотя в этом деле, как и во многих других, он ничего не смыслил. Один из его пасквилей буквально звучал так, что я, прораб, Кварацхелия, строящий общежитие на Джантухе, вредитель и враг народа, поскольку мною фундамент заложен неправильно и дом по достижению проектной высоты (то есть трех этажей) рухнет. Эта маленькая статейка в «Ткварчельском горняке» стала моей путевкой в ГУЛАГ. Дом достроили без меня, надстроили без проекта четвёртый этаж, и он стоит до сих пор без капитального ремонта.

С фундаментом всё верно, только «до наоборот». Я заложил половину того бетона и арматуры, которые были предусмотрены проектом, тем самым удешевив строительство. Дело в том, что гора Джантуха — сплошной каменный монолит, т.е. огромная глыба. Это были данные геологии, а проект на эту глыбу посадили типовой, рассчитанный на среднюю полосу России, т.е. земляной грунт. Сохранить проектную глубину залегания фундамента означало большое удорожание, а также в несколько раз увеличение срока строительства. Даже тот ополовиненный, нам удалось выдолбить в каменном монолите, затратив больше труда, средств и времени, предусмотренных в смете для проектной глубины. На данной площадке дом можно было ставить, закрепив только точечно, для предохранения от скольжения при землетрясении. Так или иначе, но Управление было обвинено во вредительстве. Как и я, члены комитета комсомола под разными предлогами были арестованы. В том числе и секретарь комитета Хвичия Константин Павлович, про которого также была опубликована статейка в «Ткварчельском Горняке», тем же самым Гольдиновым, с утверждением его вредительской деятельности.

Единственными из состава того комитета в живых остались я, Лев Гольдинов¹ и (может, запоматывал третью, названную отцом фамилию) Зиновьева — её имени не помню. Я писал во Всесоюзный ЦК Комсомола первому секретарю Косареву, но я не знал, что его, в связи с так называемым, «комсомольским делом» уже теребили. Только после освобождения я узнал, что его в 1939 году расстреляли.

...На данном этапе ГУЛАГу нужны были молодые, здоровые специалисты, которые работали бы на стройках НКВД с большей отдачей.

— «Сперанский» —

Это потом, по своему горькому опыту я узнал, что тех, кто не признавал свою вину, расстреливали. Их перевоспитанием заниматься было некогда и честнейшие люди, знающие, что они не виноваты, гибли первыми. В их числе мог оказаться и я. Забрали меня, как и всех, и в ту же ночь допросили, но я отрицал свою вину, тем более, что у меня её не было.

¹ - Лев Гольдинов проработал в аппарате компартии, был похоронен за счет Абхазского областного комитета. Своих «выдающихся» деятелей они хоронили за счёт государства.

Последним аргументом сотрудников НКВД была очная ставка. Кстати допрашивали почти мои друзья-комсомольцы, с которыми я до этого общался каждый день, что не помешало им хорошенько меня измордовать.

Под утро меня привели в другой кабинет на очную ставку. Сидящего на стуле человека я не узнал. Его лицо было превращено в кровавое месиво, из открытого рта шла кровь, признаков зубов не было. Пол вокруг окровавлен. Очевидно, его били ногами, одежда разорвана. Я его узнал только тогда, когда он попытался заговорить. Это был мой главный инженер — Сперанский. Он с трудом произнёс:

— Сынок, я знаю, что мы правы, и всё, в чём они нас обвиняют, чушь.

Но прошу тебя, подпиши всё, что они требуют. Ты молод, может, выживешь. Я в тюрьме всё равно сдохну, поэтому не подпишу их бумаги. Сынок, я уже стар и отжил своё. Подпиши, постарайся выжить и будь счастлив, если сможешь...

Я был в ужасе, но верил ему, и это убедило меня подписать «признание».

Через десятилетия я узнал, что Сперанского¹ застрелил какой-то из НКВДшных психов, прямо в кабинете во время допроса.

В тот же день, после очной ставки меня препроводили в Драндскую тюрьму в окрестностях Сухуми.

— «Ардашел»² —

Камера была набита арестованными, под вечер буквально закинули к нам полуживого человека, мы его оттащили вглубь. Это был Ардашел Ашхацава, я давно его знал. Мы были хорошими друзьями. Он меня узнал, но по его глазам понял, что говорить он пока не может. Ночь прошла без сна. Отовсюду доносились стоны, крики, хлопанья дверей. Тюрьма «работала» на полную мощь. Всю ночь я ухаживал за Ардашелом.

¹ Сперанский расстрелян без суда в Ткварчели в 1937 году. Поэтому его нет в списках репрессированных в книге «Большой террор в Абхазии».

² Ашхацава Ардаш Шмафович. Дата рождения: 01.01.1905. Место рождения: Очамчирский р-н с. Джгерда. Место проживания: Сухумский р-н. Дата заседания: 13.11.1937. Статья Уголовного Кодекса 58-11. Приговор — расстрел. Дата расстрела 16.11.1937. БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В Абхазии (Абхазская АССР) 1937-1938 г.г. Издание: «COUNCIL OF EUROPE», 2017 г. — Просматривая, в этой книге, списки репрессированных бросается в глаза небрежное (преступное) отношение к личным данным этих людей. Кроме всех прочих небрежностей, почти у всех осуждённых дата рождения начинается — 01.01. Выходит, они рождены 1 ЯНВАРЯ. Разница только в годах.

Он был очень плох. К утру его опять вывели, а через несколько часов снова швырнули в камеру. Он был без сознания. Я постарался привести его в чувство, через некоторое время он пришёл в себя, прошептал:

— Если останешься жив, присмотри за моим мальчиком. Мне не жить. — И опять потерял сознание, а через некоторое время скончался у меня на руках.

Это была смерть, дохнувшая на меня, через близкого человека. Я впервые почувствовал её страшную силу. Впоследствии видел много смертей, но они проходили как бы мимо меня, и постепенно я к ним привык. Через много времени узнал, что даже мой родственник, Бого Харчилава, полковник НКВД, не знал о моём аресте. Понимаешь, мой арест они произвели именно тогда, когда он был в отъезде. — Даже это угли... — Завершил свой рассказ отец.

— «Бого» —

Бого приехал в Кочару поздно ночью. Днём полковник НКВД не мог приехать в дом врага народа. Это для него было очень опасно.

Бабушка рассказывала, что она сразу почувствовала неладное, но того, что рассказал Бого, они с дедом не ожидали. Разговор был коротким. Мотивируя тем, что он был в отъезде и не знал о готовящемся аресте их сына, Бого извинялся, что не смог этому воспрепятствовать. Он же сообщил, что отца перевели в Дранду.

— Скоро будет «тройка», — сказал он и вскоре уехал. Дед, бабушка и моя мамида (сестра отца) всю ночь не спали. Наутро, об этом узнали соседи и родственники.

— «Мурза» —

Дед спозаранку уехал в Дранду. Вернулся поздно ночью, весь искусанный, в порванной choxe. Около тюрьмы надзиратели спустили на него собак за его настойчивые требования дать свидание с сыном, которого он так и не дождался. Несколько дней был похож на помешанного. Успокоившись, собрал родню и объявил, что поедет в Москву к Сталину, просил в его отсутствие присмотреть за женой, дочкой и хозяйством.

После долгих споров, близким, удалось убедить Мурзу, что это плохая идея: — Один пропал, и ты можешь пропасть... Все пришли к мнению, что может ещё обойдётся. Так они отговорили деда ехать к Нему.

— «Джугашвили» —

Почему дедушка Мурза так рвался ехать к Сталину, я узнал случайно, когда учил урок по истории Грузии. Раскрыв учебник, увидел портрет молодого Сталина, тогда ещё Иосифа Джугашвили. Это знаменитое его фото, сделанное приблизительно в 1907 году. Фотография молодого Сосо с небритым лицом и клетчатым шарфом на шее, и сегодня находится на видном месте в Горийском музее Сталина. Бабушка, проходя мимо меня, сказала:

— Ате хелмпипе чкинцкума рду (этот царь у нас был).

— Бабушка это не царь — это молодой Сталин — ответил я.

— Мичку, нана, Сталин рень. Джогорк гиашквид тиш шурс (знаю, нана, это Сталин, чтоб собака подавилась его душой). Заинтригованный, я попросил её рассказать, откуда она его знает.

— Укуль (потом) — сказала бабушка. Мне это не давало покоя, целый день и, наконец, бабушка поведала:

— Не помню месяц, но уже было прохладно, урожай ещё не был убран, накрапывал дождь. К нашим воротам подъехали несколько человек на лошадях. Я ещё обратила внимание, что на крупах лошадей были мешки. Один из всадников позвал хозяйина. Я подошла. Поздоровавшись, спросили твоего деда (деда звали Мурзой, но по обычаю в Мегрелии жена не произносили имени мужа) ответив, что это его дом, пошла звать.

Этого человека я очень хорошо разглядела и запомнила, потому что спрашивал, а впоследствии разговаривал с твоим дедом только он. Даже шарф на нём был тот же, что на фотографии.

С обросшими, зловещими лицами, обвешанные оружием, они были очень похожи на абрагов (абреков), вызывая неприятные чувства. Твой дед спросил у них: «Кто вы и что хотите?». Этот, по-видимому, был старшим, сказал, что друзья посоветовали обратиться к нему, Мурзе Кварацхелия, за помощью.

— А почему они пришли именно к нему? — спросил я.

— Не знаю, нана, но думаю, что твой дед в молодости был абрагом. Время было такое. Это считалось признаком мужества, потом он отошёл от этого дела, но в том кругу его уважали, и имя его всегда было в большом почете. Тем более, мы были богаты и могли оказать денежную помощь.

— Батоно, Мурза, — сказал старший. — Ваши друзья сказали, что Вы надёжный человек и можете нам помочь. Нам нужно согреться, обсушиться и немного отдохнуть.

Я стояла недалеко и слышала каждое слово:

— Гость от бога — сказал твой дед, пригласил их спешиться и войти во двор.

— Нет, — ответил Он. — Здесь нам не подходит. Вы живёте возле дороги. Не могли бы Вы нас отвести в другое место. Урядник для нас нежелателен (между Очамчире и Сухуми был всего один урядник, контролировавший криминальную ситуацию). Дед повернулся ко мне и коротко сказал:

— Меу (иди). Жестом, указав к дому. Сам же пошёл в конюшню, оседлал коня, уехал с ними, не обронив ни слова.

Вечерело, я занялась хозяйством, ночью дед не вернулся. Я забеспокоилась. На второй день его тоже не было. Целый день ничего не могла делать, всё ждала. В то время только мы и семья брата твоего деда жили здесь, рядом, но и им я не могла ничего сказать. Следующая ночь прошла в тревоге, весь дом не спал. Только на третий день под вечер он приехал, уставший и промокший. Обычно его нельзя было ни о чём спрашивать. Если он не хотел говорить, он не сказал бы ничего. Моя свекровь, царство ей небесное, тоже ничего не спросила. Я принесла таз с теплой водой, помыла ему ноги. Он сменил одежду. Дала поесть. Быстро стемнело. Наконец я убрала табачи (столлик) и в пацхе у очага остались мы одни.

— Дита му бдзир! (что я видел!) — наконец произнёс он.

— Что? — спросила я.

— Видел деньги, их было по колено. Я их повёл подальше от дороги. Они боялись жандармов, и мы поднялись к Кватати (троюродный брат деда). Он удивился, но принял нас хорошо. Накрыл стол в оде. В камине развели очень сильный огонь. В комнате кроме меня и их никого не было. Прежде всего, путники вытащили из своих мешков деньги. Столько денег мне даже не снилось. Весь пол был устлан промокшими пачками ассигнаций. Гости хорошо поели, никто не сказал почти ни слова, кроме нескольких распоряжений, данных человеком в клетчатом шарфе. К выпивке они не прикоснулись. Потом, не раздеваясь, они разлеглись, тут же на полу. Из дома никого не выпустили. Всю ночь поочерёдно поддерживали огонь в камине.

Один из гостей был всё время во дворе. Меня попросили на следующий день проводить их дальше. Под утро подсохшие деньги рассовали по мешкам, погрузили на лошадей, перекусили и ещё затемно тронулись в дорогу. Мы шли по лесу, обходя дороги и тропы.

— Дита, что я видел! — закончил он рассказ. Не знаю, куда он их повёл, но догадывалась, что в сторону Мегрелии. Там у деда был старый друг. Очевидно, он их повёл дальше. Не знаю ни имени его, ни фамилии. Твой дед мне не называл имен друзей своей молодости. Но абсолютно точно, твой дед знал, что этот небритый в клетчатом шарфе был молодой Сталин. Более того, когда в 1937 году арестовали твоего отца, дед хотел поехать в Москву к нему, но его удалось отговорить. Никто не знал, как бы Он принял такого знакомого.

— А ты, свой урок выучил? Завершая свой рассказ, спросила бабушка.

В те времена в Закавказье было проведено три ЭКСА (экспроприации): — в Тифлисе, на Эриванской площади ограбили банковскую карету, в Баку ограбили банк, и третья произошла в районе с.Адзюбжа, недалеко от Сухуми был ограблен пароход «Цесаревич Георгий», шедший в Батум. Бабушка об этих «эксах», естественно, ничего не знала, а год посещения тех гостей запомнила.

Меня долгие годы интересовал этот ЭКС, и я по крупице собирал доступную информацию. — Первое: Почему ограбление произошло именно в районе Адзюбжи. По многим признакам выбрано самое удачное место. От реки Кодор до реки Ингур все реки можно перейти вброд. В те времена территория Самурзакано не слишком сильно населена. Многие населённые пункты появились намного позже. Вокруг непроходимые леса и не трудно идти скрытно. И самое главное между Сухуми и Очамчире всего один урядник. Наверное, и от Очамчире до Зугдиди было также. Дистанция около ста километров. Для перехода через р.Ингур нужен опытный проводник. Вот тут и становится нужным рекомендованный, очевидно, адзюбжинскими друзьями, мой дед Мурза. Мурза ещё в молодые годы хорошо «изучил» эти леса. — Второе: То, что мне удалось найти по этой теме.¹

¹ «Но Сталин, как писал меньшевик Уратадзе, сделался главным финансистом российского большевистского центра и в последние три года оставался одним из главных спонсоров Ленина. Судя по всему, после конференции (имеется конференция эсдеков, которую Жордания провёл в Тифлисе, а затем в Баку, на которой побывал Сталин, приблизительно это 9 сентября 1906 г.). Сталин отправился на Запад в приморский Сухум, чтоб испробовать новый способ грабежа — пиратство в море. 20 сентября 2200 тонный и 87 метровый пароход «Цесаревич Георгий» плыл из Одессы в Батум. На борту были пассажиры и довольно крупная сумма денег. Во время остановок в Новороссийске, Сухуме и Новом Афоне, куда пароход привёз деньги для выдачи заработной платы, на борт без ведома капитана проникли группы большевистских бандитов с ружьями и гранатами под фетровыми плащами. В 1-15 ночи, когда спящий корабль проходил мимо мыса Кодор двадцать пять пиратов, среди

— Вехи судьбы, — говорил отец, — мою семью и меня провели от одного подонка до другого. Просто один из них Гольдинов — дослужился до рядового работника областного комитета Компартии Абхазии, а второй — до вождя и основателя СССР. Один из них по жизни подонок, мелкий доносчик, а второй — по идейным убеждениям своего учителя, упрямого им же в Горки, сумасшедшего и одержимого, как и он сам — мировой революцией.

Один донёс на десяток человек, из которых выжил только я, а второй угробил десятки миллионов при помощи Ягод, Ежовых, Вышинских и прочих, потому что считал их гибель статистикой.

которых были «рабочие интеллигенты», достали маузеры, берданки и бомбы и объявили о захвате судна. Главарь пиратов, которого жандармы потом описали как «низкорослого грузина лет двадцати с небольшим, волосы рыжеватые, веснушки», занял капитанский мостик, нацелив маузер на капитана Сенкевича. Дежурного офицера, рулевого и команду тоже держали на мушке, вероятно, помогали матросы — «инсайдеры». Как потом рассказывала команда, главарь пиратов в течение всей операции был невозмутим и любезен. «Мы насквозь революционеры, а не преступники», — сообщил он. — Нам нужны средства для революции, и мы забираем только деньги из казны. Повинуйтесь моим требованиям, и кровь не прольётся. Но если вы вздумаете сопротивляться, мы убьём вас всех и взорвём корабль. «Я подчинился», — признал капитан Сенкевич в разговоре с корреспондентом «Тифлисского листка». Команду и пассажиров собрали в одном месте и запретили смотреть на происходящее. Капитан показал главарю шайки, где лежат деньги. Полиция официально заявила о похищении 16000 рублей, но скорее всего пираты взяли намного больше. Главарь приказал Сенкевичу спустить шлюпки. Перегружая добычу, пираты удерживали в заложниках несколько офицеров. Затем они велели матросам доставить их на берег. Тревогу подняли через семь часов. Казаки и жандармы искали пиратов-большевиков на берегу, но не нашли ни следа, ни шайки, ни добычи. Сталин и двое русских большевиков укрылись в доме члена шайки Степана Капба (об этом много лет спустя вспоминала его сестра).

Саймон Себаг — Монтефиоре: «МОЛОДОЙ СТАЛИН» Сталин: «Двор красного монарха». Глава 18; «Пират и отец».

Бог поможет

Отец, как я уже писал ранее, был очень скуп на рассказы. Настолько тяжелы были его воспоминания, что во время редких его повествований даже мне становилось жутко.

Я постарался, по мере возможности, хронологически соединить его рассказы, и продолжу повествование от его лица.

Он не знал, из какой тюрьмы их погрузили в вагоны, но по моему анализу это был Ростов-на-Дону, где он провел несколько месяцев. Он никогда не говорил о конкретных городах, поскольку и сам не знал толком, откуда и куда его пересылали. За любые разговоры в камерах заключённых просто выводили, и они пропадали навсегда. Очевидно, это удерживало от лишних расспросов и разговоров и многим спасло жизнь.

— После нескончаемых пересылок меня и таких как я погрузили в вагоны и повезли, — начал отец. — Это был вагон с большой раздвижной дверью с одним окошком под самой крышей. На полу была рассыпана солома, которая буквально через несколько дней превратилась в грязное, вонючее месиво.

В вагоне буквально негде было сесть из-за большого количества людей. Заключённые тут же, в вагоне справляли нужду, вынужденные отбросить стыд.

Шли дни и недели. Каждую ночь состав гремел от прицепляемых, и отцепляемых вагонов. Днём шли, практически, без остановок. В вагоне постепенно становилось свободнее. Умерших или застреленных, выносили только ночью, во время стоянок. Стреляли в окошко наверху, если кто-нибудь появлялся в нём. Один становился другому на плечи и выглядывал в окно. Во время движения состава это проходило, но на стоянках стреляли по окну без предупреждения. От уцелевших мы знали, что на каждой стоянке состав въезжал в цепь сотрудников НКВД, вооруженных винтовками. Особое внимание уделялось этим окнам, а также шуму и крику из вагонов. «Возмутителя спокойствия» снимали немедленно. «Кладунов» снимали вместе с теми, на кого они доносили.

Проведя в камерах несколько месяцев, я не раз наблюдал подобные сцены. Единственный вывод — надо молчать. Как правило, ни жалобщика, ни объект жалобы в камеру не возвращали. Перешёптывались — что и того, и другого ставили к стенке.

Поэтому язык надо было держать за зубами. Уголовники же чувствовали себя вольготнее, в своем куточке, поигрывая в самодельные карты. Я хорошо рисовал и однажды, когда очередного камерного художника увели на этап, предложил себя вместо него. Обычно материал и краску обеспечивали картёжники. Колоду надо было рисовать тузы, короли, дамы и вальты. Других карт не было. Бумага была от мешков цемента — серая, грубая. Карта в половину обычного формата выполнялась в двух цветах — красном и синем. Взялся за эту работу, потому что за одну колоду зеки давали пол хлеба. Карты после каждой игры рвали, и я каждый день рисовал новую колоду. Вора́м это сходило с рук. Каждую полбуханки делил с сокамерниками. Так и пережили тюремный голод. В вагоне же жизнь была ужаснее. Кормили раз в сутки. Ночью. Баланда была невообразимо тошнотворной. Но выхода не было, надо было выживать. Через месяц-полтора вагон поредел настолько, что я уже смог найти себе место в углу, в противоположной стороне от окна. Старую солому выбросили, насыпали новую. Я немного подгрёб её под себя и целыми днями, как пёс, лежал в углу, боясь встать и потерять своё место.

Уже в вагоне днём можно было кого-то разглядеть. Разговаривать никто не смел, жизнь научила молчать. Состав, хотя и шёл весь день, тащился еле-еле. Даже представить себе не мог, где мы и куда едем.

В один из таких дней заметил, что на меня смотрит какой-то тип. Подумал, что это случайность, но затем понял — он почти всё время смотрел в мою сторону. Наконец, он тихонько подполз ко мне и без вступления спросил по-грузински: «Ты грузин?». Он настолько это тихо произнёс, что я не расслышал, а только почувствовал смысл сказанного.

— Да, — ответил так же тихо.

— Слушай, — продолжал он шептать. — Ты видно ученый, интеллигентный парень, и у тебя, наверняка, будет, чем писать. Ты меня не бойся! (бояться было из-за чего, за карандаш и бумагу нас могли шлёпнуть без всякого разговора). Я обомлел, а он продолжал: — Не думай! Я не продажная шкура, чтобы ты мне поверил, скажу, что у меня есть три листочка бумаги. Видишь, я тебя не боюсь. Давно за тобой наблюдаю и понял, что ты не из тех, кто может выдать.

Прошу тебя, если есть чем написать — напишем. Сначала ты прикрой меня, потом я тебя, а как выкинуть письма, потом подушаем.

У меня защемило сердце. Обо мне никто ничего не знал, какой уже месяц, и написать весточку домой было заманчиво. Я спросил в свою очередь:

— Допустим, написали, выкинули из вагона, а что потом?

— А потом, бог поможет! — сказал он и размашисто переkreстился.

Ожидая ареста каждый день, я как-то вечером подумал, что мне может пригодиться, хотя бы карандаш. Распотрошив несколько карандашей, я рассовал грифели по манжетам всех брюк. Я не мог предугадать во время ареста, какие из них будут на мне. Так что манжеты штанин были полны графитом.

— Будь, что будет, — подумал я, и согласился.

Напарник подвинулся к углу, вытащил три бумажки для заворачивания сигарок. Я же из манжет выдавил один грифель, и мы начали писать. Первое письмо написал новый знакомый, второе — я, а на третьем листочке написали два адреса. Наконец все три листочка свернули, как спички. Всё это проделывалось очень тщательно, к ночной стоянке всё было готово. Состав стал замедлять ход. Со стуком проскочили несколько стрелок. За время сидения в закрытом пространстве мы научились различать даже величину городов, где останавливался поезд. Мы наверняка знали, что это какая-то большая станция. Сильно скрипнув, и сделав последний рывок, с перестуком вагонов состав встал. Сразу начинать нашу операцию было нельзя. Должны были вынести парашу, затем, если были какие-либо эксцессы, НКВД «решало» их, и наконец, нам закидывали баланду с мисками наперечёт. Мы, как свиньи, хлебали баланду, а хлеб сохраняли и ели его на следующий день. Он был похож на слипшийся навоз, и есть в тот же день было невозможно, но, когда подсыхал, его можно было прожевать.

Наконец все процедуры были закончены. Вагон закрыли, захлопнув снаружи задвижку. Мы начали готовиться. Наши три «спички» надо было через узкую щель между обшивкой вагона, так называемой вагонкой — вытолкнуть наружу. Но это надо было проделать после выхода состава из зоны станции и НКВДшного сцепления. Мы так и сделали. Состав начал набирать скорость. Вытолкнули одну за другой две «спички», третью — соломинкой и оба облегчённо вздохнули, понимая, насколько опасна была наша затея. Мы настолько нервничали и были напряжены, что по окончании «операции» заснули рядом, не разговаривая.

Отец говорил, что той ночью, он единственный раз, за всё время спал спокойно. С его новым знакомым он пробыл не долго. Через пару недель их развели по разным этапам.

Эти три записки через неделю в конверте пришли на первый адрес, написанный на бумажке куда-то в имеретинскую деревню. Оттуда две — по адресу деда вместе с конвертом, на котором стоял штемпель Харьковского отделения почты. Только через несколько десятков лет я узнал, как эти записки попали на почту. Я не помню фамилии того человека. Эти две записки остались в архиве моего отца. Архив же в Сухуми, после нашего бегства от российских войск в ходе абхазо-грузинского конфликта.

Оказывается, по всему Советскому Союзу население, по известным им признакам, ждало ухода этих составов. Арестованных и пропавших искали по-всюду родственники, жёны и дети «врагов народа». После ухода поездов и снятия оцепления местные жители тщательно обследовали железнодорожные пути в надежде найти какую-либо записку или бумажку и, если такие попадались, их немедленно отправляли по адресу.

Вот так все три записки с божьей помощью нашли адресатов. Отец об этом узнал через полгода, когда разрешили написать первые письма, после обретения им «постоянного» на десять лет, как ему казалось, адреса.

Грек

— На каком-то полустанке нас высадили,— начал свое очередное повествование отец после моих настойчивых просьб. — Отвели поодаль от путей в просеку. Раздали пайки, состоящие из сухарей и сухофруктов, проеденных червячками. Разбили всю «ватагу» по двести номеров и через час-полтора мы уже топтали по дороге, запорошенной ночным снегом. Я даже не знал, сколько я сижу, чувство времени притупилось. На это я уже не реагировал, да и никто вокруг. Не было ни радости, ни суббот и воскресений. Вокруг был один сплошной ужас.

Человек двенадцать солдат с офицером шли вперемешку с нами по тайге на север. Никто ни на кого не обращал внимания. Солдаты с нами не разговаривали, вообще никто не говорил. Ни ветра, ни шороха, только глухие шаги этой толпы эхом отдавались от стен высоченного хвойного леса, стоящего по обе стороны просеки. Несколько раз мы прошли мимо таких же просек, уходящих от нас то вправо, то влево. В конце одной из них я разглядел большую поляну, а мы шли и шли. Под вечер солдаты оживились и начали нас подгонять. Стало темно. Наконец, свернув на очередную просеку и пройдя её до конца, мы уткнулись в большую квадратную, недавно расчищенную и раскорчеванную поляну. Она была обнесена колючей проволокой, по углам стояли четыре вышки, на которые сразу же забрались наши охранники.

Недалеко от ворот стояло небольшой сруб барачного типа. Нас выстроили, пересчитали. Через некоторое время к строю «врагов народа» вышло какое-то чудище, огромное, под два метра ростом. Его черноту усугубляла темнота таёжного вечера. Его вид не предвещал ничего хорошего. Как оказалось, это был начальник лагеря.

Он бросил нам несколько фраз, чтобы не забывали, что мы враги народа и, что шаг влево — шаг вправо приравниваются к побегу. Мы и без него уже знали, что цацкаться с нами никто не будет, но он поставил на этом печать: Расстреляю! Потом, переговорив о чем-то с офицером, ушёл в барак.

Офицер нам весьма «вежливо» и доходчиво объяснил, что бежать некуда — кругом тайга, куда не глянь, а если вдруг... то, если не волк или медведь, НКВДшные собаки загрызут сбжавшего. Далее он сказал, чтоб мы группами, по несколько

человек, шли в тайгу и несли на территорию лагеря дрова, лапник (обломки еловых веток) и всё, что можно постелить под себя и из чего можно соорудить костёр. Так же рывкнул под конец, чтоб не ленились и если дрова закончатся быстро, то «замёрзнете, мать вашу».

«Политинформация» закончилась, и мы пока ещё не совсем стемнело побрели к лесу. То здесь, то там разгорались костры. Вокруг костров люди немного расслабились, зашевелились, разговорились. Все понимали, что первый этап выживания для них завершился. Один у нашего костра тихо выдохнул: «Если до сих пор не шлёпнули, даст Бог, и дальше будем жить».

Я проснулся затемно, было страшно холодно, наш костер притух. Он выгорел внутри. Головешки валялись по кругу, ветра не было, но на лице я чувствовал пощипывание. Шёл мелкий, мелкий снег. Из дому меня забрали в конце лета, и на мне была ещё та одежда. Я успел прихватить пиджак для того, чтобы выглядеть немного солиднее, думая, что мне это как-то поможет. Однако, даже это «излишество» здесь не спасало от холода. Вокруг были люди одетые более — менее по сезону.

Покидав несколько головёшек в середину костра, раздул огонь и присел на одну из них, попробовав согреться. Так просидел до рассвета. Постепенно публика вокруг расшевелилась, расходилась. Люди начали осваиваться. Позже к воротам подъехал грузовик, затарахтев, на территорию лагеря. Разрешившись несколькими деревянными ящиками, машина уехала. Раздали пайки и потрёпанные ватники. Вышел начальник лагеря. Наконец я его разглядел. Это был здоровый, высокий мужчина с чёрными, как смоль, чуть вьющимися волосами. Ромбики на его воротничке указывали на высокий офицерский чин.

Прямо в глаза ему страшно было смотреть. Было понятно — это не человек, а зверь. А чем он отличался от нас? Без семьи, без дома, где-то у чёрта на рожках, вместе с офицером и отделением охраны, разношерстной, разно племенной толпой заключённых он был почти нам ровня, думаю я с высоты сегодняшнего дня. Подтянутый, гладко выбритый, с расстояния нескольких шагов он казался обросшим по самые глаза и уши.

После маленького перекура нас опять построили. Речь опять держал начальник, он вкратце «охарактеризовал» нас и добавил, что сейчас раскроют ящики. Оттуда мы должны выбрать себе тот инструмент, которым мы можем пользоваться.

— Порча, поломка или потеря инструмента будет приравнена к саботажу и вредительству, внятно и громко завершил он свою речь.

Вскрыли ящики, в которых оказались ломы, кирки, лопаты, топоры и двуручные пилы. Всё это было в смазке и без ручек. Без большого энтузиазма начали разбирать инструменты. Я не выбирал, мне достался топор, к нему надо было ещё приладить топорище. Нас погнали в лес за материалом для рукояток. Ввиду того, что лиственных деревьев вокруг не было, весь инструмент «обручился» сырыми еловыми и сосновыми дрынами.

Нам объявили, что своё жилище мы должны строить сами и начать это немедленно. У всех была полная свобода действий. Во второй половине дня в лагерь загнали ещё одну группу заключённых, среди которых к моей радости, оказался мой двоюродный брат по материнской линии Трифон Шония. Мы долго обнимались, хотя этого нельзя было делать, на нас прикрикнули, потом присели и стали размышлять, что делать. Брат сделал мне рекламу, сказав, что я инженер и знаю как и что делать. Так стали формироваться группы людей, знавших, что строить. К нам подошли ещё двое, представившиеся инженерами — карел Сузи и русский Мельников, ставшие моими лучшими друзьями на многие годы. Итак, нас, единомышленников, стало четверо. Я предложил копать землянку, так как полноценную избу или барак строить было долго. Уже лежал снег, и по всему видно было, что его станет больше. Это подтвердил Сузи. В этом карел был опытнее нас. Согласившись с моим предложением, так и порешили. Мне тут же отвели роль руководителя. Это определило в дальнейшем мою судьбу, и естественно облегчило не только моё положение, но и положение всех тех ребят, которые примкнули и поверили в меня. Людей вокруг нас собралось немало. Начали разметку котлована, часть людей пошла в лес — рубить деревья. Работа закипела ибо, чем раньше мы сделаем своё убежище, тем раньше окажемся в тепле.

В процессе работы люди начали общаться, знакомиться — в лагере почувствовалось оживление. Другие бригады решили строить строения барачного типа. Руководство лагеря никому не мешало в выборе жилья. Главное — его надо было построить, до наступления больших холодов, то-есть очень быстро. В первый же день мы немного расковыряли яму, ночью в ней развели костёр, сплоченные единым «проектом», уселись вокруг него. Появилась махорка, чайник приволокли неизвестно откуда, поискали какие-то травы, и через некоторое время в нём закипело нечто вроде чая. Кто-то принёс дырявую металлическую кружку, дырку которой заткнули колышком. Нахлебавшись «чаем» вся братия вповалку заснула. Второе утро было похоже на первое,

мы были запорошены снежком. Без всякой команды начали копать уже по периметру, позже отворили ворота, и часть людей ушла в лес.

Так продолжалось более недели, котлован приобрёл контуры. Земля была промерзлой, и стенки получались почти идеально гладкими, но их надо было вырубать в мерзлоте. Кормили нас раз в день. Приезжала телега с баландой, наливали по черпаку мутной жидкости в металлические миски, которые нам раздали вместе с ложками и кружками. Хлеб, как обычно, мы сохраняли и потом доедали по мере усиления голода, а он был нашим постоянным спутником. Работа на территории нашего квадрата шла полным ходом. Другим же было тяжелее. Строить бараки оказалось намного сложнее. Наша же землянка была почти готова. К концу второй недели накатали брёвна в один накат, сверху уложили большое количество лапника и всё это засыпали изъятной землёй. Навесить двери и поставить нары, было делом не трудным. Как только мы стали заселяться, прикатила знакомая таратайка, которая привезла пустые старые металлические бочки и жестяные трубы. Из этого мы соорудили в центре землянки импровизированную печь. Так продолжилась наша голодная, но уже тёплая жизнь. Наша землянка с каждым днём наполнялась людьми, строящими бараки. Холода крепчали, а конца стройки их жилищ не было видно. Мы не могли отказать в ночлеге, наша же сформировавшаяся бригада помогала другим достраивать бараки. Через полтора месяца стояло уже три барака, где и расселились заключённые. Многие, и я в том числе, получили первые письма. Через некоторое время вывели в тайгу, на прореженном участке уже была произведена разметка, нас поставили копать траншеи и фундаменты. То, что моя землянка была построена быстро, и мы раньше всех стали спать в тепле, принесло мне уважение и любовь окружающих. Это в дальнейшем спасло мне жизнь.

Хотя я и был сыном потомственного крестьянина, копать и делать крестьянскую работу не мог. Мой отец делал всё, чтоб дать мне достойное по тем временам образование, тем более, что я к этому был способен. Поэтому брать лопату в жизни мне не приходилось. Моими инструментами были чертёжные принадлежности, ручка, карандаши да ещё логарифмическая линейка. Я был инженером-строителем по специальности «мосты и дороги» и, как говорили, неплохим инженером.

Через день взаимодействия с лопатой, рукоятью которой была плохо очищенная еловая ветвь, мои руки оказались в

плачевном состоянии. Ладони покрылись кровавыми волдырями. Не работать было нельзя. Это я позже узнал, что надо было ладони обмотать тряпками, а тогда сидел на промёрзшем отвале земли и обдувал, как будто обожжённые ладони. Сидеть пришлось не долго. Около меня очутился начальник охраны, который громко рявкнул — «Встать!». Я встал и показал ему ладони. Их вид на него не произвёл никакого впечатления. Он довольно спокойно сказал: — Идем со мной. Я было двинулся за ним, но услышал тихий, но очень внятный возглас позади меня.

— Веда (не ходи)! — на мегрельском выдохнул мой двоюродный брат.

Я понял слово, но почему не идти было не понятно. Он стоял спиной ко мне, повернувшись в его сторону, я увидел, что поодаль зеки стали садиться. Через секунды две или три все вокруг сидели. Начальника охраны это взбесило —

— Что это, бунт... вашу мать! — рявкнул он. — К начальнику! И ткнул пальцем в мою сторону. Вяло подошли солдаты и погнали меня в сторону лагеря.

Никто из зеков не произнёс ни слова, все встали и продолжили работу.

Прошло много лет. Начальник охраны оказался в дальнейшем неплохим парнем, получил уже во время войны чин майора, а я, будучи зеком, но начальником стройки, как-то спросил его:

— Володя, куда бы ты меня повёл тогда?

— Мурзович, в лес.

— Зачем?

— Я бы тебя расстрелял. Такова была инструкция, и я бы её выполнил.

Дальше было понятно, что волки или росомаха довершили бы начатое дело.

Меня впихнули в кабинет начальника лагеря. За мной вошёл начальник охраны, доложил, что я саботажник. Офицер ушёл, а я остался стоять посреди комнаты. Начальник лагеря вышел из-за стола и подошёл ко мне.

Он на голову был выше меня. Я знал, что он избивал заключенных и был уверен: сейчас это произойдёт со мной. Если бы эта гора мускулов мне вмазала, я бы испустил дух. Страха не было, но была обида на своё бессилие и бесправие.

— Что случилось? — спросил он меня.

Молча показал свои ладони. Он глянул на них мельком, потом пристально посмотрел на меня. И вдруг, как гром среди ясного неба:

– Картвели хар? – (Ты грузин?)

Обомлев смог только произнести: – Ки (да).

Он позвал охранника, приказал: – Этого в карцер, на десять суток!

Так оно и случилось. За эти десять суток мои мозоли зажили. Какое-то питание я получал, также имел возможность отоспаться, хотя и было очень холодно.

Меня назначили звеньевым, выпустив из карцера.

Через полгода был уже бригадиром. Мой маленький кабинет продолжался каптёркой, где хранились инструменты, всякая одежда и другая утварь. Вокруг меня сплотился неплохой коллектив, и это уже больше было похоже на обычную работу. Отношений с охраной никаких, начальника лагеря я не видел. Мы делали своё дело, все остальные – своё.

Примерно в это же время нам сменили начальника лагеря. Всё произошло незаметно, но поговаривали: его не сменили, а увели ночью, хотя это никого не беспокоило. Вся лагерная братва, за глаза, называла его зверем за жестокость и любовь к мордобою.

Природа оживала, уже начинал сходить снег, всё шло к лету. Мы пережили первую зиму в лагере. Я немного окреп, поправился, пайки и еда стали немного лучше. Одеждой нас обеспечивали, правда, она пахла хлоркой и была в дырках. Поговаривали, что её снимали с расстрелянных.

В один из таких весенних дней в лагерь загнали заключённых, служба лагеря должна была распределить их по бригадам. Через некоторое время ко мне подошёл высокий, обросший черными кучерявыми волосами почти до глаз, человек. Он был очень тощим, на нём было потрёпанное, длинное, почти до пят чёрное пальто с единственной пуговицей. Он был настолько нескладен и неуклюж, что казался ходячим чучелом. Силы очевидно его оставляли, даже движения в мою сторону были неуверенными, угловатыми. Казалось, он сомневается в правильности своего решения. Наконец, он приблизился ко мне и почти шёпотом спросил:

– Тарас, ты меня не узнал? Я опешил, человек был мне незнаком, но голос и интонацию я вроде узнал. Он шёпотом назвал своё имя. Меня, как холодной водой окатило – это был наш бывший начальник лагеря. Я не знал, что делать, а он продолжал: «Спаси. Если меня узнают – мне не жить».

(Отец назвал его имя и фамилию, но я, к сожалению, её забыл, а архивы, как я уже писал, остались в Сухуми.

Помню лишь, что отец говорил: «Тот человек был греком, рождённым и выросшим в Батуми. Он прекрасно говорил по-грузински»).

— Наконец я пришёл в себя. Несмотря ни на что, мне стало жаль его, но один я его защитить не мог. Надо было это рассказать друзьям и сотрудникам. Я должен убедить их, что его надо взять под нашу защиту. Сказал, чтоб он некоторое время постарался быть незамеченным. Быстро собрав, своих ближайших, рассказал обо всём. После недолгого спорного разговора все решили, что надо помочь. Но как мы его спасем от остальных? Кто-то предложил сделать его каптёрщиком. Это была гениальная идея. В моём кабинете почти всегда кто-то был, а в каптёрку вход был только через эту комнату. Так и порешили.

Мы тут же оформили его каптёрщиком. Его отыскал в каком-то углу, забившегося, с волчьим взглядом. Он не боялся, нет. В нём жило то же чувство, что и во всех нас — чувство невинности. На самом деле это было так. Мы все были невинновны. Каждый из нас выполнял свою работу.

Мы завели его в каптёрку, и он там обосновался. Спал он там же, всё-таки за свою жизнь он опасался — поэтому спать в общем бараке боялся.

С первого же дня он начал писать письма. Адресат нам был неизвестен. Он каждый день отсылал их по-нескольку. Через некоторое время его постригли, побрили, и зеки узнали его. Нам, так сказать «инициативной группе», пришлось признать, что он под нашей опекой, и просили несогласным дать человеку шанс. Лагерь пока был «моно враг народный». Криминала среди нас т.е. воров убийц и прочих рецидивистов пока не было. Они появились во время войны и жизнь в лагере в корне изменилась. Так что, пока одинаково мыслящих людей было большинство. Отказывались защитить этого человека только те, которые в своё время получили от него по зубам. Этот вопрос тоже решился в нашу пользу. Когда одному из самых ярких противников бывшего начальника предложили поквитаться с ним по-мужски, один на один в каптёрке, оказалось, что он хотел это сделать чужими руками. На этом всё и закончилось. Со временем наш «начальник», округлился, принял прежний вид с одним различием — на нём не было его НКВДшной формы с ромбами на воротничке. Общался с нами он также редко, всё-таки, наверное, в душе считая нас врагами народа, а себя невинно осуждённым. Но этим грешил каждый из нас. Сейчас, анализируя, понимаешь «Гольдиновы» были и в лагере, они были и в том

проклятом вагоне, и ещё долго я видел подобную нечисть вокруг себя. Они старались выбраться за счёт других из таких ситуаций, то сиксотили начальнику, то писали доносы, Правда реакция была нередко обратная — эти люди исчезали из лагеря в неизвестном направлении. Лагерные законы отличались от прежних, гражданских. «Начальник» продолжал писать. На работу он не выходил, да из каптёрки тоже, разве что по нужде. Так прошло несколько месяцев. В один день он исчез так же, как и появился. Нам тоже полегчало, лишние хлопоты, естественно, были не нужны, хотя, мы, и я лично спасли ему жизнь. Лето шло к концу. Как-то меня вызвали к начальнику лагеря, и он сообщил, что меня отправляют в командировку.

Мне выдали проездные документы, конверт и ещё какие-то бумаги. Конверт был запечатан сургучной печатью. На второй же день нас, несколько таких же, как и я, посадили в грузовик и повезли в город Серов — на ближайшую железнодорожную станцию.

Со мной был командирован и мой двоюродный брат Трифон¹. На вокзале мы расстались, направления у нас были разными. Мы обнялись, расцеловались и расстались, как оказалось, навсегда.

В дальнейшем все мои поиски оказались безрезультатными. Все органы, куда я обращался, отвечали, что в этом лагере человека с такой фамилией не было и командировки такой не было. Все!

Проездной документ у меня был до Ленинграда, одежда моя настораживала всех, тем более милицию и, кому ни лень, требовали документы. Денег у меня быть не могло, вместо этого выдали рюкзак, с сухим пайком приблизительно на неделю. Чай я мог получить в привокзальном буфете, показав выданную бумажку. Сердобольные буфетчицы к чаю прибавляли ещё кое-что. Я был довольно симпатичным и имел большой успех среди буфетчиц.

(Отец был очень красивым. Он, шутя, говорил, что с ним даже заигрывали. По-моему, это было от «скромности», попросту он не хотел всего мне рассказывать). Но расслабляться не мог, и должен был прибыть на место вовремя. Об этом меня строго-настрого предупредили в лагере.

¹ Шония Трифон Тадевич. Дата рождения: 01.01.1902 Пропал без вести. Дата заседания: 11.10.1937 г. Статья Уголовного Кодекса: 58.10. Приговор: 10 лет. БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В АБХАЗИИ (Абхазская АССР): 1937-1938 г. г. Издано: «COUNCIL OF EUROPE», 2017.

— В Ленинград я прибыл в срок, к десяти часам был уже на месте назначенного сбора. Это было вне городской зоны. Большая поляна в конце трамвайного пути со стоящей на ней маленькой избушкой. На поляне было очень много народу. Обратился к НКВДшнику которых здесь было немало. Он посмотрел на мою бумажку и указал на избушку, не став даже говорить со мной. Я пошёл к избушке, около двери была небольшая очередь. Выждав свой черёд, шагнул в неё. В конце комнаты стоял большой стол, за столом сидел огромный смуглый человек — это был наш «начальник».

— Следующий, — сказал он, не поднимая глаз. Я подошёл и положил ему на стол конверт. Осмотрев сургучную печать, он поднял на меня глаза. Его взгляд смотрел сквозь меня, я понял — он меня не узнал. Вернув конверт сказал:

— Придешь после пяти часов. Не опоздай. Свободен.

Я развернулся и, выйдя, пошёл бродить по близлежащим переулкам. Денег у меня не было, мешок был пуст, да и похож я был на бродягу. Пару раз остановили милиционеры, посмотрев мою бумажку, указывали в сторону пункта. Я понял, что ходить было себе в ущерб, найдя какую-то лавочку, почти до пяти часов просидел, подрёмывая. Только один тощий пёс подошёл, ко мне, обнюхал и, поняв мою бесполезность, недалеко от меня поднял ногу. Закончив своё дело, лениво пошёл прочь. Меня это немного развеселило. Он тоже во мне признал «врага народа», подумал я. Пора было идти на сборный пункт.

Подойдя к поляне, решил, что ошибся: избушка стояла, а вот людей вокруг не было. Я постучал, мне ответил голос, что открыто, я вошёл, подошёл к столу положил свой конверт. Он взял его, поломал сургучную печать, вытащил бумаги и очень чётко и громко кого-то позвал. Я не мог понять, что так изменило этого человека. Я же был уверен, что это он, бывший начальник лагеря, который под моей защитой провел в том же лагере полгода. Почему он меня не узнал, но молчать меня научил лагерный и тюремный опыт, и я был нем.

В комнату вошёл офицер.

— Этого в карцер на десять суток! Выполнять! — рявкнул начальник.

Я думал упаду, еле удержался на ногах. «Надо вцепиться ему в глотку зубами!» — мелькнуло в голове, но это было глупо. Не успел очухаться, как за шкирку меня выпихнули из кабинета. Откуда ни возьмись, появились два охранника и под конвоем повели куда-то. Минут через сорок был оформлен и закинут

в холодный, вонючий карцер-одиночку. Я готов был повеситься, если бы была такая возможность. В душе у меня клокотала ненависть к себе, к друзьям, к человеческой неблагодарности. Это, наверное, были самые несчастные и тяжелые дни в моей жизни, хотя в лицо смерти мне приходилось смотреть не раз до этого и после. Так обидно за себя мне никогда ещё не было.

Десять суток так и прошли в этих мыслях о моей проклятой жизни, и в думах, как отомстить за своё унижение. В карцере было холодно, кормили плохо. Крысы и тараканы скрашивали моё одиночество. Из-за крыс ночью боялся заснуть. Спал в основном днём. Единственное, что было хорошо, меня никто не понукал и не требовал соблюдать режим. Все десять суток просидел от звонка до звонка. О бане речи быть не могло, параша была внутри, в день два раза открывали дверь. Утром и вечером я видел лицо тюремщика — каменное, безразличное.

На десятый день меня вывели на улицу, где ждал тот же офицер, но уже без охраны, поздоровавшись, повел куда-то. Как оказалось в баню, где меня постригли, побрили, даже побрызгали одеколоном, выдали новую одежду. Выйдя из бани, опять обнаружил своего проводника, и мы пошли к той треклятой избушке. Он втолкнул меня внутрь, захлопнув дверь. Первое, что привлекло моё внимание — великолепно сервированный по тем временам стол.

— Здравствуй, Тарас! — прозвучал голос из глубины комнаты. Через секунду я оказался в объятиях «начальника». — Ты меня извини, но так надо было. Через много лет ты поймёшь. Садись, ты мой самый дорогой гость.

Я не мог вымолвить ни слова, слезы навернулись сами собой, горло сжал спазм, не позволявший сказать ни слова. Он подвёл меня к стулу и усадил, сам сел напротив. Я разглядел сервировку. Вся еда была грузинская, даже сациви. Стояло несколько бутылок грузинского вина. Бутылочка коньяка — и та была грузинской. За обедом мы разговорились. Говорили о разном. Тогда я узнал, что он был батумским греком. Говорили по-грузински, он оказался хорошим тамадой. Далеко за полночь он поднял стакан с вином и произнёс тост за моё здоровье, благословил мой отъезд из Ленинграда, назад в лагерь. Этим тостом он закончил наше застолье. Потом встал, подошёл к своему рабочему столу, взял такой же запечатанный сургучом конверт и вернулся ко мне. Я тоже встал. Хмель с меня сразу сошла, настал момент серьёзного разговора. Он обнял меня за плечи, сказал:

— Тарас, постарайся закончить срок в одном лагере. Постарайся ни в какие подобные командировки не ездить. Сделай для этого всё возможное. Вот тебе конверт, передай своему начальнику, там всё написано.

Вместе с конвертом он дал мне проездные документы.

— Ну, будем прощаться. Да, чуть не забыл! — он запустил руку в карман галифе, достал довольно большую пачку денег, взял мою руку в свою огромную ладонь и хлопком припечатал их к моей ладони.

— Это тебе. Мне они уже не понадобятся. Подвёл к двери и вытолкнул на улицу. В плохо освещённом пространстве, около избы меня ждал уже знакомый офицер, который так же молча, как привёл, увёл меня. Мы оказались на вокзале, где он меня сдал милиционерскому посту и, попрощавшись, ушёл в ленинградскую ночь.

Милиционеры посадили меня на поезд, и я поехал «домой» так же, как и приехал. Разница была лишь в том, что я был хорошо одет. Вместо мешка с сухим пайком за плечами в кармане была довольно большая сумма денег.

Вагон был плацкартный, правда, на время. По мере приближения к лагерю статус мой изменялся. Кстати, это произошло на первой же транзитной пересадке, потому что сажали меня на поезда милиционеры. На следующей пересадке я был уже зек, правда, неплохо одетый. Примерно через неделю-полторы, сытый и одетый, добрался до лагеря.

Удивлению моих друзей не было конца. Начальник лагеря воспринял моё возвращение без эмоций. Жизнь пошла своим чередом. Самое интересное, что за время моего почти месячного путешествия у меня и мысли не возникло уехать в сторону, скрыться, убежать. Я это анализировал много раз, в то время и позже, но объяснения этому не находил, очевидно, мы все были зомбированы, как говорят сегодня.

Прошло много лет после снятия с меня судимости и реабилитации. Я написал десятки писем, в которых искал двух человек: двоюродного брата и бывшего начальника лагеря, спасших мне жизнь. Брат — словом «веда», начальник — двумя карцерами по десять суток. Первый карцер позволил мне зализать раны на руках, иначе второй раз меня спасти было бы невозможно. Начальник охраны инструкцию не нарушил бы — расстрелял. Второй карцер — за «опоздание» на сборный пункт, которого, как указывали мне позже в ответах из КГБ на мои письма, не существовало вовсе, а люди с пункта исчезли в неизвест-

ность. На мои запросы всегда получал ответ:

«Такого заключённого, в таком-то лагере, с такой-то, по такую-то дату, не числилось». «В Ленинграде по данному адресу вышеназванного сборного пункта не существовало». «В данные годы в лагере №... начальник с такой фамилией не значился». «Начальником сборного пункта не был ввиду того, что данный пункт не существовал...». И прочая белиберда приходила на мои настойчивые запросы. В конце концов, разного уровня и звания КГБшники своими ответами на мои запросы «убедили» в том, что всё это мне приснилось. И я прекратил эту бессмысленную переписку. А к сыну моего двоюродного брата Жоре (Георгию) Шония два раза приходили из КГБ и потребовали прекратить писать письма с поисками своего отца.

P.S. Позже я как-то напомнил отцу о случае с кровавыми мозолями на ладонях, и возможного его расстрела начальником охраны. Меня мучала моральная сторона этой истории. Как можно было подружиться с охранником, который, хотел его шлёпнуть «за здорово живёшь», даже спустя годы?

Он призадумался, потом пристально, взглядевшись мне в глаза, чуть улыбнувшись, стал говорить. Он не отвечал, а просто спокойно продолжил мои слова:

- Шлёпнуть мог. Да и обязан был. Он должен был исполнить негласную инструкцию НКВД СССР, возглавляемого Ежовым, которого, если мне не изменяет память, самого вскоре шлёпнули. Одним из пунктов предъявленных ему обвинений было то, что за время его руководства были расстреляны сотни тысяч работоспособных политических без суда и следствия. Этот вопрос был главным в одном из выступлений Берия незадолго до готовящегося очередного съезда КПСС, и стал началом конца его предшественника Ежова. Так что, Лаврентий Павлович этой речью, произнесённой буквально через месяц-полтора после этого случая, спас меня и сотни тысяч таких, как я «врагов народа» от подобных расстрелов. А Володя, так звали начальника, я тебе как-то говорил, был тоже по уши в дерьме. Без семьи, без дома, под Полярным кругом служил, охраняя нас. Он сохранил в себе что-то человеческое. Почти все ему подобные срывались, соскакивали, становясь нелюдьми, да ещё, спившимися. Ты не можешь себе представить, что творили такие отморозки в соседних лагерях. Ему же, впоследствии, хватило совести извиниться передо мной, хотя, не расстреляв меня тогда, сам мог поймать крупные неприятности, вплоть до пули.

Кстати, после этого кровавых мозолей у меня больше не

было.

Опытные рабочие научили меня обматывать ладони тряпками. В дальнейшем руки огрубели и надобность в тряпках отпала. Думаю, вопроса о рабочих перчатках ты не задашь.

Сделав паузу и уведя взгляд куда-то вдаль, произнес, как-бы забыв, о чём до этого говорил: — Время было такое.

Существование

Недавно прошли похороны отца. Дело идет к зиме, но в Сухуми стоит великолепная погода. День похорон был дождливым. Родные и друзья меня успокаивали, что бог, по преданию, хорошим людям в день похорон посылает дождь. Таково мегрельское поверье. Было очень много народу и большие почести. Для меня это была большая потеря, все почести и громкие слова никак не успокаивали. Тем более в последующие дни я все осознал: что отца больше нет, и никогда не будет, а мы вроде бы только начали понимать друг друга...

Я стал разбирать его личный архив. Там оказались купчие на земли, приобретенные дедом от дворянина Чончора Эмухвари. Это была большая гербовая бумага с водяными знаками договора, купчая, написанная красивым почерком и скрепленная несколькими печатями и подписями.

Была бумага нашей родословной, а также все документы по делу моего отца 1937 года, вырезки из газеты «Ткварчельский горняк», копии писем секретарю ЦК ВЛКСМ товарищу Косареву и многое, другое. Но среди всего этого я обнаружил маленькую статью, подписанную Львом Гольдиновым, тем самым редактором «Ткварчельского горняка», который подписал и донос на моего отца. Статья касалась секретаря комитета комсомола «Ткварчельстроя» Хвичия. Гольдиновский пасквиль обличал Хвичия во вредительстве делу народа и комсомола, обвинив его в посредничестве врагам. Все Гольдиновские статьи были написаны под один шаблон. Менялись только имена, фамилии и должности безвинных людей, которых он обличал. Фамилия Хвичия у меня ассоциировалась с Хвичия Алексеем Павловичем, до недавнего времени, занимавшего должность председателя парткомиссии Сухумского горкома партии. Меня очень заинтересовала эта ситуация, тем более, что Гольдинов являлся почетным членом Абхазского обкома.

Знает ли об этом Алексей Павлович? Тем более, что тот Хвичия тоже был Павловичем. Это, конечно, не означало, что они были братьями. Мои отношения с Алексеем Павловичем были более чем хорошими. Он очень любил меня и при каждой нашей встрече старался это показать. Сам он был коммуникабельным и общительным человеком и пользовался уважением среди сухумской общественности.

Итак, у меня появилась идея фикс — узнать про этого Хвичия всю информацию и вскоре такая возможность представилась.

Выдался очень теплый воскресный день в декабре, что весьма характерно для Сухуми. Я решил пройтись по Краснофлотской, где и встретился с Павловичем. Его неподдельная радость нашей встрече была обычной. Стали расспрашивать друг друга о делах и жизни. Он сказал, что начал свою пенсионную жизнь и не очень доволен: нечем себя занять. Рассказал, как заполняет свой день, расспросил, чем я занят, как мои дела. У меня же вертелась мысль, как ему задать вопрос, чтобы это было, кстати, и постараться не перебить его. Наконец, момент подтвердился, и я его спросил:

— Алексей Павлович, Вы знали человека, который в 1937 году был секретарём комитета комсомола «Ткварчельстроя»?

Он был моим братом¹, — последовал ответ. — Почему ты меня об этом спросил и откуда знаешь о нем?

Я рассказал об архиве отца и о той статье, не упоминая её автора.

Хвичия обомлел: — Ты сын Тараса?

— Да. Вы знали отца?

— Он же, был сослан в тоже время, что и мой брат. Он выжил?

— Да, выжил, но недавно скончался.

У него на глаза навернулись слезы, и в следующее мгновение он обнял меня.

— Почему я раньше не догадался и не спросил тебя об этом! — всхлипывал он. Через некоторое время успокоился и сказал: — Почему я не знал раньше, что ты его сын! В его словах это звучало так, что в этом случае моя карьера могла быть иной. Наконец я спросил о главном:

— Алексей Павлович, Вы знали, кто написал эту статью?

— Лев Гольдинов, — ответил он, потупив взгляд.

На этом наш разговор закончился. Ему явно не хотелось комментировать, а я уважал его выбор. Мы попрощались и разошлись.

Мне до сих пор не даёт покоя мысль, как эти два человека проработали бок о бок в партийных органах, зная, что один из них фактически убил человека своей статьёй, а второй был родным братом того, невиновного. Они присутствовали на одних и тех же собраниях, бюро и подобных партийных собраниях. Я не мог понять этого с о с у щ е с т в о в а н и я.

¹ Хвичия Константин Павлович. Дата рождения: 01.01.1913..Место рождения: Гудаутский р-н. г.Гудаута. Дата заседания: 16.02.1938 г. Статья Уголовного Кодекса 58-10. 122. Приговор — расстрел. Дата расстрела 02.03. 1938..День рождения стандартен — 1 ЯНВАРЯ... Большой террор в Абхазии.(Абхазская АССР) 1937-1938. Издание: COUNCIL, 2017.

Насчёт не везёт

Бывают люди с разной степенью невезения. Единоразовые, случайно невезучие люди – по погоде, по настроению и самые – самые – это постоянно невезучие. Совет постоянно невезучим: – если у вас осталось два ореха, то сломайте и очистите оба, ибо один из них или пустой или червивый и он наверняка, попадёт вам последним, а так: 1-0 в вашу пользу. Этому правилу я придерживался с детства. Это происходило подсознательно, я всегда имел, по крайней мере, несколько вариантов достижения своей цели. Если не несколько, то минимум два – точно.

Припоминаю случай из детства, когда я обнаружил случайно оставленный бабушкой ключик, от ее «волшебного» сундука. Он был сделан из красного дерева (кавказского тисса или тисса ягодного, по-мегрельски – уртхель). Для любознательных: тисс ягодный – растение ядовитое, древесина твёрдая, ядовитая и грызуны с дровоточцами её не грызут. Съедобны, только ягоды красного цвета, и птицы способствуют их произрастанию. Сундук был окован железом, с двумя ручками по бокам, тоже из железа. Бабушка ключик всегда носила с собой, и для меня он был недостижим. А там было много волшебных вещей.

Самые, самые из них – джанджуха (чурчхела) белого и красного цветов.

Тилискверь – сушеная инжировая постила, листья которой, скатанные в рулоны, лежали во всю длину сундука, спирт в нескольких больших литровых бутылках (литровые, еще царско-российских мерок, вмещающих современных три литра). Этакая казацкая бутылка для самогона. Спирт был для медицинских целей. Разные корни, завернутые в чистые тряпочки, в том числе корень травы, которая, по словам бабушки, лечила сибирскую язву. Корень надо было разрезать вдоль, распарить в крутом кипятке, наложить на почерневшую кожу и туго перевязать. Бабушка говорила, что на второй день язва исчезала. Болезнь эта по – мегрельски называется «чхоуш чир» (коровья чума).

Прополис (дгвиндгви) – обязательный атрибут колхидской медицины. Лечение желудка, печени, всяких ушибов, ран и многих, многих недугов. Большинство из того, что там лежало, меня не интересовало, но только не джанджуха или тилискверь. Я открыл сундук, оторвал немного от листа, а из связки

джанжух, взял несколько. Ключ положил на место, предварительно обрисовав его карандашом на бумажке. Тогда я ещё не знал, что такое слепок. Второй вариант начал приводится в исполнение. Почти неделю вытачивал дубликат ключика и через несколько дней, наконец, вскрыл царство моей мечты.

Доступ к сладостям, и к всевозможным редким сушеным фруктам, стал для меня постоянным. Правда, моё частое посещение этого царства обнаружилось при первом же госте, нашего дома, когда бабуля полезла в сундук за угощением и закуской для чачи. Моя дорогая бабушка настолько сильно любила меня, что даже не поругала, а долго смеялась. Потом выпытала у меня, как я смог открыть сундук. Я показал ей ключик, она осмотрела его очень внимательно и, похвалив меня, сказала, что закрывает сундук не от того, что съем сладости, а от того, что там много лечебных кореньев, которые очень ядовиты и, если их надкусить или попробовать на вкус, можно отравиться.

— Ты, когда захочешь что-нибудь, скажи мне, я тебе сама открою, и дам все что ты пожелаешь,— сказала она и вернула мой ключик.

Так оно и было в дальнейшем. Надобность в ключике отпала. Я, правда, позже узнал из книг как снимать слепок с ключа, но в дальнейшей в жизни это умение мне не пригодилось.

ПОДРУГИ

Кочарская ранняя весна раскрасила ярко-жёлтыми пятнами окрестные пригорки. Непролазные кусты олеандра обняли их дурманом своих цветов. Огромные буки, стремясь не отстать от других деревьев, пытаются прикрыть свои светлые стволы от начинающих припекать солнечных лучей. Листики, только-только появившиеся на тоненьких веточках разлапистых великанов, соревнуются друг с другом невообразимой гаммой оттенков зелёного цвета. Самый нежный сочный букочный листик дразнит других своим пушком. Недалеко покачивается более зелёный орнаментированный дубовый отпрыск. Граб, каштан, карагач, округлая многовековая липа, ясень, разнообразие дичек — яблонь, груш, черешен и разноцветной алычи — неполный перечень тех лесных исполинов, оставшихся в моей памяти, изо всех сил стараются растворить в зелени желтизну ранней «азнайки». В этой борьбе не отстаёт тёмная вечнозелёная густая поросль лавровишни, выкидывающая на свой жёсткий, лакированный малахитовый ковёр пока редкие белые пушистые соцветья. Скоро они своим медовым запахом перебьют все лесные ароматы и подарят его суетливым пчёлам. Весна — молодость, которой некуда спешить, но она торопится стать летом, потом осенью, а зима приходит вдруг и неожиданно... Так и жизнь.

Деревенский люд наслаждается, и расслаблен, не имея пока на пороге больших забот. До сельхозработ ещё недели две, но колхозные дела раскручиваются. Бригадир спозаранку обходит односельчан и, где увещеванием, а в основном руганью и угрозами, гонит их на чайные плантации. Вдоль деревенской дороги, то там, то здесь, слышана отборная мегрельская двусмысленная брань. На плантациях не бывает выходных. Чай не может ждать. Самый высокосортный чай — весенний, и сочные молодые флешки надобно собрать в кратчайший срок, не обращая внимания на непогоду и усталость. В один из таких дней происходило то, с чем я бы хотел поделиться с вами.

Как известно, мою бабушку в колхоз загнать не удалось даже в годы создания оных, и в такие воскресные дни она иной раз устраивала себе выходной. Все воскресные дела она делала заранее, меня в школу не надо было отправлять, да и мой отец имел нормальное воскресенье, а посему нежился в постели.

Утром, быстро разобравшись с домашней живностью, она выносила во двор под начинающую цвести яблоню маленький столик — табачки, застилала его вышитой скатёркой, садилась на маленький треногий стульчик (квела) и, подперев подбородок красивыми руками, погружалась в свои, не ведомые никому, мысли. Я тихо подходил к ней и, не беспокоя, присаживался рядом в ровный травяной ковёр. Вскоре бабушка оживала при виде женщины её возраста, одетой в одежду тёмных тонов. Моя бабушка носила подобную по своему почившему супругу.

Заходи, заходи, дорогая Ильта. Добро пожаловать, суетилась бабушка, встречая гостью с мальчиком моего возраста, моим школьным напарником и первым другом.

— Гамарджоба, Мания. — Старые подруги обнимали друг друга, приятно вереща. Наконец приходил и наш черёд перекрёстных бабулиных поцелуев, ласк и припасённых в их карманах нескольких конфеток. После этого все расслаблялись и принимались за свои дела. Мы доставали карамельки, из крест-накрест перевязанного платка Ивлиты. Мания шла в дом — оду. Ивлите на траву ставила литровую банку, Мания из дома выносила отцовский бритвенный набор в стареньком кожаном чемоданчике и такую же литровую банку, прикладывала ее рядом с предыдущей. Под конец появлялся чайник, наполненный тёплой водой, накрытый свежим вафельным полотенцем. После этого подружки садились рядышком и заводили неспешный разговор о том, о сём. Это были разговоры в основном об их заботах. Хозяйки, хотя и небольших хозяйств, тем не мене не имели возможности частого общения, и такие посиделки для давних подруг были праздником. Ильта (так звали Ивлите близкие) пересказывала письма её ссыльного сына. Бабушка, пережившая подобный ужас совсем недавно, с мрачным лицом слушала её, не перебивая. Некоторое время после этого они сидели молча, будто слушая незатейливое пение суетящихся в пушистых яблонево ветвях зябликов. Тем временем мы резвились на поляне, катая проколотый трефулятовой колючкой двухцветный резиновый мяч. На удар ногой он почти не реагировал и, издав приглушенный звук, откатывался всего на несколько метров. Надоевший мяч выбивался в какой-нибудь угол и, забыв его там, мы переключались на качели, подвешенные на ветке здоровенной сосны. К этому времени оживлялись и наши бабушки. Сняв свои чёрные косынки, и оголив затылки зековской бритвой моего отца, подбривали их. Вся процедура сопровождалась шуточками и смехом.

Мы садились тут же и с интересом наблюдали за ними. После этого одна из них, взяв банку, вылавливала там... толстую с зелёным узором на спине извивающуюся пиявку и нежно пристраивала её на выбритый затылок подруги. Затем следующая присаживалась рядышком. Обычно они сразу жадно присасывались, заставляя вздрагивать хозяйку затылка. Если пиявка начинала прогуливаться по шее, её накрывали рюмочкой в нужном для процедуры месте, пока она не присасывалась. То же проделывали и с другой подругой. Потом бабульки начинали жечь вату на тарелке. Чтобы кое-какая зола осталась, её надо было сжечь в достаточном количестве, и она распространяла свой особый запах на всю поляну. Женщины сидели, пока пиявки сами собой не отваливались. Вот тут и применялась жжёная вата, которой присыпались ранки от укусов. Кровь сворачивалась очень быстро. Мания после этого принесла в газете заранее просеянную золу. Газету развернули и в золу бросали поочерёдно пиявки, из которых струйками лилась тёмная кровь. Зрелище не из приятных, но детское любопытство преодолевало эту преграду, и мы, не отрываясь, досматривали процесс сдаивания и распределения по банкам пиявок.

После завершения этого процесса, прибрались, Мания уносила все подсобные приспособления в дом. Потом они поливали из чайника, и умывшись, присаживались передохнуть. Спустя некоторое время моя бабушка снова начинала суетиться. На сей раз столик заставлялся закуской и сладостями. Довершал сервировку дореволюционный пузатый графинчик фруктовой водки в сопровождении двух маленьких рюмочек на тонких ножках. Бабушки расслаблялась, наполняла рюмашки и, поминала ушедших в мир иной близких, отпивали. Нам предоставлялась возможность полакомиться джанджухой и инжирным тилисквери. Они-же продолжали говорить тосты и потихонечку отпивать после очередного — по глоточку водки. Так они отпили от графинчика грамм сто, при этом сказав почти все традиционные здравницы.

Солнце переваливало далеко за полдень, и Ильта спешила домой. Уикэнд заканчивался, плавно перетекая в повседневность с заботами о близких, домашнем хозяйстве и прочее. Мой дружок со своей бабушкой уходили со двора с теплыми словами прощания. Завтра понедельник, и он позовёт меня затемно. Утром я выйду к нему с неподъёмным кирзовым портфелем, и мы пойдём в школу, нагоняя по пути деревенских пацанов.

Поигрывая, на пол-пути встретим первые пробивающие темноту ночи солнечные лучи. Так, протопав пять километров, разросшаяся ватага ворвётся во двор школы и рассосётся по двухтрёх комнатным домикам, стоящим на невысоких столбах, с разохшимися деревянными стенами и дырявыми полами, где меж досок запросто проваливалась случайно упавшая с парты деревянная ручка со стальным пером. Бабушки-подруги же займутся своими повседневными делами, вспоминая сегодняшнее мероприятие, и готовясь к следующему сеансу герудотерапии.

Дядя Исаак

Большого удовольствия от воровства фруктов, овощей или арбузов я никогда не получал, но всегда оказывался в компании малолетних «мерзавцев», хотевших полакомиться за чужой счёт. Но в привычку это у меня не вошло. Наша молодая родня обычно на лето собиралась в доме Исаака Джалагония, родного брата моей матери. В доме иной раз набиралось около десяти двоюродных братьев и сестер, а ещё своих четверо. Особо почетным доставалась кровать на двоих, а остальным расстилали матрасы на полу. Только далеко за полночь прекращался гвалт, возня и смех. Утром просыпались, завязанными в «узлы» телами, и опять — смех, веселье.

Особенно любили вечерние посиделки у открытого очага в пацхе, где рассказывали сказки, соревновались в нарды, отгадывали мегрельские загадки е муре, е муре (что это? что это?). Одна из них была самой популярной, потому что задавшей, можно было сразу ответить:

— «Скан чхвиндис (тебе на нос)». Звучала она по-мегрельски так:

— «Е — муре? Е — муре? Зака — уча, Зака — че, Зака — мукоцкумонтили? (что это, что это? зака — черная, зака — белая, зака — закрученная)».

Эту загадку почти каждый день задавала нам, детям, тетя Дзабия и тут же получала хором вышеприведённый ответ и дружный хохот. А она почти неподдельно удивлялась, как такую сложную загадку и сразу отгадали. Разгадка загадки — куринный помет (цкинтуль). После этого можно было показывать даже палец нам, все было смешно. Еды для детворы было вдоволь потому, что нас кормили три семьи. Рядом жили два двоюродных брата дяди Исаака, которые были мне двойной родней по линии моей бабушки Шония Мании. Они были её племянниками, т.е. сыновьями дочери её старшего брата Таде Шония.

Огород был полон помидоров, огурцов, кабачков и других овощей. Жили мы все в двухэтажном деревянном доме. Фруктов тоже было более чем достаточно. Но, главное, было море и река Кодори, до которых было метров по сто. Почти все дома деревни в это время были полны родственной детворы и, естественно всем было весело. Самым близким из всей этой компании мне по духу и по годам был Туту, младший из четырёх детей Исаака.

Дядя же был весьма колоритной фигурой. В Варче его знали, как улыбчивого, быстрого на шутку и розыгрыши, да и лицо его было с печатью хитровой улыбки. У него были жесткие непослушные для расчёски темно-каштановые волосы, прямой не крупный нос и особенные глаза с небольшим, почти незаметным астигматизмом, голубые, всегда сияющие, с чёртиками. Мимо него нельзя было прошмыгнуть незаметно, а, если что и было сделано или сказано неловко, вечером превращалось в его устах в, хотя не совсем правдоподобную, но всегда очень смешную историю. Так что было до невозможного весело.

Туту и я спали на одной кровати. Оба были тощие, и друг другу не мешали, более того, это помогало нам разрабатывать планы завтрашних набегов. Как то ночью он вспомнил, что их сосед, старый скряга, ставит в Кодори много вентерей. Рыбу никому не дает, да и сам не очень часто их проверяет, места ему известны. Наверняка вентери забиты рыбой.

В деревне рыболовные вентери плели из длиннущей колючей лианы по-мегрельски — куркантела или калиа. Лиана до двенадцати-пятнадцати метров длиной, тонкая покрытая колючками, похожими на шипы розы. Плоды куркантелы-пучки почти безвкусных красных ягод. Молодые побеги — флешы (калиа — экала) используются в грузинской кухне при приготовлении разных блюд. Называется она очень красиво и экзотично — Сарсапарель или Смилакс. Их так же засаливают на зиму. Флешы можно есть и сырыми, прямо с куста. Древесина этого растения довольно крепкая, гибкая, а, главное, в воде держится, не портясь, долгие годы. Лучшего материала для вентерей не найти. Кроме того она ещё и тяжёлая, в снасть не нужно класть камней, чтобы притопить в воде.

Мы итак пол-ночи проговорили, планируя нашу «рыбалку». В четыре часа утра мы встали в одних трусах, взгромоздились на неоседланную старую клячу Исаака, и она понесла нас в сторону многочисленных рукавов реки Кодор. Светало. Появились едва заметные лучи солнца. Уже ущербная луна вот-вот должна была покинуть горизонт. Мы приближались к реке, набивая свои кобчики, о торчащие острыми углами позвонки тощей лошади. Наконец Туту сказал: «Здесь!».

Спешились. Вода была мутная, и вентерь надо было найти на ощупь. Туту и я полезли в воду. Она оказалась ледяной. Ещё бы, река несла свои воды с ледников главного Кавказского хребта, «всего-то» полторы сотни километров. И всё это расстояние —

по глубокому горному ущелью. Вид наш очевидно был настолько жалким, что даже лошадь поморщилась, а потом и вовсе отвернулась, очевидно, чтобы не видеть наших перекошенных от холода, со стучащими зубами рож.

Вентерь мы нашли довольно быстро. Он был привязан к кусту ивы толстой бечевкой и почти в наш рост, около полутора метров. Мы вытащили его из воды. Опорожнили его, в прихваченный для этого случая, холщовой мешок. Рыбы оказалось почти полмешка. Притом, вся крупная. В основном это были усач, небольшое количество головля и чернопуза (подуста). Мы забросили на место снасть. Вскарабкавшись на нашего «Буцефала», побрели к дому. Заря уже занималась не на шутку. Несмотря на все наши усилия, лошадь не хотела переходить «на повышенную передачу» и менять скорость своего движения. Наша дрожь передалась и ей, и в этом ритме резонировали её уши. Так мы доехали до двора. Клячу отпустили, сами нырнули на кухню, подвесили мешок с рыбой на гвоздь на стене и быстренько раздули огонь в очаге.

В постель мы идти не могли, поскольку были вымазаны специфической светло-серой, липкой глиной с ног до головы. Самое разумное было сначала хотя-бы как-нибудь отогреться. Согретьшись, просидели голышом почти два часа, пока тетя Люба не встала, чтобы заняться утренними делами. Мы ей рассказали про наш набег. Она пожурила нас, потом полила нам воды, чтобы умыться, и мы опять нырнули в постель. Проспали довольно долго. Разбудил нас аппетитный запах жареной рыбы. Когда мы пришли к столу, лучшие места были заняты, но на длинных лавках нашлось место и для нас и начали своё пиршество.

Так продолжалось несколько дней. Каждое утро начиналось с ревизии вентерей соседа. Запах жареной рыбы разносился далеко за пределы нашего дома и, очевидно, дошел до хозяина вентерей. Как-то при встрече с нами он поинтересовался, кто же у нас в доме такой ловкий рыбак.

— Это он, — без запинки сказал Туту. — Это он так ловит рыб голыми руками, что Вы с ума сойдете! Клянусь Исааком!

Я хмыкнул и подтвердил его слова, а хмыкнул, потому что знал его уловку: когда он завирал, то клялся не мамой, а Исааком — отцом. Он говорил: бог отца любит и от неправильной клятвы отцу вреда не будет. На следующее утро вентерей на знакомых местах не оказалось. Поискав, мы нашли их и,

если раньше забирали рыбу только из одного, то на сей раз обчистили несколько. И сделали это, как оказалось, кстати, к вечеру пошел дождь, продолжавшийся несколько дней. А из нашего дома каждый день разносился по округе запах жареной рыбы.

На следующей неделе наши старшие братья и сёстры пообещали расправиться с нами, если впредь принесем хотя бы одну рыбку. По правде говоря, мы были сыты ею по горло. Набеги прекратились и чуткий нос нашего соседа «рыболова» перестал нервничать.

Прошло много лет. Я уже студент второго курса. Ностальгия как-то втолкнула меня в автобус, и в сезон арбузов я прикатил к дяде Исааку.

Я был, наверное, самым его любимым племянником, но почему-то не часто наезжал к нему. Встретили меня великолепно. Туту закончил недавно школу и бездельничал. Соседские пацаны занимались тем же, чем и мой двоюродный брат. Мы уже изображали взрослых мужчин, курили, попивали вино, водку и, как нам казалось, были неподражаемыми, но, как оказалось, нами ещё верховодило детство. Как-то в один из вечеров Туту сказал:

— Пойдём арбузы тырить.

— Зачем их тырить, когда каждая семья только этим и занята, что выращивает арбузы и торгует ими на Сухумском рынке, зарабатывая деньги? — пробурчал я. Мои двоюродные братья тоже имели огромную бахчу вместо кукурузного поля. В то время это было весьма выгодно. Но ребята меня убедили, что это хорошее развлечение, да можно и немного подзаработать, чтобы хватило для покупки каждый вечер бутылка черной «Одессы». Варчинское вино из винограда сорта «Одессы» («Изабеллы») славилось на всю округу. Кстати и его не надо было покупать. Ведь вина было вдоволь в каждом доме, но правила игры были таковы.

Ночью «бригада» воровала несколько мешков арбузов. Утром два пацана отвозили товар на Сухумский рынок. Вечером же двое холёных русских ребят из Ленинграда, живших недалеко от нас, в лагере отдыха, и друживших с нами, покупали на эти деньги вино, у обокраденного хозяина бахчи и приносили его к нам, под предлогом того, что в лагере им запрещено выпивать. Так и пошло, только воровать приходилось в ограниченном пространстве. Сегодня ночью делаем набег на бахчу одного из наших напарников, то бишь, на бахчу его отца.

Потом на эти же деньги вино покупаем у его отца, а напарник при этом помогает торговаться с ним.

Так продолжалось, пока мы не решили, что следующим «пострадавшим» должен быть Исаак. В ту ночь в сторожке бахчи дежурил его средний сын, которого ребята до дежурства чуть подпоили, и, когда мы вползли на «объект», то над ним раздавался добрый басовитый храп Исааковича. Сторожка (маленький навес на четырех ольховых жердях высотой в два метра) дрожала, как басовая струна контрабаса во время её пощипывания.

На второй день я ещё спал, когда до меня донесся хитренький тон разговора дяди Исаака:

— Вам вино, заходите, — увещевал он кого-то.

Я почувствовал неладное — и выскочил во двор. В деревне, по моему разумению, наконец, поняли интересные совпадения. Правда, не все замечали, что у них украли два-три мешка арбузов. Те же, которые это знали наверняка, через некоторое время поняли, что вино русские мальчишки покупали именно у них, «пострадавших». А мой дядька каждый вечер все эти рожки видел за столом в своём доме, утром же он застал своего сына спящим в сторожке, а бахча была слегка примятой. В его умной голове всё сошлось, надо было быть дураком, чтобы этого не понять. Я сразу же аллюром вклинился в разговор и стал упрашивать Исаака продать вино. Наконец, его осенило, что и я в этой шайке-лейке. Урон то у всех был небольшой, и было понятно, что все это на грани шутки.

Вдруг он покатился со смеху. Вечером в доме сидели почти все «пострадавшие» и мы, их сыновья и племянники, и весело пировали. Хохот разносился по всей деревне, а по настоящему пострадавшим оказался дядя

Исаак: арбузы пропали? Пропали! Да ещё и за вино он с нас денег не взял.

Маманти

Детство — это мечта, которая преследует человека до последних дней жизни. Но, увы, в детство можно вернуться только мыслями, воспоминаниями, ибо всё материальное уже недоступно и в него физически вернуться невозможно. Особенно это касается моего детства, деревенского, без матери. Бабушка, заменила мне маму и до двенадцати лет, я называл её «Деда». Отец уже несколько лет как был женат во второй раз. Первое, что мне подарила новая мама — это была двенадцати листовая ученическая тетрадь. Приложением к ним были пятирублевые купюры. Для меня это было несметное богатство — я мог в течение месяца покупать себе «подушечки» (это такие конфеты, похожие на миниатюрные подушки с повидлом внутри) и угощать моих вечно голодных друзей. Детство было не очень сытное. Мой отец был главным инженером колхоза, и нам по сравнению с другими жить было немного легче.

Особую радость доставляла покупка черного хлеба, выпеченного в деревенской пекарне. Это был настоящий ржаной хлеб. Вкус этого кирпича, так называли его сельчане, я не забыл до сих пор. Мы его брали буквально с пылу, с жару. Хрустящая корка была необыкновенным лакомством, а бутерброд из хлеба бабушкиной выпечки я дарил моему другу Нугзару — сыну деревенской хлеборезки Тани (так называлась должность продавца хлебом). Он любил хлеб домашней выпечки. Мы, покупая «кирпич», просили нарезать его по числу пацанов и, поднявшись на цыпочки, затаив дыхание, наблюдали, как Таня орудует большим специальным ножом с огромной алюминиевой ручкой. Нож ходил в металлическом прорезе и в закрытом виде утопал в специальном хлеборезном столе. Чтобы разрезать хлеб, его надо было вынуть из прореза, потом кирпич клали между разрезом и лезвием почти пол метрового полотна ножа, прикрепленного снизу не то к пружине, не то, к какому-то грузу, и нажимали на ручку. Нож очень быстро срезал хлеб. Торговали хлебом не так, как сегодня, и употребляли его не так, как сейчас. Хлеб покупали не штуками, а на вес — поэтому хлеборез или хлеборезка по известным причинам были почетными и весьма обеспеченными людьми.

Потом мы шли в маленький магазинчик, который назывался «сельмаг», и там покупали немного сливочного масла и, конечно,

«подушечки». Я был горд, что только у меня иной раз бывали деньги, и, естественно, у меня было право выбора лучшего куска хлеба и масла. Это преимущество сыграло со мной злую шутку. Однажды я переборщил с маслом, а так как хлеб был горячим, то моя горбушка наполнилась растаявшим маслом. Я её, конечно, съел, но потом лет тридцать не мог даже смотреть в сторону сливочного масла. Есть его стал совсем недавно.

Что касается развлечений, это были набеги на колхозные огороды за помидорами, огурцами, арбузами, дынями. Кстати одна такая дыня, меня выдала, оставив след в густой траве. Я её зубами откусил от стебля, но она была почти метровой длины и поднять, а тем более бежать с ней по полю, не смог. Поэтому решил катить её к ближайшему лазу через забор. Перекачавшись, дыня уложила траву почти в метровую ширину, что и было замечено с ближайшей сторожевой вышки. Дыню подтолкнул к забору и тихо позвал своих друзей, а, когда перетаскивал её через забор, подбежавший на дистанцию выстрела, сторож пальнул по моей заднице. Она осталась цела, но один крупный кристалл соли впился мне в икру ноги. Боль была адская, но дыню все-таки перекинул, её подхватили два моих друга-босняка. Дыню в речку — мы за ней. В метрах пятистах вместе с дыней вылезли из стремительного потока Цхенцкари. Плод раскололи острым камнем и стали уплетать. Потом подтянулась и остальная братия. Все уплетали за обе щёки, я же сидел в речке, мечтая о том, когда пройдет боль. Кристалл сидел в теле и горел огнём, я же в воде и выл от боли. Вот тебе, как говорят, и Юрьев день. Я был героем этого дня, но вкусить этого не смог.

Урок был на всю жизнь, но набеги на огороды не прекратил, просто большие плоды не катал перед собой. Надо сказать, что практика стрельбы из ружья по задницам деревенских пацанов, заряженного дробленой каменной солью, которая была в избытке на соседней колхозной ферме, поощрялась правлением колхоза. Практиковали это не только сторожа колхозных огородов, но и один из наших соседей — бобыль, некто Читанава. Стрелял он из пистонного ружья, которое заряжалось с дула специальным шомполом. После выстрела его нужно было почти полчаса перезаряжать. Причиной стрельбы были несколько огромных черешен, толщиной в два мужских обхвата. Естественно, они были плодом особого нашего вожделения, но к ним было очень трудно подобраться.

Как то в деревне пронесся слух, что Читанавовские черешни созрели и плодов так много, что в кроне дерева, если конечно

залезть незамеченным — можно просидеть целый день. Вся пацанва собралась на совет. Судили — рядили, как к этому делу подойти. Среди нас были и его многочисленные племянники, кстати, они тоже не имели доступа к плодам. До сих пор не могу понять, почему он нас не пускал на деревья, ведь сам на них залезть не мог, продавать же плоды-не продавал. Весь урожай гнил на деревьях и его съедали лесные птицы. Рядом с ним в радиусе полутора километра никто не жил.

Высказывались многие предложения. Одно из них — сделать набег ночью. Но ночью идти до его дома было страшно, слишком много шакалов и всякого другого зверья бродило в лесу в то время. К нам подошёл один из ребят старшего поколения, звали его — Маманти. Из своих трёх братьев был самым шустрым. Он решил нашу проблему враз, сказав, что точно знает, у Читанава ружья в доме нет. Его одолжили поохотиться и принесут лишь через несколько дней. Нашей радости не было конца. Мы немедля, гуськом двинулись к заветным черешням. Впереди шёл Маманти. Через полчаса мы были на месте. Хозяин черешен без ружья для нас не представлял никакой опасности. Наоборот, это был бы смех — его поддразнить.

Старика во дворе не было. Очевидно, он лежал на своём топчане в перекошенной избушке с одним единственным окном. Мы распределились по деревьям, а самое плодovitое и удобно достигаемое место досталось Маманти. Это была крупная ветвь в метрах трёх над косогором, поросшим высоким плотным папоротником-орляком. Место было ещё хорошо тем, что близко подойти к нему было невозможно из-за зарослей. Мы сначала молчали, набивая желудки сочной белой черешней. Наши маленькие пуза наполнились очень быстро, а наглая безнаказанность заставила нас разговориться, сначала шепотом, потом громче и, наконец, поднялся настоящий гвалт. На деревьях нас сидело человек семь-восемь. Вдруг дверь избушки скрипнула, и на пороге появился хозяин. Первого, кого он увидел, был Маманти. Подковыляв к дереву, дед строго приказал ему слезть, на что получил в ответ наглое «нет!». Тогда старик пригрозил ему выстрелом. Маманти сидел на ветке спиной к нему, свесив задницу, и краем глаза видел, что в руках старика ничего не было. Связвил, мол, чем будешь стрелять. Старик зашел в дом, через минуту стоял на пороге с ружьём и, медленно поднимая его пальнул. Остальная братия в разговоре не участвовала, но, услышав выстрел, буквально посыпалась с деревьев. Я тоже быстро слез. Мое внимание привлек несчастный Маманти. Его буквально подкинуло на ветке. Очевидно, заряд угодил в «очко».

Старик стрелял метров с тридцати, Маманти не удержался на ветке и, как бурдюк, упав в заросли папоротника, покатился под косогор. При этом он не переставал ругать старика крепким, залихватским менгрельским матом, потом подскочил и, хлопая себя обеими руками ниже пояса, как-бы подгоняя, вприпрыжку бежал в сторону речки. Мы же, как макаки помчались за ним в надежде, что старик не успеет перезарядить ружьё. Так мы скатились к реке, затем каждый из нас старался выковырять из Мамантиевой голой задницы несколько кристалликов соли, но, увы, это не удалось. Вся деревня хохотала над «несчастливым», он же несколько дней садился лишь на край стула, используя для этой процедуры маленькую толику своей тощей деревенской задницы.

Гханки

(умение попадать в цель – Снайпер)

Для деревенской детворы, да, наверное, и для городской в мое время большое значение имело умение хорошо бегать, драться и самое главное – хорошо стрелять из рогатки: целиться и попадать в цель.

Бегал я хорошо, драться не любил, да и не умел, пожалуй, но связываться со мной никто не хотел. Обычно меня трудно было вывести из себя, но, если это случалось, я становился зверенышем. В порыве злости не отдавал себе отчета, что меня могут побить или что мой противник старше и сильнее. Для меня не существовало преград. Несколько раз укусил своего противника и меня еле оторвали от него. Короче меня заедало, как бульдога в схватке. Но конфликты я не любил и избегал их, а вот со стрельбой из рогатки у меня было – хуже не бывает. У пацанов всегда были набиты карманы кругленькой галькой и, проходя несколько километров из школы до дома, каждый из них настреливал по нескольку зябликов, снегирей и других птиц. Те, кто умел хорошо стрелять, убивали и черных дроздов. А вот у меня была непуха. Вроде бы и рогатка хороша, и резина, а попасть в птичку – ну никак! А бывало, что резина лопнет и... по-роже! Ходишь потом целую неделю с «бланчиком». Эту неприятность я устранил очень скоро, стал более тщательно отбирать резину, кожу для камня, саму рогатку и, в конце концов, мои рогатки стали самыми красивыми и мощными, но, увы, мне это попадать в цель не помогло. Это было всегда предметом издевок, когда стреляя в промерзшего воробья, буквально в метре мажешь, то это «Ха-Ха», да ещё какое «Ха-Ха»!

Я тренировался каждый день. Но, чтобы стать снайпером, надо им родиться. Занятый этой мыслью и способом решения проблемы я сидел у стола с отцом и его друзьями, готовившимися к очередной охоте на вальдшнепа.

В то время в окрестностях Кочары было очень много вальдшнепа, фазана, зайца, поговаривали, что ещё кое-где есть косули, олени, кабаны. Кабан был точно и, кстати, часто портил крестьянам поля. Чуть повыше водились волки, нередко спускавшиеся в деревни, а также бурые косопалые. А вот в избытке были лисы и шакалы. Шакалы – наглые и трусливые ночью

давали «прикурить» на всю катушку, подходя почти вплотную к домам, и поднимали такие вопли, что у меня кровь стыла в жилах со страху. Лисы же себя никак не обнаруживали: был на лицо лишь результат их деятельности — несколько несушек за ночь по всей деревне. Все это обилие закончилось за несколько лет, после того, как стали применять ядохимикат, которым опрыскивали чайные плантации, правда не знаю, чему он помогал или мешал. «Цемплав» — так по-моему, назывался этот препарат — жидкий яд, который привозили в бочках. При откручивании пробок и случайном вдыхании испарений несколько человек отравились насмерть. Одного стакана яда, вылитого в нашу небольшую речку Цхенцкар, хватило для того, чтобы убить всё живое на протяжении двухсот метров вниз по течению. Лягушки из воды не выпрыгивали, а выползли на задних лапах и замертво падали на речном берегу беленьким брюшком кверху. Все, кто питался опрысканной ядом травой, а также те кто питался этими всеми, впоследствии погибали. Зайцы, фазаны, лисы и другие по пищевой цепочке за несколько лет в округе вымерли. Поредело очень сильно и поголовье шакалов, питающихся падалью, пока и вовсе не исчезло в окрестностях чайных плантаций, окружавших почти все деревни в субтропических районах Грузии. А, так называемые «рыболовы», уничтожили всю рыбу в речках, потравив таким методом добытой рыбой некоторое количество рыбоедов (людей).

Все это было потом, а сейчас я сидел и смотрел, как взрослые заряжали патроны. У каждого была своя специализация и инструменты. Мой отец, как самый неквалифицированный охотник, набивал пыжи из какого-то старого картона, другой удалял с гильзы старый пистон и впрессовывал новенький, такой красивый, двухцветный: с одной стороны чистого медного цвета, а изнутри, как будто со вставленным зеркалом. Пистоны — мечта всех детей моего времени. Два камня, пистон и получался такой замечательный — «Бабах»!!!

Некий мужчина отмерял меркой порох, чёрный, похожий на зёрна мака, росшего у бабушки в огороде с головкой-коробочкой, шумящей на ветру. Потом это насыпалось в гильзу и забивалось пыжом, сделанным из смятой старой газетной бумаги. Потом отмеряли дробь, засыпал в патрон, а сверху все это закрывалось произведённым моим отцом картонным пыжом. Наблюдая за процессом, меня вдруг как током ударило, осенило, что-то, вроде эврики! Второй день прошёл как обычно, третий же был днем моего триумфа.

Как обычно после школы начиналась охота на всех обоченных и придорожных птичек. Я тоже вынул свою рогатку и стал подкрадываться к одной из них. Пацаны с интересом смотрели на мои потуги, чтоб после выстрела высказать, что-нибудь ехидное или посмеяться надо мной. Я, натянув рогатку, прицелился и выпустил кожу рогатки. Из птички, как из рванной бабушкиной подушки полетели перья, и несчастная упала замертво под куст. Мои поделщики молчали довольно долго, наконец, один из самых старших выдохнул:

— Е баганас му ганки доугурауп! (Этот ребёнок как хорошо научился целиться!).

Я с важным видом поднял птичку, положил в карман, заново зарядил рогатку и уже подкрадывался у следующей. За мной следили и почти все перестали постреливать. Со второй пташкой произошло то же самое. Я подстрелил подряд три птички.

С этого дня издевки в мой адрес прекратились. Правда, иной раз мазал, но в основном приравнялся к лучшим рогаточникам деревни. На второй день, когда я пришёл со школы, отца ещё не было дома и у меня была возможность позаимствовать из его запасов немного дрови. В тайне от пацанов, в кожу рогатки насыпал немного дровинок, и если хоть одна попадала в птичку — она была обречена. И всего то, скажете вы, но для достижения моей цели, хотя и маленькой хитростью, этого было достаточно.

Бобриковое пальто, каракулевая папаха и «царские сапоги»

Отар Самсонович позвонил мне с утра и сказал, чтобы я подъехал к нему минут через десять. Я уже был готов к отъезду, спустился вниз и тихо пошёл к автостоянке. Утро было великолепное, стояла осень. Погоды в это время года были спокойными и устойчивыми. Одним словом, стояло бабье лето.

Раннее воскресное утро. Несколько «здравствуй» по дороге, «привет и доброе утро» стоянщику Аркадию, и я уже выезжаю со стоянки. Самсонович ждал меня на Краснофлотской. «Восьмёрка» проехала до Бараташвили, выехала на Ленина и дальше помчалась к выезду из Сухуми. Люди только появлялись на улицах, машин было мало и вскоре мы на Келасурском мосту. Река бирюзовым клином входила в море. — Сегодня было бы не плохо и на рыбалку в горы, — подумал я, но дело было важнее. Мы ехали в Цаленджиху. Отар был главным инженером ПСБ, я же работал приглашённым проектантом, подрабатывал, проектированием электрических сетей, оборудования, освещения и всё прочего электричества. Мы ехали осматривать площадку будущего проекта. Проектировалось крупнейшее хозяйство по выведению пчелиных маток, с последующим экспортом за границу. Нас должен был встречать директор будущего хозяйства Леварса Кварацхелия.

А пока мы мчались к Дранде. Изменения цветовых гамм леса и зелени пока не чувствовалось. Сады были полны фруктов, кое-где проглядывали начинавшие желтеть мандарины, хурма буйствовала своим ярко-оранжевым цветом. Плоды свисали на тонких ветвях верхушек гроздьями, и я всегда удивлялся тому, что они не ломаются. Сейчас они были прикрыты листвой, но, когда листва опадала, плоды оголялись и, казалось, что они запутались в паутинке веточек. Так они там оставались почти до весны — желтые, вкусные, манящие, но доступные только птишкам да черным певчим дроздам.

Отар Самсонович был интересным собеседником, и мы почти не заметили, как проскочили Очамчире, Гали и выехали на дорогу, ведущую в верхнюю Мегрелию. Цаленджиха — небольшой городок, который ещё называют столицей Кварацхелийцев. Эта фамилия здесь доминирует. Внимание проезжающего Мегрелию путника невольно привлекают дворы перед домами.

По традиции перед одой (гостевым и спальным домом) большие поляны, покрытые ровным ковром зелёной травы. Дворы прибраны и каждый из них — творение искусства и чистоты. В Грузии нигде так не следят за полянами перед домом, как здесь. Вспоминаю бабушку, у меня перед глазами возникла картина: в полдень она берет маленькую табуреточку, садится на солнцепёке и руками начинает дёргать какие-то травы. Как-то я её спросил, что она делает и почему именно в полдень:

— Нана, в другое время мне некогда, а за двором надо ухаживать каждый день, иначе он будет некрасивым, а это стыдно. — Позднее я понял, что только так можно было поддерживать одинаковую высоту разных трав, и двор у нас всегда был как ковёр — зелёный, плотный и густой.

Подъезжая к месту встречи, я сбавил скорость, любясь видом вокруг. Здесь я ещё не был, и для меня всё было интересно.

— Хорошенько вглядывайся в этих людей, — сказал Самсонович, — здесь, каждый третий твой дальний, дальний родственник и однофамилец. А вот и Леварса!

Мы остановились и вышли из машины. Отар с Леварсой обнялись и расцеловались. — Этот тоже наш, — сказал Отар, знакомя нас. Тот загрёб меня в охапку, и расцеловал. Так я познакомился с Леварсой Кварацхелия. Это был крупный мужчина ростом под два метра, пропорционально сложенный. Выглядел он лет на шестьдесят. Улыбчивое, доброе лицо, что обычно характеризует сильных мужчин, волосы с проседью с маленькими залысинами, удлиняющими лоб. Короче говоря, это был породистый красивый мегрелец-колх. Некоторое время мы поговорили о том, о сём. Он поинтересовался моими — дедом, прадедом и отцом, потом ещё пару раз обнял меня и пригласил на объект. Часа три мы провели на площадке будущего строительства. Я произвёл обмеры и записал все нужные мне параметры. Закончив все свои дела с Отаром, начали поговаривать об отъезде в Сухуми.

Леварса был невозмутим и без суеты, в которую обычно впадают в такой ситуации хозяева в Западной Грузии, особенно в Мегрелии, без всяких „охов, ахов“ спокойно взял меня под руку, как более молодого и менее знакомого, повел в сторону от машины. Я не смог возразить. Отар было, что-то буркнул, но от взгляда Леварсы замолк. Пока я очнулся, мы уже поднялись на небольшую открытую веранду местного ресторана. Стол был накрыт на троих. Около него стоял мужчина с ольховой веточкой и обмахивал сервированный столик, отгоняя мух.

— Леварса, патони, только закуска, всё остальное, как скажете и когда скажете, — произнес мужчина и через пару минут поставил на стол бутылку водки и большой графин чёрного вина. От обоих сосудов повеяло холодом, и они покрылись испариной. Одновременно на стол поставили покрытые инеем стаканы. Леварса наполнил рюмочки: — За первое евангелие! — сказал, чокнулся с нами и выпил. Отар повторил тост и последовал его примеру. Я замялся. Леварса посмотрел на меня и сказал:

— Даже в мои восемьдесят три года не могу тебе приказать. За рулем, так за рулем, и расхохотался. У меня отвисла челюсть. — Сколько? — только и смог сказать.

— Что сколько?

— Сколько Вам лет?

— Восемьдесят четыре будет скоро...

На сей раз рассмеялся я.

— Муре? (что случилось?)

— Я, то думал, Вам шестьдесят!

За первым евангелием пошло второе, за вторым — третье, за третьим — четвёртое. После четвертой стопки водку отставили. Леварса взял на себя функцию тамады.

От черного вина я отказаться не смог, несколько стаканов всё же выпил.

Разговор о Нём начался как-то сам собой, даже не помню как.

— О, это был уникальный человек, — сказал Леварса. Выпивать сильно никто из нас не собирался. Застолье перешло в тихий душевный разговор, и он продолжил:

— Это было давно. Я был молодым. Моего друга назначили секретарём Цаленджихского райкома. Как-то вечером он пришёл ко мне и сказал, что завтра едет в Тбилиси к Нему, и пригласил меня составить компанию. Прокатиться в столицу на персональной машине с другом для меня было приятным времяпрепровождением. Утром он заехал за мной и где-то во второй половине дня, после обеда мы были в Тбилиси. Время у нас было, и я предложил другу перекусить, но он был настолько встревожен будущей аудиенцией, что не смог поесть, только выпил какую-то воду. До самого времени приёма мы простояли перед зданием. Наконец он сказал, что пора, и ушёл. Теперь волнение передалось мне. Не прошло и получаса, как он появился на выходе из здания. Подошёл к машине, сел в неё.

— Теперь поехали ужинать, — сказал он.

– Ну что молчишь? Рассказывай, как Он тебя принял?

– Проще не может быть. Когда меня втолкнули в кабинет, Он привстал, пригласил к столу, пожал руку и жестом указал на стул. Сказал:

– Ну как там Цаленджиха? – И всякое незначущее, а потом вдруг спросил о твоём однофамильце Петре, и его здоровье.

– И что ты ответил? – встревожился я, зная о каком Петре. Он мог спросить.

– Что с ним будет, здоров, – ответил я.

– Про кого ты ему сказал – здоров?

– Как про кого? Про того, что у нас в гараже работает.

– Дурак, ты! – вырвалось у меня. – Он тебя спросил про другого Петре. И вообще не знаю, жив он или нет! – Мы подъехали к какой-то харчевне, зашли в неё, заказали еду и стали ждать.

– Значит, есть другой Петре, которого я не знаю, – спросил мой друг.

– Да, есть – священник.

– Я и удивился, когда Он мне как-то без всякого интереса сказал «хорошо, хорошо» и отпустил, – уже с беспокойством сказал секретарь.

Нам принесли поесть, но еда, как ему, так и мне не лезла в глотку. Вопрос о Петре для нас был слишком серьёзным, и «проколоться» с ним было бы большой ошибкой.

– Да, это так? – встрял я в воспоминания Леварсы. Отар неодобрительно посмотрел на меня, как бы говоря, что нехорошо перебивать старших, но Леварса улыбнулся и, подняв стакан, сказал:

– Обоих нет в живых. И Его, и моего друга. Давай помянем их души, и пусть благословение Божье хранит их там, где они есть! – Обмакнул в чёрное вино кусочек лаваша и опорожнил стакан. Мы повторили процедуру.

– И что ты хотел сказать?

– Да ничего, дядь Леварса.

– Нет, раз начал – говори!

– У моего троюродного брата был тесть, которого назначили секретарём Хулойского райкома в Аджарии. Он тоже был вызван на первый прием и так же через пять минут Он его отпустил. Со слов тестя, Он его спросил, какое дерево стоит в центре одной из деревень Хулойского района. Тесть не смог ответить, так как там не был. Он вспоминал, что вспотел, пока выходил из здания, а на выходе ему вручили бумагу об его

увольнении: через десять минут, пока он спускался, его уже освободили от должности.

— Слава богу, хорошо отделался, — сказал он, рассказывая об этом.

Потом поехал в ту деревню и увидел дерево. Им оказалась многовековая липа, не увидеть которую нельзя было даже из близлежащих деревень. — Это было моей плохой работой, — говорил он.

— Правильно говоришь, поэтому-то у нас и пропал аппетит. Наспех перекусив, мы рванули на всех парах домой в Цаленджиху, — продолжил свой рассказ Леварса. — В успехе наших поисков мы уверены не были, точнее, я не был уверен. Жив ли он, где искать этого Петре, я не знал. Рвение найти его, у моего друга было такое, что он уже всё разузнал о нем. Заодно в Кутаиси купил бобриковое пальто, каракулевую папаху и «царские» сапоги (хромовые, их почему-то называли «царскими»). Размеры «клиента» мы не знали. Покупали впрок. Эту историю я знал лишь по преданию и рассказал её моему другу. Отар историю знает, расскажу и тебе:

— Первого мужа Его матери — красавицы убили на Цаленджихской дороге одной пулей в лоб. Тогда Его старшему брату было около семи месяцев. Убийцу долго искали, но найти не смогли. Позже появились различные предположения, но это были всего лишь сплетни. Потом вдову с маленьким сыном забрал к себе в дом брат мужа — священник, шави бери (черный монах, не имеющий право жениться). Она была писаная красавица. Я её видел, когда она была уже в возрасте, но и тогда была прелестной. Она была дьявол — соблазнитель в женском обликии.

Одним словом, что случилось и как, не знаю. Но старшие говорили, что однажды Петре вызвал старейшин нашего рода и, сказал, что невестку надо выдать замуж, и попросил подобрать жениха. Суд — пересуд шёл очень долго, пока кто-то не вспомнил, что рядом в деревне работает бездомный, безродный мужчина, в возрасте, который только и знает, что делать насечки на мельничных жерновах (скибуш — макакали). За это его кормили, поили, давали кров. И так он ходил от деревни к деревне, зарабатывая себе на хлеб. Также он был с горбинкой. Идею подхватили, за ним тут же послали людей. Неважно, что было потом, но он согласился жениться на ней.

Жениха и невесту отвели в Цаленджихскую церковь, и в присутствии родни священник Петре их обвенчал.

На второе утро два всадника были отправлены, за полтора километра в Абхазию, в деревню, где проживала родственная диаспора Кварацхелиевцев, выходцев из Цаленджихи.

После обеда на семи арбах со всевозможным скарбом повенчаных молодоженов с маленьким младенцем отправили в след всадникам. Через два дня арбы прибыли в дальнюю деревню к дому с мельницей, где семья и поселилась. Усадьбу купили всадники, прибывшие до этого. Там родился второй сын. Потом появилась и сестра.

Мальчик рос смышлёным, учился хорошо. В деревне кроме мегрельцев было много греков и армян, так что кроме родного он выучил и их языки. По окончанию школы у матери попросили отдать его, Самсону Кварацхелия, который был начальником железнодорожной станции Баладжары, под Баку.

Там он поступил в железнодорожный техникум, который окончил с отличием. Дальше — больше. Он стал Им.

Рассказ вовсе расстроил моего друга, секретаря. Мы уже подъезжали к Цаленджиха. Темнело. То тут, то там в домах появлялись зажженные керосиновые лампы. Запоздалые хозяйки ходили по двору с кочоби (керосиновой коптилкой), доделывая свои дневные дела. Наконец мы остановились около одного дома. На наш зов, как обычно вышла женщина, она узнала меня и пригласила нас в дом. Но нам было не до гостеприимства, перекинувшись несколькими фразами, мы уехали по адресу, данному этой женщиной. Так продолжалось довольно долго. Все знали, что Петре существует, живой, но не знали, кто из его родственников в данный момент ухаживает за ним. Нам пришлось объехать добрую половину моей и, естественно, родни Петра.

Наконец, далеко за полночь мы подъехали к дому, стоящему на пригорке у опушки леса и стали звать хозяина. На наш зов немедленно откликнулось несколько собак. Через некоторое время в оде зажглась лампа, и кто-то хрипло нам ответил. К калитке подошёл мужчина средних лет и, приглядевшись, узнал сначала меня и удивленно спросил: — Леварса, патони, что случилось?

Потом он признал и моего друга и пригласил нас в дом. Мы уже потеряли надежду найти, злополучного, нашего Петре, и медленно поплелись за ним в дом.

Мне было невтерпёж, и я спросил его о Петре. Он хмыкнул и сказал:

— Он здоровее всех нас. А почему вы о нем спрашиваете? Мы буквально остолбенели от услышанного, наконец-то, Петре нашелся, и стали наперебой описывать хозяину историю наших ночных поисков.

Всполошился весь дом, от мала до велика. Кто-то позвал — из соседнего дома, мол, что случилось и оттуда пришли двое мужчин. Вся эта братия была моей дальней родней, а секретарь был очень почетным гостем. А, когда узнали, что о Петре вспомнил сам Он, то немедленно уложили на бок крупного бычка. Уйти отсюда было уже невозможно. Не знаю, как назвать: то ли это был поздний ужин, то ли ранний завтрак, но еды было столько, что хватило бы на несколько воскресных обедов.

За стол уселось человек пятнадцать мужчин. Во главе стола стоял пустой стул. И вот, наконец, привели невысокого сухонького старца в довольно приличном здравии, в засотенном возрасте. Он присел, живо оглядел нас. Наш секретарь встал и произнес речь в честь старца. Рассказал, как мы его искали, и от Его имени преподнес бобриковое пальто, каракулевую папаху и «царские» сапоги. Старик поблагодарил, посидел с нами помолчал, выпил два стакана вина и, извинившись, встал. Покидая застолье, ни к кому не обращаясь, произнёс:

— Ти баганаше мутунк геишартуо? (из того ребенка что-нибудь получилось?).

Вопрос старика был встречен бурно и ему, провожая, объясняли, что он это Он, то ли старость убивает эмоции, то ли мужская воля, но на его лице не дрогнула ни одна жилка. Старик больше не произнес ни слова и удалился к себе.

Застолье закончилось, как обычно это бывает. Солнце давно встало и песни, доносившиеся из дома, никого не удивляли, ибо уже вся деревня знала причину веселья. Мы, по несколько раз, перецеловав хозяев, и друг друга, петляя, прошли по ковру двора. Около калитки, осушив ещё по одному рогу вина на прощание, свалились в машину.

Следующая аудиенция в Тбилиси прошла блестяще. Мой друг с порога кабинета Ему доложил, что Петре нашли. Находится в такой-то деревне в добром здравии и от Его имени ему подарено бобриковое пальто, каракулевая папаха и «царские» сапоги. В ответ он получил Его ослепительную улыбку, пару «зайчиков» от очков и благодарные слова. После такого результата мы ещё неделю не просыхали,— завершил свой рассказ Леварса.

Батоно Серго

Я вырос в деревне, и очевидно, что этот факт наложил на меня свой отпечаток. Правда, знал и знаю многих выросших в деревне и ненавидящих её, но это не относится ко мне.

Наконец моя мечта сбылась, и я купил дом в Мерхеули. Правда, все деньги взял в долг, но, думал, что справлюсь. Уже год тут кручусь, ремонтирую дом, создаю огород, И всё это доставляет огромное удовольствие. Езжу я всегда на дачу один, после работы, и каждый день, что-то латаю, прибываю, копаю. Почти каждый день ко мне кто-нибудь да заходит. Чаше всех сосед справа-Робик. Он живёт в лачуге, из семьи почему-то ушел. У него приличные дети, как-то раз я их видел, но об этом он не хочет говорить, да и я не интересовался.

Сегодня воскресенье. Встал немного позже обычного и занялся поеданием Лавровишни. Во дворе их около восьми. Хожу от одного к другому и ем пока еще прохладные ягоды. Поглощению оных я предаюсь с большим удовольствием — это одна из моих любимых ягод!

В это время скрипнула калитка, и во двор вошел Робик, волоча высохшую ногу. Нога у него не сгибается, она исполняет роль подпорки во время ходьбы. Удивительно, что два человека в этой деревне — Робик и председатель колхоза Мамели, ходят одинаково. О причине своей инвалидности Робик как-то сказал: «Сука! Врач у нас в деревне был один, он сделал мне укол в ж....Потом она воспалилась, а нога со временем высохла. Помочь ничем не смогли».

— А Мамели? — спросил я

— То же самое...

Получается, что два мальчика были искалечены одним идиотом-врачом, не умеющим делать инъекцию.

— Заходи Робик, гостем будешь! — пошутил я. — Угощайся! Робик подключился, и мы вместе стали уплетать фрукт. Наевшись, присели в тени большой туты (шелковицы), которая уже отплодоносила, и стали болтать, о том о сем.

Он почему-то вспомнил, войну, свое детство. Я, в свою очередь, стал его подкалывать, что если не он, то войну СССР проиграл бы. Робик говорил с сильным армянским акцентом.

— А ты знаешь, я Берия видел, — сказал он ни с того ни с сего. Это меня заинтересовало:

— Как?

— Я был пацаном, когда кто-то распространил слух, будто бы Лаврентий Павлович сообщил в деревню, что завтра в двенадцать часов он будет в центре Мерхеули и все желающие могут его видеть. Берия, как известно, родился и вырос в Мерхеули. На следующий день в центре села собралось много народу, в основном старики, женщины и дети. Мужчин в деревне было мало — шла война. Говорили, что немец перешел Клухорский перевал и вот, вот, прорвется к Сухуми. Город иногда бомбили. В такой критический момент появление Лаврентия Берия в Мерхеули было для всех очень важно.

Трудно вспоминать то время: жрать нечего, каждый день по Мерхеульской дороге из Сванетии провозили раненых. Обрато же ехали войска, техника. И вдруг Берия! Ждали мы часов до трех-четырёх, как вдруг на дороге появился большой, чёрный автомобиль. Потом я узнал, что он назывался «Бьюик».

— Лаврентий, Лаврентий! — зашумела толпа. Автомобиль сбавил ход и остановился на обочине подальше от людей. Из машины вышел человек среднего роста в пенсне и направился к нам. Шофер сидел в машине. Такое не забудется никогда. Он был вдвоем с шофером. К нему кинулись люди, родственников он расцеловал, со всеми поздоровался, извинился, за опоздание и сообщил, что спешит. Произнес несколько слов по-мегрельски, перешел на русский. Успокоил всех, сказав, что едет на фронт разбираться.

— Немец сюда не пройдет, не бойтесь, не пустим. Обещаю. Завтра я вернусь, к вечеру буду здесь и расскажу обо всем, — подошел к машине, сел в нее и уехал в сторону Клухорского перевала.

Люди еще долго не расходились по домам. На второй день с обеда все, кто мог, пришли в центр Мерхеули — ждать Лаврентия. Ждать пришлось очень долго. Машина осветила фарами поредевшую толпу далеко за полночь. Я так хорошо это помню. Она остановилась в плотном кольце толпы. Лаврентий вышел. Был немногословен: — Все будет хорошо. Все наладится. Скоро мы немца погоним с Кавказа и погоним без оглядки. Я вам обещал это вчера и сегодня повторяю то же самое.

Машина простояла минут десять. Он нырнул в нее и укатил в сторону Сухуми. А ты говоришь, что я ничего не видел, — закончил Робик свою историю.

Со времени этого рассказа прошло много времени. Робики уже нет на свете. Вследствие грузино-абхазской войны 1992-1993 года мы — грузины, греки, евреи и многие абхазцы вынуждены были бежать из родных мест. Будучи в Тбилиси, мне выпала удача познакомиться с Серго Лаврентиевичем Гегечкори. К этому времени я перечитал все его книги, воспоминания и, приглашенный к нему на встречу, шел, как на праздник. Квартира его находилась на улице, соединяющей Ваке и Сабуртало в девятиэтажном доме. Батоно Серго хотел в то время помочь нам — беженцам организовать производство и меня ему порекомендовали как бывшего замминистра промышленности Абхазии. В то время лифты в домах не работали, и вообще был кризис с электричеством, и не только... В назначенное время я был у него.

Он на меня произвел великолепное впечатление. Это был довольно полный мужчина, чуть лысеющий, с седыми прямыми усами. Что самое интересное — на нем не было отпечатка его высокого ранга, ученых званий, короче, спеси, которая характеризует некоторых горе ученых-прыщей в Грузии. Мы обменялись несколькими фразами, он поставил мне задачи, рассказал о планах и мы договорились о следующей встрече в расширенном составе. Затем была маленькая закуска, выпивка и непринужденный разговор. Уходить от этого приятного человека мне не хотелось, да и он меня не торопил. Я рассказал ему историю Робики. Неожиданно его лицо расплылось в улыбке. Мне стало как-то не по себе, я подумал Бог весть что.

— Все было так, в деталях, — сказал он с улыбкой. — Да, я тоже там был.

— Нет! — категорично вырвалось у меня — Робик говорил, что там, в машине был только шофер.

— Правильно, шофер сидел за рулем, и окно было открыто, а задние стекла были зашторены и я сидел в глубине салона. Отец сказал мне, чтоб не высовывался. Да и машина стояла поодаль от людей. Естественно, меня никто и не видел.

Удивлению моему не было предела.

— Не удивляйся, — сказал он и похлопал меня по плечу. — Затем мы поехали к перевалу, на второй день отец вернулся, а я две недели был в Сванетии, у командующего действующей армии, на фронте. Как только немца погнали с перевала, меня привезли в Сухуми и спецрейсом на самолете отправили в Москву. Вот так оно и было.

Главное связаться...

1970 год, тридцатое сентября. Наконец, после всех процедур я влез на своё место в брюхе «АН-24», двухмоторного самолёта, вылетающего в Саратов. Бабушерский аэропорт в то время был не очень богат сервисом. Я внес свою поклажу в багажное отделение, находящееся в хвосте самолёта, и разделённое с салоном, коридорчиком и грязно-коричневой занавеской. Меня никогда никто не провожал и весь свой багаж, как улитка, я тащил на себе. В том числе был комплект постели с матрасом, стёганым одеялом и подушкой. Я выглядел, как барахольщик, но переубедить родителей, в ненужности всего этого, не удалось. Прокляв свою жизнь, вспотевший, как сивый мерин, но уже прошедший первый этап пути, я старался расслабиться. Вскоре самолёт пошёл по полосе, и подпрыгнув последний раз, завис на своих крыльях. Он набирал высоту, делая огромную дугу над селом Варче. Я усиленно вглядывался вниз, пока не увидел то, что искал. На поляне величиной со стадион стоял круглый шатёр (шепа) величиной с шапито. Там, внизу, намечалась свадьба нашего родственника Како Кохия и мои родители, естественно, были там, в числе почётных гостей. «АН-24» же круто набирал высоту, ложась на курс. По проходу двигалась стюардесса с подносом леденцов, со словами утешения и поддержки, а так же, с пропитанными чем-то водостойким, бумажными пакетами, этак на массу-в килограмма два. Леденцы брали по одному, но чья-то пятерня накрыла поднос, черпнув с него. Стюардесса тут же подала ему два пакета. Кое-кто хихикнул. Поднос оказался передо мной. «Дорогая, мне три пакета. Конфеты не надо», — выдохнула соседка по креслу. «Опять повезло» — подумал я про себя и косым взглядом осмотрел соседку, поняв, что если её «разнесёт», то и меня «обчурчхелит». (Чурчхела — грузинский традиционный десерт, состоящий из орехов, нанизанных на крепкую нитку, и сладкой оболочки из виноградного сока). После этого полёт для меня превратился в ожидании «процесса». Потом промежуточная посадка, взлёт и к моей большой радости — пустое соседнее кресло. Пронесло...

В Саратове сели по расписанию. Рабочий день ещё не закончился, и пара нанятых мной носильщиков, дотащили мой багаж до ближайшей телефонной будки. Звонок заместителю директора завода Китаеву ознаменовался приездом автобуса с

народным названием «коробка». Проезжая центр города я случайно увидел одного из наших. Пятеро ребят направленных на тот завод прибыли сюда накануне. Итак, все шестеро, радостные, подкатили к заводу Электроаппарат на девятой линии. Через день первого октября мы уже были инженерами 10го цеха. У меня же был «ранг» инженера-технолога цеха. Все мы изъявили желание работать инженерами — регулировщиками на военных кораблях Черноморского флота, а для этого нужен был специальный допуск. Ждать его нужно было месяца полтора.

Мне представили личный стол, но в основном я слонялся со своим друзьями по цеху, рассматривая через стеклянные стены, работающих девочек. Интерес был обоюдный, чем была вызвана «неприятнь» мужчин цеха. Мы сразу же привлекли внимание заместителя начальника цеха, своим шатанием по цеху. На следующий день он нашёл нам дело, и мы полдня таскали какую-то мебель по коридору цеха. Мы поняли, для чего это делалось, но исправно исполняли поручение. На второй день всё повторилось. Ребята начали ворчать, но продолжали горбатить. В сторону работающих девочек, мы уже не смотрели, боясь увидеть их насмешливый взгляд. Ребята же были явно довольны, видя новоиспечённых инженеров, грузин, таскающих по коридору старую, пыльную мебель.

На третий день, я полез на рожон, наотрез отказавшись выполнять приказы — заместителя начальника цеха, заявил, что я инженер, а не носильщик, и указал на толпу курильщиков в конце коридора.

«Ах так. Идём со мной», — сказал он и повёл меня в свой кабинет. Я был готов ко всему и шёл за ним поодаль. Наши ребята остались в коридоре. «Так ты инженер, ах, да инженер-технолог. Так вот тебе технологическое задание». Он бросил передо мной кипу каких-то бумаг. «К концу недели доложишь об исполнении». Я молча вышел из кабинета, прихватив бумаги. Мои встретили меня там же, где я их оставил. Все понимали, что надо мной завис Домоклов меч. Я без слов пошёл на своё место разбираться с заданием. Суть оказалась в том, что феррит — магнитные ячейки (устройства памяти вычислительных машин того времени) по невыясненным причинам стали выдавать на выходе ополовиненный импульс. Ячейки изготавливались в нашем цеху. На одну электронно-вычислительную машину их требовалось много (говоря современным языком одна феррит-магнитная ячейка — это один бит в компьютере). В складе пригодных ферритовых

колец оставалось мало. Склад был переполнен кольцами негодными для нужд завода. По накладным они соответствовали нужным параметрам, но в схеме не работали как надо. Запасы хороших могли скоро иссякнуть, а это грозило остановкой производства вычислительных машин. Короче я имел шанс попасть в переплёт с выговором. Наши же ребята гуляли по цеху без дела. Козлом отпущения был, только я.

Нужно было начинать с идеально намотанных ферритных трансформаторов. Сзади меня через стеклянную стену сидела бригада намотчиц. Хотя наш авторитет был подпорчен, тасканием замшелой мебели, а также был лишь мой четвёртый день на заводе. Выхода не было, и я зашёл к «соседкам». Меня встретили никак. Я подошёл к бригадирше и попросил намотать для меня несколько идеальных трансформаторов, на что получил отказ. Они знали мою должность, знали и то, что я мог их заставить выполнить мой заказ. Вместо этого, я попросил челнок для намотки, нужный провод, высыпал на стол несколько сердечников, и присев, начал намотку. Увлёкшись работой, не заметил, как все женщины стали наблюдать за мной. «Девочки, смотрите, как ловко орудует челноком», — разбудил меня голос бригадирши — «ты, что намотчиком работал».

— Нет. Я с детства занимаюсь радиолюбительством, — ответил я.

— Девочки поможем нашему технологу, — вновь протрубила она.

Вскоре передо мной лежало с десятков трансформаторов. Причём они потеряли около шестнадцати, восемнадцати рублей. Столько они заработали бы если я приказом с соблюдением правил заставил их проделать эту работу. Но было бы потеряно несколько дней на оформление технической карты, нужной для официального выполнения работы. Доложить итоги работы мне было велено к следующему понедельнику. В тот же день я провёл все измерения на метрологическом участке.

«Слава» летела впереди меня. Я, потом понял, что информация обо мне, передавалась в следующие места моего посещения, как только я интересовался тем, как пройти туда.

Кто-то туда звонил по внутреннему телефону и там меня встречали с улыбкой.

Осталось последнее — измерить магнитную проницаемость феррита. Для многих из вас, читателей, это пустой звон, но для меня это было очень важно.

Облазил весь завод, но нужного прибора на нашем заводе не оказалось. Пришлось идти к главному технологу завода. Постучав в дверь, я получил добро, и вошёл в кабинет. За столом сидела крупная (не толстая) женщина с «Беломором» (папиросой) в зубах. Я представился и вкратце изложил мою просьбу — помочь мне в нужном вопросе. «Ты грузин?», — спросила она. Получив утвердительный ответ, тут же продолжила. «А чего ты такой русопетый?».

— У меня мать сибирячка,— ответил я. Её, как подпалили снизу. Она вскочила со своего кресла, «откуда?»

— Из Краснотурынска.

— Землячка. А я из Свердловска, — загремела она, взяв меж двух пальцев папиросу с прожёванным мундштуком. — Кто тебе дал это задание? Я назвал фамилию.

— Ах, ядрёна мать, — выдохнула она с табачным дымом, — ведь над этим корпел Муратов (она назвала фамилию моего коллеги по цеху). А кто тебе поручил?

— Я ответил — Зам. начальника цеха Кравцов.

Технолог сидел за соседним столом, целый день «считал мух», и не посчитал нужным мне помочь. Когда я высказал предположение, что сердечники не соответствуют данным сопроводительного сертификата, она исключила это. Довольно эмоционально объясняя, что всё сюда поставляется от смежников и проходит через военную приёмку. На моё утверждение, что проницаемость вдвое меньше, она взвилась. «Ты понимаешь, что наш завод почтовый ящик, и мы работаем на оборонку!».

Но «родственные» чувства вяли верх. Она согласилась, на стороне, измерить ферритовые сердечники, и прикурив следуюшую папиросу, доброжелательно проводила из кабинета. Время, данное мне для решения проблемы, закончилось.

Встретиться с замом мне не хотелось, и я просто раньше времени смылся с завода. В понедельник я целый день петлял по заводу, стараясь этому гаду не попадаться на глаза. Но этому было суждено случиться в заводской столовой. Он, увидев меня, как бы шарахнулся. Мне это показалось не к добру. После обеда, меня блуждающего по цехам, настиг слух, что меня ищет главный технолог. Я влетел к ней в кабинет без стука. Она с достоинством встала. На сей раз, я оценил её величину. Это была типичная здоровая волейболистка, крупно костная и мощная. — Кто бы мог подумать! Ай, молодец! А ведь прав, прав! Вместо тысячи всего лишь шестьсот!

Приближаясь, она осыпала меня хвалой. «На, получай, результаты измерений, а Кравцову... я, таки, надрала задницу».

Так оказывается не только я от него бегал! То-то он в столовой себя как-то странно вёл! Я уходил от неё обласканный, с предложением перейти в аппарат главного технолога, с перспективой быть её преемником. Улыбка не сходила с моего лица. На складе было забракована огромная партия сердечников с авторитетным штампом ВП. Вскоре зам. нач. цеха №10 Кравцов, куда-то исчез, через два месяца мы получили допуски. Меня вызвали к главному технологу, но уговорить меня ей не удалось. Я был уверен что иметь дело с живой электроникой намного интереснее. К моему имени, как то само собой прибавилось отчество. Спустя неделю мы с бригадой заводских регулировщиков летели в Одессу, чтобы объединиться с главными «силами» в Николаеве.

«Поход»

Мое пребывание в Питере оказалось не долгим. Получил телеграмму директора завода Брусникина, послезавтра быть в Саратове.

Когда сказал Ванде и Вилику, что мне завтра надо улететь в Саратов, они рассмеялись. Наверное, потому что в это время года — это возможно было только теоретически. Разгар туристического сезона в СССР было нечто. По всей стране и без праздников и всяких других сезонов, а, тем более, летом, поехать, полететь или устроиться в гостиницу, даже в городе типа Васюков практически было невозможно без блата, взятки или какой — либо брони компартии.

А улететь из Ленинграда, да ещё в середине августа! Для меня этот вопрос был трудным, но зная возможности Ванды, вполне разрешимым.

— Вандочка, милая, ты все можешь! — умолял я её. Муж Ванды, Вилик, мой близкий друг, тоже замолвил словечко за меня, и она села на телефон. Часам к одиннадцати ночи она выдохнула: кажется, получилось.

Утром, снабженный огромной плиткой шоколада (я никогда больше не видел такой плитки и с таким названием), расцеловав друзей, сидел в такси. Шёл 1972 год. В Пулковое прибыл во время, девушку по имени Майя нашел очень быстро, представился, вручил мой (Ванды) презент — плитку шоколада. Она внимательно осмотрела меня. Я понял, что произвел на неё хорошее впечатление. Воспитанностью всегда отличался и легко входил с людьми в контакт, а мой внешний вид представлял весьма интересное зрелище.

Одет был шикарно — вызывающе. На мне была коричневая замшевая индейская куртка с бахромой на груди, спине, рукавах и внизу, под стиль сорочка, фирменные джинсы, и наколец, легкие черные туфли.

Волосы волнами спадали на плечи. Усы, которые носил всю свою жизнь, дополняли мою внешность.

Вся эта одежда в СССР не продавалась, её невозможно было достать даже в валютных магазинах, но Питер был исключением из правил, хотя это было связано с определённым риском иметь неприятности с милицией.

По приезду в Ленинград я заказывал Володе и его супруге, моим друзьям из мира фарцовщиков, всё, что было нужно. Заказ выполнялся в течение трех-четырех дней. Схема была элементарно проста. Через несколько дней в Ленинград, туристическим автобусом приезжал один из финских партнеров Володи, моего размера. Днем мы с ним встречались и менялись всей амуницией. Фарцовщики помельче проводили обмен, где угодно: в музее, кино, общественных туалетах. Наш же обмен происходил на квартире Володи недалеко от Исаакиевского собора, под шикарную музыку с добрым виски со льдом. Фина я знал по прошлым обменам и не раз с ним дегустировал разные напитки. От Володи мы уходили в разных одеждах, под маленькой «мухой».

Майя повела меня в какой-то зал, усадила рядом с иссиня-чёрным мужиком и строго-настрого предупредила сидеть и молчать, что я и делал исправно. Я сидел в куче иностранцев, особого внимания на меня никто не обращал. Советские так не одевались! Наконец, она появилась, и мы очень быстро пошли, как я понял на посадку, но не через общий вход, а откуда-то сзади. Мы пришли в багажное отделение, меня поставили на аэропортовские весы с огромным круглым циферблатом. Взвесили, выписали багажную квитанцию. Как сегодня помню, взяли с меня 38 рублей – столько же стоил авиабилет Ленинград – Саратов. Майя попрощалась, передала меня из рук в руки другой девушке, которая повела меня по лётному полю, к стоящему недалеко «АН-24». Там меня опять из рук в руки передали стюардессе, та закрыла за мной люк и повела в багажное отделение, которое было отделено от пассажирского салона коротенькой шторкой. Салон был полон. Пассажирского места, естественно, не было. В багажном отсеке стояли два небольших стульчика, на которые мы со стюардессой и примостились. Сначала она ни на минуту не оставляла меня наедине с сумками и чемоданами, но потом расслабилась и стала помогать время от времени своей напарнице. Так мы общались около пяти часов в багажном отсеке «АН-24».

На второй день я предстал пред очами моего заводского руководства, чем весьма и весьма его удивил. Естественно, о моём прибытии было доложено директору завода, а мне вручили новую командировочную.

За прежнюю – надо было отчитаться в бухгалтерии. Возникла конфликтная ситуация с бухгалтером, которая заявила,

что не оплатит квитанцию багажа, хотя я ей и объяснил, как всё было. На неё это не действовало, и нарушать инструкцию она не собиралась. Я, думая не долго, пошел к директору. Когда рассказал причину конфликта и, что я летел в Саратов в статусе багажа, он долго смеялся, потом вызвал бухгалтера вместе с моей квитанцией и поставил на ней резолюцию: «Хвалю за находчивость. Бух. оплатить». Позже, знающие эту историю, иной раз, шутя, называли меня «саквояжем». Как и говорил, у меня не было проблем с коммуникабельностью, ко всему прочему, своё умение общаться подтверждал какими-нибудь презентами: бутылкой шампанского, шоколадками, палкой колбасы и т.д. и т.п. Это делалось не тогда, когда меня припирало иметь авиабилет или номер в гостинице, а периодически и всегда по возможности. Поэтому меня знали в кассах театров, аэрофлота и железной дороги, в салоне бракосочетания, валютных магазинах, гастрономах и в других необходимых в то время местах. Это не было взяткой, ибо денег я не давал. Это было знаком внимания, что давало возможность кроме всего прочего выезжать в любой день и в любом направлении.

Так было и на сей раз, утром второго дня заводская машина везла меня с моим спецбагажом в Саратовский аэропорт. Улетал в Симферополь-весьма и весьма оживленное в это время направление в сторону Крыма и моря.

Я вез двухметровый защитный пенопластовый корпус для антенны флагмана Черноморского флота — вертолетоносца «Москва». Кожух был легким, но проблема была в его длине. Диаметр цилиндра был в полметра.

В Севастополе, по сведениям, меня должна была ждать эскадра Черноморского флота, вернее, не меня, а этот кожух. Эскадра под командованием адмирала Сысоева начинала учебный поход с морскими маневрами на три месяца по Черному морю. Я же был прикомандирован на фрегат или на советский манер БПК (большой противолодочный корабль) «Комсомолец Украины», которым командовал весьма симпатичный командир и мой хороший товарищ-капитан первого ранга Пашков. Самолет с вылетом задержали, и в Симферополь прибыл с опозданием. Бегом к такси. Сверху на крышу укрепил мою бандуру и, никого не взяв в попучики, на полной скорости рванул в Севастополь. Проезд одного человека на такси до Севастополя стоил пять рублей. У меня было распоряжение «любой ценой и вовремя». Я был молод, и для меня было, делом престижа сделать все возможное и невозможное. Мы мчались к Севастополю.

В порт прибыли к заходу солнца. Дежурный офицер по причалу был в курсе моей миссии и не замедлил сообщить, что эскадра ждет меня в Феодосии. Я продолжил путь на том же такси. Мы прибыли поздно. На Феодосийском рейде я не увидел ни одного корабля и понял, что эскадра снялась и ушла. Дежурный офицер сказал, что ему приказано в случае моего приезда вызвать начальника порта. Минут через пятнадцать ко мне бежал невысокий толстенький человек в погонах капитана третьего ранга. Он откозырял, представившись, сообщил, что меня ждали, но минут сорок назад эскадра ушла в море. В случае моего приезда, приказано радировать командующему флота. Сказав, он опять куда-то побежал. Очень быстро вернулся, и запыхавшись сообщил, что эскадра ждет и приказано меня доставить на флагман. «Уже ночь, — сделал открытие капитан третьего ранга, вертолет не полетит, а на «торпедном» Вы бы пошли?». Я б чёрта оседлал, лишь бы попасть на «Москву», а в таких экстремальных условиях, да ещё на таком быстроходном катере. В это время на территорию порта кто-то прорывался с криком, офицер с матросами еле его сдерживали. Им оказался один из наших коллег из Ульяновска, также опоздавший на корабль. У него проверили документы, командировочное удостоверение, я подтвердил, что знаю его, и где он работает.

Начальник порта повел нас на причал, где уже швартовался торпедный катер. Мой ульяновский коллега, увидев катер и весьма сильную волну, высвечиваемую причальными фонарями и прожектором, заскулил, что не умеет плавать. Мне было не до него, и я начал привязывать мой бесценный груз сзади рубки командира катера. Нам же предстояло стоять по обе стороны от него на палубе и крепко держаться за железные поручни. ульяновец взвыл и попросил привязать его к поручням. Если уже тонуть, так вместе с катером. Нам выдали водонепроницаемые плащи. Мы вцепились в поручни, и катер рванул в ночь навстречу дождю и начинающемуся шторму, прошивая темноту иглой прожектора. Это удовольствие довольно трудно описать. Катер шёл, нанизывая на себя волны. Иногда рёв моторов заглушал крик перепуганного до смерти моего коллеги. Моё же внимание было сосредоточено на цилиндре, хотя привязан он был накрепко, да и утонуть никак не мог. Минут через сорок ходу этак в тридцать узлов показалась гряда корабельных огней. Нас ждали и, как только командир катера просигналил, по борту крейсера зажглись прожекторы.

Катер сбавил ход до минимума. Старлей, повернувшись ко мне, сказал, что к трапу подойти не сможет из-за большой волны и придётся запрыгивать на него во время прохода катера вдоль борта. Ко всему, надо было рассчитать и перепад высоты волн. Но прежде всего надо было передать на крейсер эту пенопластовую бандуру. Я сказал командиру, чтоб с «Москвы» спустили трос с какого-нибудь бортового крана. Кран задвигался. На участке моря, около трапа стало светло, как днём. Я увидел шнур, прикрепленный к тросу крана, он плавал на волнах. Надо было мне и командиру скоординировать движения. Он должен был пройти около шнура очень близко, мне же надо было умудриться поймать его и успеть привязать к верёвке, которой был перевязан кожух. Да так, чтобы он не свалился за борт. Мы приготовились: я отвязал цилиндр, нащупал верёвку, которой был перевязан кожух, и приготовил его к эвакуации.

— Пошли! Командир начал свой манёвр. Всё получилось очень хорошо. К тросу мы подошли на минимуме волны. Ухватив шнур, сунул его под верёвку и вмиг перевязал узел. Катер продолжал идти, мы медленно поднимались на гребень волны. Я махнул обеими руками. Кожух завис над катером и быстро пошёл вверх. Для команды крейсера это было развлечением. Крики «ура» подбодрили нас.

Настал черёд нашего неплавающего друга. Об этом было сообщено на крейсер. Трап максимально спустили, на нем стояло несколько матросов из швартовой команды, в случае чего готовых прыгнуть в море, если ульяновец не допрыгнет до трапа или промахнется мимо него. С первым заходом он закинул матросам свой чемоданчик. Его поймали. «У-у-у» — раздалось на палубе. Теперь надо было ловить хозяина, волна же становилась все выше. Дождь вроде перестал. Лицо «напарника» было цвета детской неожиданности. От страха глаза у него стали квадратными, он стянул с себя плащ и передал командиру. Катер медленно пошёл параллельно борту крейсера правым бортом, с третьей попытки мы чуть ли не пинком под зад заставили его прыгнуть. Всё удалось. Следующим заход был левым бортом. С первого захода перебросив свою сумку, попросил матросов уйти с трапа. Мне так было безопаснее прыгать, да и утонуть я не боялся. Плащ сдал командиру. Он мне улыбнулся, сказал «добро», и мы пошли на второй заход. Катер на волне сравнялся с трапом, почти замер, тут я и сиганул. Всё. Я на трапе. Волна пошла вниз, катер дал полный и ушел в ночь. На палубе были овации. Это единственный в жизни мой выход на бис.

Через несколько дней, когда погода устаканилась, где-то в середине Черного моря меня с флагмана Черноморского флота, на катере переправили на «Комсомолец Украины», где я пробыл до конца похода, выполняя свою работу.

Командир встретил меня с шутками — прибаутками. Где-то в середине сентября мы стали приближаться к Батуми. На рейд встали часов в девять утра. Я стоял на палубе с кем-то из офицеров и любовался Батумской бухтой, обрамленной буйной зеленью с вкраплениями многочисленных домов в самых невероятных местах. На палубу вышел и командир корабля.

— Эх, пропал человек! — вдруг сказал Пашков своему офицеру. — Смотри! И указал на «Москву».

— Что случилось? — не понял я.

— Командир порта не прибыл на доклад к адмиралу флота и на флагмане подняли флаг «Прибыть в штаб флота!».

— Это означает отставку, а может быть и больше, — не уточнил Пашков. Очень быстро эскадра снялась и пошла в сторону Поти. Прибытие на рейд Поти ознаменовалось стеной дождя. Отдали якорь. Команда высыпала наверх и началась великая палубная, матросская постирушка. Палуба, несмотря на проливной ливень, покрылась слоем пены. Матросы купались, стирали. На это было удивительно смотреть. Ко мне подошел боцман и произнес что-то вроде стихов: «Какой-то хрен среди болоти построил порт и город Поти», — хлопнул меня по плечу и сказал:

— Любийся, грузин, на горы Грузии печальной, напоминают мне оне далекий край и берег дальний. Он довольный хихикнул и растворился в корабле.

В это время по направлению к флагману шел на полном ходу военный катер с непонятными для меня флажками на мачте. Я зашел на мостик. Командир объяснил мне, что это начальник порта идет на доклад к адмиралу, чего не случилось в Батуми.

Ажиотаж на корабле стих. Обед и ужин старшина Дымов — «начальник» камбуза провел великолепно. Я о нем ещё вспомню вместе с Пашковым, но это потом, а сейчас я уже был в своей каюте и готовился ко сну.

... Меня разбудил громкий стук в дверь каюты. Этого никогда не случалось, я включил свет.

— Тарасович, Вас капитан на центральный пост вызывает! — сообщил вестовой матрос из-за двери. Взглянул на настенные часы — было половина третьего ночи.

— Что ему надо! — подумал я.

— Сейчас буду! — И стал одеваться. Наконец, полностью проснувшись, понял, что «БПК» на марше, мы полным ходом идем вперед. На центральном посту чувствовалось оживление.

— Тарасович, ты откуда родом, мне говорил? — Спросил меня нескладно командир

— Из Очамчире, — ответил я.

— А ну подойди и посмотри сюда.

Это была система «Викоц» с большим круглым экраном, на котором четко виднелся силуэт Очамчирской прибрежной полосы с бухтой военного порта, высвеченной на экране радара зеленым цветом. Картина циклично обновлялась, повторяя знакомые контуры.

— Вот тебе и Очамчире, в семь утра мы вот здесь станем на рейде, — сказал он, ткнув пальцем в экран. — И ты утром будешь любоваться родным городом с дистанции в три мили.

Естественно, после этого меня оттуда уже нельзя было вытолкнуть.

Наконец расцвело, я вышел на палубу, и в первый раз видел родные места со стороны моря. Это было чудесно. Этим мало кто мог похвастаться. Тем более с борта военного фрегата на расстоянии в три мили. Вскоре мы поравнялись с городом, заякорились. Весь флот встал на рейде, на виду удивленных жителей. В походе участвовали, если мне не изменяет память, тридцать два корабля, в том числе и все корабли первой линии Черноморского флота. На палубу вышел Пашков.

— Ну как? — спросил он.

— Слушай Пашка, — так я к нему обращался, когда рядом никого не было. — Спусти для меня катер. Мигом на берег и обратно. Всё привезу, — сказал я многообещающе. — Вот только в тот дом схожу — это дом моего дяди, видишь на набережной.

— Эх, кабы не Сысоев, я бы сам на этом катере с тобой пошел, но выход один — обрежь спасательный плот и плыви к дому! — пошутил он. — Пойдём, в перископ может рожи знакомые увидишь!

Я прильнул к перископу. Вся набережная была полна людьми, я некоторых узнавал. Правда, лиц четко видно не было, но узнать можно.

На рейде мы стояли часа два. Потом эскадра снялась и пошла (каботажем) вдоль берега. Так шли, уже не собираясь нигде останавливаться. Прошли Сухуми, Гудауту, около Пицунды резко дали лево на борт, и ушли в море — на Север.

Ночью разразился страшный шторм. Качало, как у черта на качелях. Я спал в своей каюте, как младенец. Проснулся часов в двенадцать встал, оделся. Корабль стоял, и была какая-то невероятная тишина и, что самое интересное, никакой качки. Шторм также быстро превратился в штиль, как и появился. Я пошел к выходу на палубу. На выходе стоял матрос и сказал, что приказано никого на палубу не пускать.

— Кто приказал?

— Адмирал флота.

— А что случилось и почему стоим?

— А Вы не знаете?

— Нет. Что ты мне всё загадками говоришь!

— Какими загадками. Выгляните в иллюминатор.

Выглянув, обомлел. Все, во что упирался мой взгляд, было покрыто перьями.

Приглянулся. На корабле везде в несколько слоёв сидели перепёлки и другие птицы. Их было десятки тысяч. И так, говорят, на всех кораблях. Экипаж не имел право выходить, а тем более, ловить птиц. Так продолжалось несколько часов, потом обсохшие и отдохнувшие птицы маленькими группками, по десять, двадцать птиц, «Фррр» и взлетали. Так, через некоторое время палуба оказалась пустой. Корабль ожил в плане русского мата. Вся поверхность корабля была облеплена птичьим пометом и матросы, по команде командира, начала наводить марафет. Мне было очень смешно, но, зная, до какого уровня надо было довести чистоту на корабле, стало жаль матросов. Чистили и на второй день, и на третий, и на четвёртый...

Помёт проник во все щели машин и механизмов, а латунные детали ещё и полировали. А эскадра тем временем шла на Феодосию.

В Феодосии мы должны были встать на несколько дней. Поход закончился, и каждый корабль приступал к выполнению уже наших задач по регулировке оборудования и систем управления кораблями. Я и несколько наших ребят сошли на берег. Те побежали в ближайшие питейные заведения и должны были вернуться на корабль.

Моим желанием было осмотреть феодосийский музей Айвазовского. Мне этого не хотелось делать впопыхах, понимая, что сюда больше могу и не попасть. Уговорить кого-то составить мне компанию не удалось. На время нашей стоянки решил пожить в гостинице и предупредил об этом командира корабля.

В принципе проблем не было, наши саратовские на борт должны были взойти в Севастополе, и, даже если корабль ушел бы, я через несколько часов был бы на базе.

Нашел гостиницу, снял номер, принял душ, привёл себя в порядок и первый раз очень внимательно разглядел себя в зеркале. К моей шевелюре прибавилась ещё и довольно симпатичная слегка курчавая борода.

«Надо в Севастополе сфотографироваться на память» — подумал про себя. Оделся во всё белое и пошёл осматривать галерею. Два дня ходил в музей, подолгу стоял около каждого полотна, на некоторые долго смотреть было страшно. Становясь на таком расстоянии от огромного полотна и не видя ничего кроме картины великого мариниста, возникало чувство, что все это застыло, и может, враз, ожить, накрыть тебя вместе со всеми обломками корабля. Казалось, лучи солнца, проходящие сквозь толщу воды, зашевелиятся, всё оживёт и придётся хлебнуть морскую воду. После музея ещё день бродил по Феодосии, наслаждаясь бабьим летом. Каждый день питался в гостиничном ресторане, по вечерам допоздна засиживался в нем. Душа требовала одиночества после набитого, как муравейник военного корабля. Надо было возвращаться.

На третий день пришел на причал, чтоб подняться на корабль. В порту наткнулся на начальника порта, который обрадовался мне, как родному. Мы долго проговорили, потом он предоставил мне катер и с почётом отправил на борт БПК. В ту же ночь мы вышли в море. На следующий день я был в гостинице «Приморская» города Севастополя. Пора было сходиться на почту. Встретил своих сотрудников с завода, которые ждали нашего прихода. В эти дни начиналась работа — день и ночь без определённого времени отдыха и сна. Единственным регламентированным было время завтрака, обеда и ужина, но старшина Дымов был моим другом, и это обстоятельство не привязывало меня к определённому режиму приёма пищи, как моих сотрудников. Своим предложил «выйти в город». Мы пошли в пивной бар, но сначала зашли в магазин «Океан» на территории центрального рынка, прямо перед гостиницей. К пиву купили омара. Закусив омаром, выпив несколько кружек пива, пошел фотографироваться. Теперь надо было проверить почту. В отделе до востребования меня ждало старое письмо из дому и хрустящая телеграмма, подписанная Брусникиным — «Мерабчик, позвони домой!». Естественно, после этого побегал на переговорный пункт, еле-еле дозвонившись под вечер, в трубке услышал взволнованный голос моего отца.

— Слушай, ты, где пропал? — старался перекричать посторонние звуки отец. — Мы все переволновались!

Сказал, что всё напишу в письме. Он же сообщил, что несколько раз звонил директору завода. Я представил, сколько труда он потратил, имея только домашний телефон заместителя директора по кадрам. Тот не мог ему сказать, что и как, и успокаивал его, что все в порядке. А через неделю отец опять их доставал: «Где мой сын, и что с ним?».

Ну и смеху было, когда я пришел к моему руководству с извинениями. Через пол года, во время моего отпуска, смеялся и отец, после подробного рассказа, где я был в то время, когда он «бомбил» руководство завода телефонными звонками. Объяснил, что моё местопребывание было под большим секретом, и никто ему этого сказать не мог. Тем более по телефону, да ещё директор секретного почтового ящика, именуемого в быту завод «Электроаппарат».

Гуси лапчатые

Наша работа на кораблях была не цикличной, как это бывает на заводе или в другом месте. Это происходило не от того, что она не планировалась и велась спонтанно. Нет. Срок завершения работ, т.е. сдачи системы, никогда не менялся, ибо от этого зависела наша зарплата, а также премиальные и тринадцатая зарплата.

Выполненная в срок работа означала благополучие всех сотрудников завода.

Поэтому наши бригады (северные и южные) считались элитой завода. Мы до — водили труд нашего и ещё нескольких смежников до ВП (Военной приёмки), успешное завершение которой означало стабильность для всех. Морфлот получал новейшие системы, мы же — хорошие зарплаты, а директора заводов — похвалу и награды соответствующих министерств. Так всё и шло и, иной раз, от хорошей работы снабженцев(а они почти всегда работали из рук вон плохо) у нас появлялось определенное количество свободного времени. Полученные вовремя инструменты и материалы давали возможность раньше срока закончить определенный этап плана. Правда, обычно этого не было, и нам приходилось наверстывать упущенное время. Мы работали, как проклятые, день и ночь, не отдыхая по несколько суток, порой засыпая у включенных экранов осциллографов в совершенно непригодных для сна условиях. Просыпались, и работа продолжалась. Это называлось авралом. Во время аврала не имело значения, кто какую занимал должность. Повторяю, от этого зависело выполнение плана завода со всеми вытекающими последствиями.

В одном из таких цейтнотов находилась наша бригада, вернее, только машинисты. Так называли регулировщиков, которые занимались вычислительной машиной.

Пост, в котором стояла ЭВМ, был почти в центре крейсера — ниже ватерлинии.

Это был мозг корабля, и все его управление было завязано на ней — электронно — вычислительной машине. В бригаде было три машиниста: Соколов, Колюнов и Мордаков. Я перечислил их по возрасту. Колюнов, же был районным инженером, то есть нашим боссом. Меня, как окончившего факультет вычислительной техники, направили к машинистам и записали

в трудовую книжку должность: регулировщик четвёртого разряда. «Самым умным и знающим своё дело», естественно, был я. За что Николай (Коля) Соколов прозвал меня в шутку—гусь лапчатый.

Коля был корифеем. За спиной у него было двадцать пять лет опыта. Ваня Колюнов, более молодой, также отличный специалист, но он был руководителем проекта. Виктор Мордаков же, лет на пять старше меня и, естественно, на такое же время опытнее. Я топтался около них и был, как говорится, на подхвате. Единственное, что меня ещё спасало, это не плохое знание электроники радиотехники. С пятого класса я занимался радиолюбительством. За плечами довольно большой опыт сборки электро и радиосхем, начиная от ламповых. Пройдя этапы пальчиковых ламп, а также транзисторов и диодов, я пересобирав почти все типы устройств — от передатчиков до приемников и магнитофонов. Но, к сожалению, мои знания здесь помогали лишь на уровне подключения щупа осциллографа к определенной точке монтажа, на которую указывал Коля. Дело в том, что все регулировщики работали по памяти. Схемы были сверхсекретными, и в процессе работы их не было на рабочем месте, так как они хранились в секретном отделе корабля.

Мои коллеги же не очень охотно рассказывали или показывали что либо. В этом деле была жесточайшая конкуренция. Чем больше ты знал, тем значимее был, незаменимее. По этой же причине других специалистов было довольно много, а вот машинистов — всего четверо. Конечно, «самый, самый» был я. Бывали случаи, когда мне не доверяли даже щуп и, промеряя какую-то точку, своим торсом прикрывали то место, куда им касались. С этим ничего нельзя было поделать. Таковы были правила игры, и приходилось мириться. Машинисты с других предприятий вообще даже близко меня не подпускали. Выход был один смотреть, запоминать, и все это делать не назойливо, а то могли и «послать подальше».

С ребятами у меня были великолепные отношения вплоть до того, что Ваня Колюнов доверил, вернее, попросил положить у меня в номере два молочных бидона со спиртом (сорока — и двадцатилитровый) — всего шестьдесят литров. «От греха подальше», прокомментировал он свою просьбу.

Так и стояли в моем платяном шкафу две алюминиевые посудыны.

— Эх, Тарасович, какой ты счастливчик! — мечтательно прозносил лопухий Дима, любитель этого напитка. — Прямо около кровати, и сколько...

Спирт я выдавал только по записке, подписанной Ваней. Одна из них гласила: «Тарасович, прошу выдать три литра спирта. Завтра у меня день рождения».

Все это уточнялось. Записки сохранялись, ибо спирт было списывать труднее всего. Можно было списать дорогой осциллограф, мотивируя тем, что он при перегрузке на корабль упал в море и утонул, но со спиртом такие штучки не проходили. Его списывали по граммам, очень тщательно, и все это скрупулёзно отслеживалось бухгалтерией.

«Спирт — это спирт» — говорили о нем с уважением. Он был валютой посерьезнее доллара, не говоря уже о рубле.

Итак, несмотря на столь большое доверие и короткие отношения со старшими товарищами, поблажек в работе они не допускали. Я купил сорока восьми листовую тетрадь и, разрезав её пополам, сделал два блокнота. С блокнотами в то время тоже была натуга: проблема всеобщего дефицита. Один был у меня всегда под рукой — туда заносилось вся текущая информация, во второй же я зарисовывал схемы узлов с контрольно-измерительными точками.

Для того, чтоб увидеть схемы, надо было идти в спецчасть, где при входе заставляли расписываться в нескольких журналах. Потом обыскивали, чуть ли не раздевая. Никаких бумаг, карандашей, ручек. Не дай Бог увидят тебя, пишущего или перерисовывающего. Можешь загреметь, куда, наверное, понятно. Но от этих знаний зависела моя работа и глупее их я быть не хотел. Наоборот, чувствовал, что мне нужно было как можно быстрее осваивать схемы. Чтобы завоевать авторитет особенно мне, мягко говоря «не местному», нужно было знать больше них. Недолго думая, я отработал простую технику. Опыт работы со схемами у меня был немалый, тем более, что у меня была фотографическая память. Я брал схему, находил на ней контрольную точку, долго смотрел на этот участок. Так из спецчасти я мог вынести в памяти два разных узла. Выйдя из помещения, спокойно зарисовывал схемы в блокнот. Так довольно быстро набирал знания, чем очень часто удивлял Колю, который оценил мое рвение и вскоре стал мне помогать.

Итак, я отвлекся. А тем временем у нас проблема. Вся бригада в напряжении — барахла ЭВМ. Наши спецы уже недели две не могли найти помеху, появляющуюся в тридцать втором разряде. В радиотехнике есть понятие случайных помех. Неисправность схемы появляется случайно и довольно редко. Такую неполадку очень трудно обнаружить.

Ребята уже почти пришли к выводу, что нельзя терять время и надо менять один из блоков, а, конкретно, блок памяти. Иначе можно было сорвать приемосдаточные сроки, а это было чревато срывом годового плана. Коля с Виктором возились со схемой, я им помогал, а Ваня готовил докладную на имя директора завода.

Обстановка была нервной ещё, и потому что для замены блока величиной с современный двухкамерный холодильник, надо было в корабле вырезать несколько вертикальных дыр в палубах. Через них этот блок вытащить краном, потом также поставить на место, подпоять, подсоединить все провода и разъёмы, заварить дыры в палубах корабля, которые в некоторых местах требовали снятия и другого оборудования.

Это была, как говорят, у нас в Грузии, «большая хатабала» да ещё с нервотрепкой, поджимающими сроками и тратой огромного количества средств (денег). Мои начальники другого выхода не находили.

Наконец Коля выругался, встал, пнул ботинком блок индикации, примяв мундштук «Беломорканала» закурил. Сделав глубокую затяжку, ушёл в другой угол поста.

— Баста, — сказал он, выдохнув дым.

Виктор тоже привстал. Не преминул закурить и я. Наконец, текст докладной был написан, под ним должны были подписаться Иван и Николай. У меня же появился шанс попытаться счастье. Тем более, до решения вопроса замены блока могло пройти до трех месяцев. Вот я и встрял.

— Коль, извини, а можно мне этот блок «покурочить?» — спросил я, боясь его взбесить. Николай промолчал.

— Мераб, да хоть молотом его... — со злостью отозвался Колунов.

Через некоторое время все трое вышли. В помещении остался я с матросом, прикрепленным к этому посту. Не зная, с чего начать я прошелся вдоль машины. Стал открывать и закрывать створки, постукивая по этим довольно жестким конструкциям. В таком бестолковом режиме прошло довольно много времени.

Матрос сидел и наблюдал за моими действиями. Я точно знал, что он обо мне думал, но вслух (за это он мог крепко «заработать») не говорил. Уже была ночь. Корабль стоял на флагманском месте Севастопольской бухты. В гостиницу я уже не попадал, ночевать приходилось на корабле, и я ушел спать на отведенное мне место, так и не дождавшись появления т.е. загорания треклятого 32 разряда на панели индикации.

Проспал ночь в общем кубрике не очень уютно. Матросский матрас, набитый довольно крупно нарезанной пробкой, впивался во все точки тела. Этот матрас одновременно являлся и индивидуальным спасательным средством на случай затопления корабля. Ко сну на нём надо было привыкать не одну неделю. Подъём был вместе с командой и, позавтракав с ней, потопал на пост. Там застал матроса, который наводил там марафет. Осциллограф был отключен, он его закатил в дальний угол, чтоб не мешал уборке. Мне он в тот момент тоже был совершенно бесполезен. Ребята из него выжали все возможное. Искать помеху надо было нетрадиционно, и я продолжил свои вчерашние, на первый взгляд, бессмысленные действия. Но на этот призвал и свой нос. В прямом смысле слова внюхивался в содержимое блока. Радиодетали, перегорая, издают отличные друг от друга запахи, которые я и пытался уловить. Матрос смотрел на меня, как на идиота, и его надо было чем-то занять, пока он каким-нибудь действием не вывел меня из равновесия. Дело нашлось. Усадив его перед панелью, велел смотреть на лампочку-индикатор и извещать меня при каждом его возгорании. Я включил систему, и он приступил к своей «вахте». Так я проходил по помещению до обеда, обстукивая, обнюхивая все блоки, так ничего и не обнаружив. Лампочка ни разу не загорелась.

Почти целая пачка сигарет «ТУ-134» была выкурена. В этом деле активнейшее участие принимал матрос, экономя свою, по моему, вонючую «Звезду» без фильтра.

После обеда все продолжилось, но я уже занялся только «большим», раскрыв дверцу блока. Внутри была многостворчатая панель, выдвигающаяся наподобие гармошки, набитая платами с феррит-диодными ячейками-элементами памяти, по сегодняшнему — битами. Я эти панели раздвигал, сдвигал, стучал по ним резиновым молотком, ногами. Ничего не происходило. Надо было передохнуть, и я вышел на верхнюю палубу. Оказалось, уже была ночь, Севастополь, каскадами огней, террасами взбирался к звездам. На тихой глади бухты черточки бликов уходили в сторону бульварных лампионов. Со стороны Графской пристани слышна была ресторанный музыка. Недалеко на рейде виднелась громада родного брата «Москвы», вертолётносца «Ленинград». Вдоль причала стояли «БПК», эсминцы и другие корабли флота. В глубине бухты стоял длиннющий крейсер ещё послевоенной постройки. Бухту вдоль и поперёк пересекали катера, перевозившие людей с Северной бухты в центр и наоборот. Было очень красиво. Неожиданно на палубу вышел Коля.

— Ты не уехал в гостиницу? — спросил он. Я ответил — «Нет», о том же спросили и его.

— Нет? — только Виктор сошел на берег, а мы с Ваней пока здесь заняты. Наверное, уже завтра сойдём в город, а потом — в Саратов. Телеграмму на завод с докладом уже отправили, — сказал он, продувая мундштук папиросы. Потом, как обычно, примяв её, прикурил. Так мы довольно долго простояли, молча покуривая.

— Ты где спишь? — поинтересовался он.

— С матросами, но сегодня, думаю, останусь на посту, уж больно неудобно в кубрике, да и воздух спертый.

— Ладно, пошли, — сказал Николай, и мы нырнули в чрево корабля.

Матрос, сидя в кресле, подремывал. Мое появление разбудило его, и первым делом он попросил сигарету. Вообще на корабле курили в специально отведенном помещении или на палубе, но нас это не касалось, тем более, что работала мощная система кондиционирования и вентиляции. Я занялся тем же, а матрос опять стал посматривать на лампочку.

Вдруг в чреве корабля раздался какой-то гул, и корпус задрожал мелкой дрожью.

— Есть! — вскрикнул матрос. От неожиданности я вздрогнул и посмотрел на пульт.

Лампочка горела дрожа и потухла.

— Что это за гул? — спросил я.

— Это, по-моему, один из генераторов включили, — сказал матрос почти столько же, как и я, знающий о корабле.

Я понял, что ухватил невидимую нить. Вибрация корпуса проявила помеху. Это надо было развить. Моего напарника это тоже задело и он, как и я, не собирался уходить. Мы продолжили эксперимент. Матрос уже более пристально смотрел на лампочку.

Понимая, что надо, во что бы то ни стало спровоцировать помеху, я изо всех сил стал уже ногами колотить по створкам. Прошло много времени, прежде чем получили результат. Генератор уже не работал, часов в помещении не было, я не любил их носить. Я уже был вымотан торможением и постукиванием этих чёртовых створок. Матрос уже начинающий поклёвывать носом, неожиданно воскликнул:

— Есть!

— Наконец то!

— Опять загорелась!

«Все! — мелькнуло у меня. Я ещё раз стукнул молоточком в ту же точку. — Есть. Стук... Есть... Поймал, таки!».

Одна гетинаксовая плата с диодами была чуточку деформирована и вывод одного из диодов, впаянного в неё, был длинноватым и, очевидно, давал контакт на ребро жесткости створки. Проверить было просто: нужна была иголка.

— У тебя нет иголки? — спросил я на всякий случай матроса.

— Конечно, есть. У кого же на флоте нет иголки, сняв со стены, свою безкозырку, извлёк из неё иголку с ниткой.

Я накрутил на иголку монтажный провод, закрепленный на винте заземления стойки. После этого ткнул иголкой в диод. Лампочка загорелась. Что и требовалось доказать.

Это была искомая помеха. Исправить неисправность оказалось проще простого. Нужно было лишь откусить слишком длинный кончик впаянной ножки диода. Матрос, наконец, выдохнул:

— Тарасович! А я то, думал, ты, дурак...

— Зови начальников, пока не получил по загривку, — командовал я, довольный результатом своего поиска и его «комплиментом». Он пулей вылетел с поста.

Начальники имели свою каюту и через минут пять полуголые или полуодетые они, задыхаясь, ввалились в помещение поста.

Я встретил их в кресле-вертушке, нога на ногу, с шутиво-глупейшим видом и сигаретой в руках. Наконец, можно было на них отыгаться:

— Ну, гуси лапчатые, чего пыхтите.

— Что случилось Тарасович? Нашел? — выпалил Ваня.

— А как же! Знай наших!

— Показывай!

На сей раз стучать велел нашему постовому, сам же продолжал сидеть на вертушке, наблюдая, как при каждом ударе выскакивал тридцать второй разряд.

— От черт! Ай да гусь! — буркнул Коля.

Когда я объяснил, что и как, Ваня усомнился:

— Слушай, на всем корпусе молоточковый лак толстым слоем. Не могла тонкая медная ножка диода его пробить.

Переключив проводок с винтика заземления на ножку диода, и отдав ему иглу, предложил проверить. Он коснулся иголкой, предполагаемого места касания диода, убедился в моей правоте.

Мне было предоставлено почетное право — отрезать лишний кончик диода.

После этого сообщили, что уже четвертый час ночи.

На второй день об этом знала вся наша бригада. Работа вошла в обычный ритм. Через два дня Ваня поздравил меня с повышением зарплаты. Директор завода приравнял её к зарплате ассов. Я получал на уровне остальных машинистов и первые в моей жизни отпускные составили что-то около семисот пятидесяти рублей. По тем временам хорошие деньги.

Так я нашел свое место в коллективе, продолжая очень быстро набирать знания и опыт.

Феодосийская бухта

Феодосийская бухта занимала особое место в наших работах на кораблях ВМФ. Это было мертвой зоной для испытания радиосистем связи, особенно в ультракоротких диапазонах. Суть была в том, что излучаемый с крейсера радиосигнал не попадал за границу в полном смысле этого слова. Он отражался от окрестных гор и был не доступен для перехвата иностранных разведок. Другое дело, когда системы были уже в эксплуатации.

Когда проходили определенные испытания, БПК, на котором я был ответственным, становился на рейд в определённой точке. Все занимались своим делом. Мне же в это время было нечего делать. Взяв самодельный спиннинг, ведро, я, позвал матроса, который был прикреплен ко мне (не хочу сказать «денщик»), отправился на корму «Комсомольца Украины», ловить ставридку. Рыба брала на глубине, и ловить её было сущим пустяком.

Мой спиннинг был сделан из дощечек деревянной тары качественной древесины бука. Тара эта была из под импортных цитрусовых. Я нарезал полоски разной ширины, привязал их концами друг к другу. Получилось неплохое удище, начинавшееся с самой широкой дощечки-ручки, на которой была закреплена катушка с леской, а дальше, кверху ширина полосок уменьшалась и конец венчала полоска одинаковой толщины и ширины. Спиннинг был метра два, что позволяло нацепить на эту длину лески двенадцать белых крючков с длинным цивьём. На конце лески был свинцовый груз. Я пускал леску с грузом и, когда она останавливалась где-то, это означало, что зацепившаяся ставрида, селёдка или другая рыба не позволяет ей тонуть дальше. Леску начинал подматывать катушкой. На борт поднималась снасть, почти наполненная рыбой. Часто рыб было по двенадцать штук, но не меньше половины. Иной раз что-то било по леске. Я чувствовал тяжесть и, увы, через мгновение слабость означала, что мой самодур кто-то оборвал. Починка сводилась к смене поводка, у меня их было заготовлено про запас. Ведущая роль в процессе лова принадлежала матросу. Он снимал со снасти пойманную рыбу и кидал её в ведро.

Итак, у меня уже больше половины ведра. Есть несколько селёдок. Леска в следующий раз ушла на дно, потом остановилась. Я начал её подматывать, но что-то было не в порядке.

Было ощущение тяжести, но такой, будто я тащу старый, рваный башмак. Не было характерного дёргания, которое обычно чувствуется от любой рыбы. Вместе с тем я чувствовал, что если начну подматывать быстрее, то это «что-то» оборвет снасть. Оставалось единственное — крутить катушку очень медленно и осторожно выводить её с глубины. Мой напарник, перегнувшись через леер, вглядывался в глубину моря, стараясь что-нибудь разглядеть. Видимость была великолепная, так как на море был полнейший штиль.

— Камбала! — вскричал он.

Это меня расстроило. Ибо, вглядевшись в глубину, я тоже увидел здоровенную камбалу. Крючок зацепил её за плавник. Это не давало ей возможности маневра, но вместе с тем было чудом, что я её в таком виде тащил почти с глубины сорока метров. Я знал, что вытащить камбалу невозможно, даже если бы она заглотнула крючок. Основная леска была довольно толстой, но двухметровый поводок — 0.25 мм. На более толстую леску ставрида, да и селедка, не клевали.

Камбала на глубине четырех-пяти метров ходила кругами, зацепленная правым плавником. Мы начали кричать и звать на помощь. Подбежали несколько матросов. Кто-то вспомнил, что на корабле есть большой сачок на длинной ручке. Все бросились его искать. Камбала тем временем безо всяких рывков продолжала ходить кругами, а я держал леску рукой, молясь, чтоб сачок подоспел до того, пока рыба «разозлится». Время тянулось очень медленно. Появились мои сотрудники с советами, которые, увы, не могли помочь. К тому времени, очевидно, ей надоело «любоваться» нами. Камбала вяло трепыхнулась, крючок разорвал слабую пленку плавника, и она медленно ушла на глубину.

На палубу выскочила группа матросов, волоча огромный сачок на длиннющей ручке. Я отослал «своего» матроса на пост, чтоб он принес камбальную снасть. Эта была миллиметровая леска, намотанная на пробковое мотовило, с большим грузилом и двумя огромными крючками на поводках из той же миллиметровой лески.

Самодур я отдал одному из сотрудников Сашке Карданову, сам же разрезал ставридку, наживив одну половину на один крючок, другую — на другой, спустил леску с мотовила в глубину. Снасть быстро легла на дно и тут же натянулась. Я думал, что это груз тянет её ещё, чуть стравил леску, но она пошла как-то в сторону. Поняв, что клюнуло, и, резко подсекнув, начал выбирать её с глубины. На другом конце висело что-то крупное,

и это был не катран. Наконец из глубины появилась огромная камбала. Матрос и Сашка в возбуждении бегали вокруг меня, стараясь как-то помочь. Снасть была настолько мощной, что мне без труда удалось вывалить рыбину на палубу, и тут же услышал:

– Мераб, твою мать! Без меня камбалу ловишь!

Это был замполит БПК. Капитан третьего ранга, невысокий, кругленький и добродушный мужичок. Он был помешан на рыбалке. Уже через минуту, оставив боевой пост, со снастью в руках он катился в мою сторону. За ним бежало ещё несколько человек. Различия не было. Офицеры и матросы, расталкивая друг друга, занимали места на корме корабля. О наживке никто не спрашивал – почти целое ведро ставридки, пойманной мной до этого, начало опорожняться.

На шум вышел командир корабля. Отдал приказ камбузу и его начальнику-старшине Дымову принести на палубу лагуны (большие камбузные кастрюли) – как тару для рыбы. Клев был бешеный. Да это и не было клевом, просто снасть опускалась на дно и тут же надо было тянуть вверх. Камбала была стандартная-килограммов на двадцать пять. Дымов не успевал собирать улов. О выполнении нашей работы не могло быть и речи. Надо было успевать. Время стоянки на этом рейде было ограничено и через минут сорок из «матюкальников» корабля послышалась команда: «С якоря сниматься!». С сожалением мы сматывали рыболовные снасти. Я вытащил девять рыбин. Сашка же поймал одну на мой спиннинг, с помощью сачка.

Всего за время стоянки было поймано сорок девять штук. С того же вечера на корабле начался рыбный день. Кстати, в то время среди корабельных команд была и такая: «Команде рыбу ловить!». Таким образом, флот обеспечивал себя рыбой. Особенно при выходе в Средиземное море или океан.

Я попросил командира отметить это место, что он и сделал. Но, встав на эту точку через полторы недели, мы не поймали ничего. Я же вытащил одну огромную морскую лису, которую тут же выпустил.

Прошла пара недель. Я на всю жизнь наелся блюдами из камбалы. Жареная, вареная, копченая в супе, в борще и т.д. и прочее, кончая котлетами. Камбала, наконец, иссякла. Уже перешли на обыкновенную повседневную корабельную еду.

К нам прибыли новые сотрудники со смежных предприятий, и жизнь продолжалась в обычном русле. Обедали мы – гражданские в старшинской столовой, где начальником был Дымов.

Два длинных стола с лавками по бокам. Я чуть припозднился на обед и, войдя, увидел всех гражданских за столом.

— Тарасович, проходи сюда! — крикнули ребята. — Сегодня чудесная камбала.

Я глянул на Дымова, у него как-то странно заиграли брови. Лицо выплясывало какие-то гримасы. Почувствовав что-то неладное, сказав, что слишком тесно и зайду попозже, я удалился. Через полчаса вновь был на камбузе. Увидев меня, старшина покотился со смеху. На вопрос, что случилось, он сквозь смех рассказал, что матросы вечером выловили огромную лису, и он ею накормил этих «сухопутных салаг».

— А если бы я пришел вовремя, ты меня тоже угостил бы? — спросил я.

— Что ты, Тарасович, я же одессит, а ты тоже черноморский. Во-первых, ты должен был догадаться, что это не камбала, а не догадался — так тому и быть-хотел он. Он был прав: отличить камбалу от лисы весьма просто, у камбалы на теле пуговицы, а у лисы — с нижней стороны пуговицы, и в центре этих пуговиц такие, сантиметра по полтора, загнутые назад крючки.

Кок подал мне борщ и макароны по флотски. Дымов подсел ко мне. Мы долго просидели, травя друг другу байки.

ГРАФСКАЯ . . .

Наше рабочее утро в Севастополе начиналось в семь часов. «Родная» гостиница находилась напротив центрального рынка и называлась «Готель Приморская». Это была типовая гостиница, подобные которой были разбросаны по большим и малым городам Советского Союза. Назывались они колхозными и предназначены были для сельского люда, привозящего плоды своего труда на продажу, но в основном были забиты разночинцами, вроде нас. Сотни всевозможных организаций, предприятий и, подобных нашему заводу, ежедневно выдавали «на гора» сотни тысяч командировок, рассылая своих сотрудников в «штатные и заштатные» города страны. Ходила эта армада по всей стране, тыкаясь во все гостиницы, и читала вывески — «МЕСТ НЕТ». Просветившись, уже за полночь, люди уходили на вокзалы, дабы немного вздремнуть. Везло немногим, смышлёным, находящим способ втиснуться в желанный гостиничный номер, но для этого нужно было произвести несколько подходов к окошечку администратора. В престижные гостиницы не было смысла обращаться без предъявления паспорта, с вложенными в него «госсзнаками». Случалось взять высоту и обаянием, красивым жестом, оригинальным презентом. Короче, все способы попасть на койку гостиницы были хороши. Я предпочитал последние приведённые методы. Мне всегда было неловко предлагать деньги, не из жадности, а, потому что мне казалось, что я мог этим оскорбить человека. Кстати, мне пару раз пришлось долго извиняться, предположив, что в данной ситуации могут помочь пара червонцев, вложенных в паспорт. Один раз я ночевал в кабинете директора, второй — в частном секторе. Хотя меня и обругали за деньги, но прочь не погнали. Среди командировочных были и привилегированные, везде забронированные. Они доставляли неудобства подобным нам, в виде незапланированных выселений. Поэтому мы старались селиться за редким исключением (когда приезжали на парутройку дней) в неприметных, скромных гостиницах, а после некоторого времени проживания они становились уютными с почти родственными отношениями персонала к нам. Не обходилось ни одного праздника или дня рождения сотрудника, что бы я не был приглашён за стол. Это касалось почти всех постоянно проживающих постояльцев. Утром проходили мимо

регистрации, как мимо родни. Кроме приветствий получали текущую информацию, предупреждение об очередной оплате номера или, что сорочки накрахмалены и выглажены.

Так начинался и этот летний, звонкий, обещающий быть жарким севастопольский день. Перед центральным рынком суетился торговый люд. Поодаль виднелась забегаловка-лобиевая, где работали мои земляки из Бабушеры, где часто собирались жившие или работающие здесь грузины. Хотя в то время шеф-повары многих городских ресторанов были грузины, но и они не пропускали эти посиделки с домашним красным вином, мегрельским, заправленным самшуре (пряная зелень), острым лобием, соленьями, белоснежной мамалыгой, напичканной крупными кусками копчёного сулугуни и, конечно же, копчёной говядиной на вертеле. Правда, они были не частыми, но заканчивались далеко за полночь хорошей попойкой с последующим за ней утренним, прегорячим, густо — начесоченным хаши, запитым парой стопок водки. Дорога к нужной нам пристани, шла сначала к набережной, затем по ней мимо гостиницы «Севастополь», далее был выбор либо по улице, но нам больше нравилось пройти к памятнику Нахимова со стороны моря и тут-же, свернув налево, выскочить на Графскую. Маршрут для нас был довольно притоптанный, но каждый раз вроде неизвестный.

Мне до сих пор Севастополь вспоминается как великолепная, уменьшённая копия Петербурга. В те времена в город можно было попасть не любому желающему. Я помню чистенький, тихий, несуетливый уютный Севастополь. На фоне голодного, с пустыми прилавками, только что пережившего эпидемию холеры, тоже полузакрытого Саратова — это был рай. Я побывал во многих городах, но кроме как дома, я мог бы жить только в двух из них — в Севастополе и Петербурге. Остальные города России нагоняли на меня тоску и какую-то безысходность своей схожестью архитектуры, старинных перекошенных изб центральных районов. На фоне этого добрый, приветливый люд, вечно бегающий по городам в поисках всего, ибо в семидесятые годы в дефиците было абсолютно всё. Главная база Черноморского флота СССР была исключением. Здесь чувствовался достаток. Чего стоил фирменный магазин «Океан», где продавалась всякая океанская живность: кальмары, лангусты, омары с клешнями величиной с здоровенную мужскую ладонь. Всего не перечить. Омар, мы часто покупали к пиву на троих, по сегодняшним меркам за смехотворную сумму — три рубля за штуку.

Здесь был боновый магазин «Черноморец». Боны — это чеки, которые выдавались побывавшим за границей морякам флота, а также работающим за границей. Они в то время были мечтой всех модников и модниц. Стоил один бон с первых рук десять, а у фарцовщиков (перекупщиков) до пятнадцати рублей. Покупать их было рискованно, но зато в «Черноморце» можно было прибарахлиться с ног до головы, прикупить шикарную зажигалку, блок настоящих американских сигарет и, конечно же, бутылку «ноль семьдесят пять» водки «Moskovskaya» в экспортном исполнении. Я брал боны с первых рук у офицеров после их походов в Средиземное море или Лас-Пальмас, побывать в котором было мечтой для каждого моряка. Большая зарплата позволяла мне побаловать себя. Кроме этого я был любимчиком сотрудников магазина и ни один их поход в ресторан не проходил без меня. Обычно такие вечера заканчивались вместе с ресторанными музыкантами, которые шли с нами, на чью-либо квартиру, на следующее утро, а иногда и на второе. Был случай, когда под утро пришлось пополнить запас нехвата закончившейся водки и, конечно же, доставали ее со склада магазина.

После такой гулянки чудесна и целебна прогулка по бульвару, слушая шорох, а то и гул волн разбивающихся о каменную стену набережной. При большой волне по всему городу разносится запах перемолотой прибоем подводной растительности, напоминающий запах свежеприбранной сельской аптеки, продающей йод в розлив.

Так что наш утренний маршрут был одним из моих любимых, и проходили мы его весело и быстро. Меня ещё радовало и то, что я успевал до прихода нашего катера пообщаться с местными рыбаками. Наконец, пройдя мимо буйно цветущих неизвестных мне кустов, мы вышли на площадь. Напротив нас, на высоком пьедестале, окружённом защитниками Севастополя, стоял адмирал Нахимов, высвеченный рваными лучами утреннего солнца. Мы, пройдя с десятков шагов, свернули на Графскую пристань. Графская была «заставлена» пришвартованными кормой БПК. Катера с вертолётноносца «Москва» у причала не было, и я рванул к сидевшим в левом конце рыбакам. Здесь ловилась прикормленная отходами с кораблей довольно крупная кефаль. Брала её с глубины на бамбуковые удилица, оснащённые тонкой леской с маленьким чувствительным поплавком. Наживкой здесь был морской червь. Иной раз, выключив удочку, я успевал выдернуть до отхода на крейсер парочку рыб.

Сегодня она брала очень вяло. Я поочерёдно поглядывал на лениво покачивающиеся кусочки пенопласта, стараясь не пропустить их мелкую дрожь. В это время на кораблях началось проворачивание. Зашевелились боевые установки. Наш катер почему-то опаздывал, рыба не клевала, и меня увлек процесс утренних учений. Особенно матрос, севший за пульт бортового торпедного аппарата пришвартованного передо мной большого противолодочного корабля. Он, как мне показалось, неуверенно разворачивал аппарат, пока тот не встал перпендикулярно борту. Потом он стал манипулировать какими-то рычагами. Я уже был весь во внимании, когда раздался хлопок. Будто откупорили здоровенную бутылку шампанского. Я от неожиданности вздрогнул, а, увидев торчащую в борту соседнего корабля торпеду, понял ужас происшедшего. Сейчас жажнет, мелькнуло в башке.

— Небздо, это болванка, — буркнул один из рыбаков, как бы уловив мои мысли. Меня же прошибло холодом, но смешки и шуточки подтянувшихся зевак успокоили меня. А, взглядевшись в растерянного матроса, самому стало смешно. К торпедному аппарату, как сумасшедший, бежал капитан-лейтенант с площадным матом в адрес матроса, от чего у того выражение лица было таким идиотским, что «хоть смейся, хоть плачь».

Офицер, очевидно, командир БЧ, уже стоял около несчастного матроса. Как только он выдохся от мата, продолжая кричать, спрашивал, что тот проделал с аппаратом. Голоса бедолаги не было слышно, но по жестам было понятно, что он повторяет процедуру проворачивания, не касаясь рычагов и кнопок.

— Не так, — рывкнул каплей, — слазь твою мать.

К месту происшествия уже подбежали несколько старших офицеров. К тому времени каплей успев стащить матроса и, взгрозившись на торпедный аппарат, криком и бранью объяснял: — Твою, мать! Надо вот так, вот так. При этом дёргая очередной рычаг или проделывая следующую манипуляцию: — И вот так «ПАББ», и вторая торпеда воткнулась рядом с первой. Несколько человек от хохота присели рядом со мной. Стоял такой гогот, что, казалось, смеётся весь флот. Не смеялись только двое: командир, уходящий внутрь корабля, обхватив то ли пилотку с «крабом», то ли голову обеими руками, а также капитан-лейтенант, который сидел за пультом торпедного аппарата, сняв с матроса, и натянув на себя маску идиота.

Среди этого буйного веселья, наверное, уже долго звучал сигнал катера с вертолётносца, приглашая нас на посадку. Вскоре, наполненный гражданскими и военными он, покачиваясь на волнах, обходя корабли, вырубивал к стоянке флагмана Черноморского флота. Вернувшись на пристань к обеду, я прошёлся вдоль причала. На одном из кораблей, с боку проглядывались две еле заметные круглые латки и краска, серая, но новенькая, еще не успевшая выгореть под палящим летним солнцем.

В. П.

Итак — после похода или, как официально именовалась операция — «Учения Черноморского Флот», все силы смежников были брошены на доводку проекта «Море», и подготовки кораблей оснащённых этой системой к военной приёмке. Это означало сдачу кораблей в эксплуатацию с боеспособной системой. Началась моя беготня с корабля на корабль. Нас «машинистов» было четверо, и все проблемы вычислительных машин решали мы. Меня перекидывали то на «БПК», «Сообразительный», то на «ПКР» — противолодочный крейсер вертолётоносец «Москва». Основной моей вотчиной был «БПК» «Комсомолец Украины». Он вроде того — находится под моим началом. Я вроде «министра без портфеля».

В это время на «Москве» идут какие-то непонятные работы. Начата реконструкция взлётной палубы. Со временем становится понятным, что производится настилка новой палубы поверх старой. Над старой выше сантиметров на двадцать — тридцать настилается новая взлётная палуба из титановых листов.

Уже сентябрь. Я «устаканиваюсь» на «Комсомольце Украины».

В октябре, по слухам, выясняется, на «Москву» готовится посадка самолёта с вертикальным взлётом-посадкой. Нам ограничивают посещение корабля. Наша работа набирает обороты. К концу года вся пятёрка крейсеров, оснащённых нашей системой «Море», должна быть сдана флоту в эксплуатацию.

Корабли должны провести действия, приближённые к боевым, под руководством электронно-вычислительных машин, в автономном режиме, без участия экипажа. Команда, вся, выведена из строя и управления.

Вскоре эскадра выходит в море. Капитан сказал, что пройдут короткие учения и, по секрету, посадка самолёта на Москву. Наш «БПК» поставили недалеко от флагмана. Выход на палубу ограничили. Говорят, что на «Москве» находится сам Брежнев, а также весь высший состав флота СССР. Наши офицеры шутят, что нас как пуганных поставили ближе всех. Оказывается, у КУ есть опыт тушения пожара. Он несколько лет назад горел.

С утра большая суматоха. Я «прилип» к командиру. У него и его офицеров самое лучшее место наблюдения. Наконец свершилось. Произошла первая вертикальная посадка и взлёт самолёта на крейсер. На завтра все газеты будут трубить, что СССР произвёл технологический прорыв в технологии самолётов вертикального взлёта. Хотя уже давно существуют «Хариеры», но на палубы кораблей они не садились. Потом пошли слухи, что пилот, совершивший первую посадку — взлёт, от повторной отказался и повторил её уже другой пилот.

Первый получил звезду Героя СССР, а второй Орден Ленина. Мир слухами полнится, а нам надо приблизительно до конца года такой же комиссии (только без Брежнева) сдать нашу систему в рабочем состоянии.

На «моём» корабле работа приёмо-передающей антенны нестабильна. Причину найти не смогли. От антенщиков, Карданова и Бойко, не могу добиться внятного ответа. Так и настал день военной приёмки. На нашем БПК военный приёмщик-майор Карабин (ударение на втором А). Отличный малый, давно работающий со мной.

Я вроде руководитель сдачи объекта и попросил у руководства в помощь Сашу Карданова, как наиболее опытного антенщика. Он дольше меня на заводе и лучший в своём деле. Итак, двое против одного, но Карабин может движением мизинца остановить приёмку объекта. Результатом будет — убытки заводу со всеми финансовыми последствиями, крупным втыком руководству завода и убыток государству в десяток миллионов рублей и перенос сдачи на следующий год.

Старт! На каждом блоке столько же свинцовых пломб, сколько винтов на дверцах и крышках аппаратуры. В центральном посту управления я, Саша и матрос поста. Здесь расположена ЭВМ, а рядом с входной дверью блок управления антенной высотой в метр с гаком и шириной в полметра. Майор — блуждающий форвард и до конца сдачи должен ходить по всем смежникам наблюдая, чтоб никто не вздумал сорвать пломбу или вмешаться в автономную работу устройств.

Существует известный только мне и Саше сигнал с флагмана, от Колюнова или Соколова, в случае сбоя работы нашего корабля.

И он приходит! Саша подтверждает факт: — Антенна завалилась... Я предлагаю Саше снять пломбы. Он в отказ, и я начинаю аккуратно снимать пломбы, с надеждой, что после ремонта установлю их на место. Их четыре штуки. Я не думал о последствиях. Могли впасть статью — саботаж судить и посадить.

Я обязан был вызвать военного приёмщика майора Карабина, он сообщить командованию, что на «БПК» произошёл сбой системы и прекратить приёмку. И отбой В. П.

Продолжаю снимать крышку блока управления, лёжа на спине, одновременно прошу матроса встать на «атасс»... за дверью поста. До начала сдачи мы включили паяльник, и я сказал, чтоб у Саши был под рукой ЗИП (запчасти) антенны. При снятии крышки выявилась неисправность. Разломилось десятиваттное сопротивление цепи питания электромотора антенны. Заменить сопротивление оказалось очень сложно. Оно было в глубине блока с напряжением в 500 вольт. Обмотав изолентой пинцет, влез паяльником вглубь блока и наживил сопротивление. Всё лёжа на спине, под большим напряжением (паяльник во время пайки отключили от сети), на всю длину паяльника с мелкой дрожью в руке.

Саша тихо сказав — «пошла» — выматерился. Я продолжаю монтаж злополучной детали. Испорченную выломал, пинцетом пропаял одну ножку. Саша подал кисточку с цапон лаком, я промазал пайку и... открывается дверь и Карабин чуть не наступил на меня. Сзади проглядывалась сконфуженное лицо нашего матроса. — Тарасович, ты что, Ох...! и так далее. Только и смог выговорить майор.

Я встал и официально доложил — Товарищ майор. Вот неисправная деталь. Если вы считаете, что в данном случае виноват наш завод, остановите приёмку. Он взял её из моих рук, и в пальцах стал крутить крошившееся сопротивление, покачивая головой. С меня сошло нервное напряжение, и я начал подсыхать от пота. Подсознательно понимая, что Карабин сразу мог остановить процесс. Раз не сделал, то есть шанс.

— Дааа... Конечно, это не вина вашего завода, но что же делать? — А у вас есть пломбир? Он продолжал рассматривать деталь и автоматический ответил — Да. Матрос, входя тихо в пост, невольно протолкнул майора вглубь и наглухо закрыл переборку (дверь) поста. Мы взглянули друг другу в глаза. Я, пацан, двадцати трёх лет, и он взрослый мужчина старший офицер и должностное лицо. — Никому из нас невыгодно болтать, — выдал я из себя ... Хрен с вами. Дай гляну на пайку. Он лёг на пол проверил мою работу, и встав сказал — Додельвай... Я вмиг допаял второй вывод и покрыл лаком. Пока я поднимался с пола матрос и Карданов в четыре руки прикрутили крышку на место. Карабин запломбировав все четыре винта, и мы вместе поднялись на палубу — покурить, оставив Сашу и матроса на посту. Я заработал несколько резких комплиментов.

Мы курили, а я упрасивал его отобедать со мной в кругу его друзей в ресторане Камышовой бухты. Я готов был оплатить пирушку не очень надеясь что мой начальник оплатит расходы, но оказался неправ. Как только я всё рассказал Ване Колюнову, он, не дав мне докончить, сказал:

«Я оплачиваю ресторанные расходы», — чем приятно меня удивил. Банкет для руководителей приёмо-сдачи командованием Черноморского флота был накрыт в ресторане «Севастополь». От завода было семь человек — пять бригадиров и Колюнов с Соколовым. Я в числе приглашённых, и горел желанием покутить среди элиты ВМФ СССР, но поддержал — тост поднятый адмиралом ЧФ Сысоевым «ЗА Черноморский Флот СССР. Ура товарищи! Урааа!» — подхватил зал. Я опрокинул бокал, тихонько дёрнул Ваню за лацкан пиджака, получил пачку из рук в руки, и вышел из зала. Кроме своих, до меня никому не было дела, и я уехал на другой конец Севастополя, в Камышовую бухту, туда, где я должен быть несмотря ни на что. — По приезду на завод, в Саратов, об этом никто из руководства не вспомнил. Даже простого «спасибо» я не услышал. Я не знал, на каком уровне застряла информация деталей военной приёмки, которой владели, как минимум, три человека, один из которых считался руководителем высокого ранга... — Через два месяца я уволюсь с Саратовского завода «Электроаппарат» и уеду в Сухуми — начинать всё сначала...

«Мишка»

Зарабатывал я неплохо и на траты был щедр. Это дело любил, да и для меня в то время это было необходимо. Всегда старался доставить удовольствие: сотрудникам, друзьям, горничным, администраторам гостиниц, кассирам, продавцам магазинов, швейцарам ресторанов, не говоря о певцах, музыкантах и официантах. Это делалось всё от души и не из корысти, и все эти люди платили тем же вниманием и готовностью оказать любую услугу или сделать мне приятное. Для меня всегда находилось место в гостинице, столик в ресторане, билет на самолёт, поезд или в театр. Гостиница же на несколько лет стала домом родным, а сотрудники, как родные, по-другому, и быть не могло. Обычно тот, кто нарушал эти правила, потом в этих местах чувствовал себя неуютно, а, порой, и враждебно и, в конце концов, становился персоной нон — грага. То же самое было и на заводе. Некоторые, заводили себе там увлечения, которые, естественно, не длились долго. Они уже не могли ходить в некоторые отделы, устраиваться в некоторые гостиницы, и приходилось менять места своего посещения. В пределах, хотя и большого завода это обстоятельство обрастало мхом сплетен. Можно верить или нет, но я никогда этого не делал. Если я шёл в ресторан с девушками, то это было без всяких задних мыслей и всем понятных интересов. Официанты это чувствовали и относились к ним, как и ко мне, с уважением, зная, что женщин легкого поведения за моим столом не бывает. Это создавало определённый уют. В основном же в ресторан ходил с определённым кругом людей, которые могли и пить, не напиваясь, и вести себя, чтобы не создавать проблем ни нам, ни окружающим. Результатом этого было то, что никогда не попадал в неприятные истории. Единственная драка в Севастополе, которую видел, была с участием известнейшего грузинского киноартиста. Кстати, я был приглашен за этот стол, который в его честь устроили севастопольские грузины. Днем успел с ним случайно познакомиться. Он мне не понравился. Этим был обусловлен мой отказ на данное приглашение.

Часиков в десять вечера уже не смог отказать другой компании и оказался на открытом балконе того же ресторана при гостинице «Севастополь».

Официант Толик пронёс через весь зал для нас столик и накрыл его на троих. В это время в городе, не то, что столик — в ресторан невозможно было сунуться. Для меня этой проблемы не было, тем более этим друзьям я не мог отказать в обеде. Едва мы успели приступить к еде, как в ресторане началась драка. Артист был очень популярным, и всем хотелось показать, что они гуляют именно с ним, поэтому стол был накрыт в самом центре зала. Это были грузины, а среди них и мои сухумские (вернее бабушерские) земляки. Обычно во время любых недоразумений в ресторане выключали основное освещение. Воспользовавшись этим и подобравшись к их столу незаметно, я выдернул из дерущейся кучи то ли главного зачинщика, то ли жертву. Этого барахтающегося мужика, схватив под затылок замком, поволок, на первый этаж к выходу, предупредив швейцара не пускать его обратно. Мужик площадным матом выругал всех грузин, а когда попросил его замолчать, объяснив, что я тоже грузин, он как бы отрезвел. Это подтвердил и бородатый швейцар, весьма уважаемая личность во всём Севастополе.

— Не может быть! — только и сказал он.

Я поднялся наверх, прокрался на своё место и через полчаса, отобедав мы, ушли из ресторана. Бог миловал от второго случая.

Особенно меня любили в маленьком кафе на первом этаже нашей гостиницы. Хотя там обедал не часто, но иногда устраивал маленькие пирушки. А, так как я люблю кухарить, то пользовался кухней для готовки какого-нибудь грузинского блюда и особенно салата из помидор, по-нашему, с перцем. Благодарил работников, часто принося им арбузы или другие фрукты в подарок.

Кстати, килограмм арбуза в то время на рынке стоил пять копеек. За рубль можно было купить два десятикилограммовых ковтуна, а радости от них было премного.

Иной раз меня зазывали отведать сосиски, которые довольно редко там появлялись. В один из таких дней попросили зайти на свежие молочные сосиски и «жигулёвское» бутылочное пиво, зная мою к нему слабость. Мы зашли с ребятами и хорошо посидели. Как говорится, пиво без водки-деньги на ветер. Водка там не продавалась, но нам разрешали «баловаться».

Выходя из кафе, немного навеселе, под смех сотрудников, положил в карман последнюю, ещё теплую сосиску. Рядом была дверь в гостиницу, мои друзья зашли туда раньше,

и в фойе было довольно весело. Моё появление вызвало ещё большее веселье, а «Мишка» — молоденькая миниатюрная горничная гостиницы с похожей фамилией, привыкшая к тому, что я обычно кому-нибудь дарил конфетку, жвачку или другую мелочь, бросила со смехом в мою сторону:

— А что без подарочка?

— Как же без... Мишка? Для тебя подарок как раз есть!

— Ой, что?

— А вот, в кармане! Достань! — сказал ей.

Она, недолго думая, сунула свою миниатюрную ручонку в карман моих брюк и наткнулась на что-то большое и тёплое. Ручка, как резиновая, выскочила из кармана. Она, от кончика пальчиков, до макушки, вмиг стала пунцовой. На глазах появились слёзы. Все обмерли, не поняв ничего. В холе воцарилась гробовое молчание, а бедная «Мишка» не могла сдвинуться с места. Я же спокойно, выждав время, со словами:

— Что же ты? — медленно тянул из кармана теплую сосиску. В регистрации за стойкой пожилая администраторша со смеху свалилась со стула, остальные смеялись до слез, представив «Мишкины» мысли, а она от обиды расплакалась и убежала. Мне же понадобилось несколько дней, чтобы наладить нормальные отношения с ней. Правда, потом и она хохотала до упаду, вспоминая свою реакцию на эту хохму. Интересно, помнит ли этот давнишний случай одна из известных дикторов Центрального телевидения бывшего СССР...

Одесса

Двухмоторный «АН-24» с высоты птичьего полета заходил на посадочную полосу Одесского аэропорта. Заканчивалось почти пятичасовое путешествие из Саратова. В салоне самолета чувствовалось оживление, все сидели, прильнув к иллюминаторам, стараясь высмотреть внизу что-то особенно интересное.

Для меня Одесса прежде всего была Одессой Бабеля и того особого колорита, про который говорила вся страна. Особый статус, которым пользовалась «Одесса мама», манил к себе и создавал различные фантазии в моей голове. Я с улыбкой смотрел сверху на этот город, наверняка зная, что он и меня не обидит и устроит со мной какую-нибудь хохму.

Итак, наш «лайнер», охнув-скрипнув, шлепнулся на полосу. Весь салон, выдохнув враз, и снова вдохнув, несмотря на протесты стюардессы приподнялся. Начались хлопоты над головами. Все кинулись быстрее снимать с полок ручную кладь. Откуда ни возьмись, забежали дети по салону, путаясь между ногами и сумками. Короче, был маленький безобидный шухер. Наконец, толпу довольно организовано стали выпускать, в том числе и мы, гуськом скатились по трапу на землю. Ноги по колено, как будто опустились в теплую воду, потом эта теплота начала окутывать все тело и мы почувствовали Одессу. Люди уже мчались на всех парах к аэровокзалу, в надежде не упустить возможность сделать ещё какие-то дела, а может, не теряя времени, окунуться в море.

Нам же надо было продолжить путь на Николаев, где нас ждал наш «ненаглядный» вертолетоносец крейсер «Москва».

Было еще рано, и мы решили уехать после того, как немного побродим по городу. Дерibasовская и пивбар «Гамбринус» с осиротевшей скрипкой манили нас, как комариху на толстую бабу. После долгих споров мы согласились, первична — Дерibasовская, а «Гамбринус» — вторичен. Наши же заводские сотрудники отвергли тезис в корне, убежденные, что «Гамбринус» и первичен и вторичен, и нырнули в глотку бара.

Мы же грузинской кучкой покатались по Дерibasовской, рассматривая одесских девочек, и цветущие каштаны. Находясь в Одессе первый раз мне все было интересно, но особенно хотелось видеть персонажей своих любимых писателей, но она «Мама» меня разочаровала. Вокруг были обыкновенные

советские люди, как и везде «летающие» по городу, «окрыленные» всеобщим дефицитом. Ищущие, кто колбасу, кто шмотки, а кто и ещё чего. Интерес был и у меня. Я давно искал и, пока безнадежно, хоть какую-нибудь маломальскую приличную обувь. Мои туфли уже щекотали, ибо под большим пальцем левой ноги подошва была протерта, и при ходьбе я чувствовал её родную, матушку — Землю. Жизнь была интересна и весела — всегда в стремлении что-то достать. Мы были, как козы у забора, которые надеются отщипнуть где-то, что-то...

Вдруг передо мной появился какой-то парень.

— «Ребята туфли не хотите? Дешево отдам — услышал я и увидел у него в руках довольно приличные светло-бежевые летние туфли.

Разговор был коротким: спросил размер, примерил один, потом второй на ногу, старые башмаки — в ближайшую урну и тридцать четыре рубля в руки одесситу. На вершине блаженства в новых туфлях продолжил шествие по Дерibasовской, наверное, от слова «дери». Так мы оказались около обувного магазина. Ребята предложили зайти и мы в магазине, в окружении двух продавщиц и светло-бежевых летних туфель всех размеров чешского производства, родных братьев моих на ногах, но почему-то за тридцать два рубля. Ребята посмеялись надо мной, стали их скупать, а я понял, что Одесса меня не обделила. Кто-то из бабелевских, шолом алейхемовских, зощенковских или ещё каких-то персонажей почтили меня знаком внимания и слава богу этот знак мне обошёлся всего в два рубля. Это уже было интересно. Лимит нашего времени уже подходил к концу. Мы развернулись в надежде выпить пару кружек пива в знаменитом «Гамбринусе», а потом на такси — по пять рублей «с носа», уехать в город невест — Николаев.

Скрипка нас встретила мелодией «Одессу-маму перевернули гоп-ца-ца». Пиво мы выпили с достоинством, не спеша, закусив сушеной тюлечкой, которой торговал «с кармана» нагловатый хрен, и выкатились на улицу в поисках такси. В то время и такси было в дефиците. Мы растянулись почти на полкилометра в надежде поймать «шашечника». Калымщик нас не устраивал. В это время ко мне подбежал Гиви:

— Слушай, какую я пластинку нашёл, хочу купить!

При слове пластинка у меня всплыли приятные воспоминания, но уже московские. Мне пятнадцать, я впервые в Москве, друзья моих родителей живут в Старомонетном переулке. Недалеко Третьяковка, через канал кинотеатр «Ударник», театр «Эстрады», не так далеко и Кремль, короче, всё рядом.

Каждый день прохожу все это пешочком, не спеша. Всегда был любознательным.

В один из таких вояжей попал в подземный переход перед «Метрополем», мимо меня проскочил молодой человек тихо, но внятно повторивший два слова «твисты-оригиналы, твисты – оригиналы». Поняв о чем речь, догнал его и спросил: «По-чём?».

– Три рубля.

– Посмотреть можно?

– Ты, что хочешь, чтоб и тебя, и меня загребли! – выпалил он. – Хошь бери, нет, пошёл на...

Я вытащил зеленую трешку, а он из сумки пластинку в красивой обложке. Мы произвели обмен и разбежались в разные стороны. Я на такси, а он, как потом понял, искать следующего лоха.

Такси остановилось под окнами квартиры на первом этаже. Одновременно отдавая рубль таксисту, крикнул Лиде, чтоб она включила проигрыватель, которому нужно было минуты две-три для прогрева. Пройдя двор, и дверь Буяновых, я был в квартире.

– Что принес? – спросила Лида.

– Пластинку с твистами, – и, вытащив её из красивой обложки, шлепнул на диск проигрывателя. Лида поставила иглу на пластинку, дернула за рычажок и «ш-шш-шшшш». Потом трим-тили-трим-тили-балалайка, потом ещё что-то подыграло, и из динамика полилась затертая русская народная с оканьем и оханьем.

Лида посмотрела на меня и, сказав – «твисты?», залилась хохотом. Подняв пластинку, на её красной кружке-этикетке увидел фиолетовый оттиск штампа с надписью «Уценено – 30 копеек». Дальше прочел: «Русские народные песни». Я уже мчался через двор, мимо дверей Буяновых.

– Ты куда? Вернись! – кричала мне вдогонку Лида, продолжая смеяться. Через пять минут был в подземном переходе. Почти час бродил по нему, наострив уши, в надежде услышать «твисты-оригиналы». На всякий случай прошелся и в следующем переходе. Всё дальнейшее пребывание в Москве было переполнено наивысшим желанием, услышать «мелодию» – «твисты-оригиналы». Но он, наверное, уже имел другой «бизнес».

– Пойдем, помотришь! – тормошил меня Гиви, выведя из минутного «приятного» воспоминания.

– Гиви, эту пластинку покупать не надо, – твердо сказал я.

Конечно же, я ему и потом не рассказал, почему «не надо». И, вообще, рассказываю об этом впервые. Но он был неумолим, подбежал ко мне весь сияющий, кругленький, с толстенькими негроидными губами и курчавыми-курчавыми африканскими волосами. На его волосы даже мухи боялись садиться, чтоб не запутаться в них своими ножками.

До Николаева мы доехали благополучно. Весь путь на ухо мне зудил Гиви, что надо послушать пластинку, пластинку... и вертел у меня перед носом рентгеновской пленкой с самодельной записью, через которую включенные фары встречных машин высвечивали пару переломанных ребер.

Шестеро молодых ребят вошли в «Украину» — «Гранд отель» города на Буге и Ингуле на «авеню» Радьянская. Названия центральных улиц городов и сел

СССР не отличались разнообразием и оригинальностью. Этим не страдал и Николаев.

На первую пробу гостиница оказалась неприступной. «Мест нет» — висела табличка на стекле администраторской стойки. За стойкой сидели несколько женщин среднего возраста, а я, как лучший знаток русского языка, канючил, что мы приехали в командировку и т.д. и т.п, приводя, по моему мнению, доводы, которые должны были убедить «оппонентов», что нам сегодня надо поспать именно в кроватях, а не на диванах и креслах холла гостиницы. Жилось в то время «весело» и с таким же «весельем» женщины нам отвечали, что остальных наших сотрудников они отправили на постой к ближайшим бабушкам.

«Хочешь жить — умей вертеться!», — это основная поговорка того времени заставляла вертеться всех — зарабатывая кто как может. Если ты был важным «бугром» или имел большие деньги — номер в готеле тебе был обеспечен. Бабушки же приносили пользу и себе, и администратору. За каждого бабушкиного клиента был «откат», и, чем больше бабушек, тем солиднее сумма. Поэтому места в гостинице были, но получить их клиенту мешала вывеска — «Мест нет» и сильнейшая конкуренция в этом бизнесе между СССР и бабушками. В конце концов, все же удалось уговорить администратора, призвав на помощь портрет вождя на красной купюре, вернее, два портрета, и получить два трехместных номера с перспективой на улучшение условий проживания на месяц вперед.

Гиви же это не очень интересовало. Он все ходил вокруг и по — грузински верещал, что у него есть пластинка и выпивка с закуской и, что он хочет сегодня обязательно выпить,

закусывая под эту пластинку. Идея была не плохой, тем более, что от «выпить и закусить» ни один администратор и сотрудник гостиницы до сих пор не отказывался. Но беда заключалась в том, что в гостинице не оказалось проигрывателя. Но и этот вопрос решился быстро. Одна из горничных принесла откуда-то портативный, величиной с кейс, проигрыватель «Юбилейный». Его мы поставили на кровать, стол же был заставлен выпивкой и едой. Человек десять толпились в номере. Гиви взял на себя роль тамады. Под одобрительные крики наших хозяйюшек, он произнёс речь на ломаном русском. В общем, вся речь заключалась: «За знакомство!».

Все выпили, некоторые закусили, присели, и под торжественные молчание, Гиви опустил на «ребра» иглу. Послышалось до боли родное и знакомое «ш-шш-шшш». Потом красивый хриплый голос запел какую-то очень хорошую блатную песню, которая прервалась, не допев куплета, «ш-шш-шшш...».

— «Вам песню х.. вам песню!», — рявкнуло из динамика.

Все обомлели, кроме меня. Я смеялся, как идиот, которому показали палец.

— Мерзавцы! — сказала главный администратор. Женщины встали и без слов вышли из комнаты. Смуглое, щекастое лицо Гиви стало неопределенного цвета, руки у него дрожали, а «ребра» продолжали крутиться и шипеть, как цыпленок табака на сковородке.

Тихо, тихо начали посмеиваться остальные и через несколько минут смеялись все, кроме Гиви. Конфуз надо было как-то уладить. Я спустился в администраторскую. Минут через двадцать история с туфлями, довершенная Гивиными «ребрами», помогла сменить их гнев на милость. Они вернулись в номер, мы допили и доели. Через день нас расселили по двухместным номерам, и мы зажили спокойно, счастливо, не боясь плановых и внеплановых выселений

«Москва»

Николаев оказался довольно интересным и веселым городом. В первый день мы, расспросив, как доехать до завода, поехали на работу, но прежде подошли к стойке регистраций. В администраторской шла пересменка, и нас передали следующей смене. Это было своего рода рекомендацией и гарантировало не выселение из гостиницы и так продолжалось в течение трёх дней. Таким образом, представленные всем четырём сменам, мы становились неуязвимыми.

В эти три дня мы успели побывать везде, они служили для выработки иммунитета проживания в гостинице. Если они проходили благополучно, то это гарантировало дальнейшее проживание без волнений и переживаний, быть выселенным в любое время дня и ночи.

Кое-как мы добрались до завода. В проходной нас с полчаса проверяли. — Закончили в Тбилиси? Грузинский политехнический? Через Саратов? — Было в диковинку видеть грузин, работающих после окончания института по распределению. Имен наших никто не собирался запоминать, и в дальнейшем мы были просто грузины или из грузин.

Завод был огромным и кончался у берега Буга. В сухом доке стоял корабль — это был вертолетоносец «Москва», весь голый, выдернутый из воды с суевающимся и копошащим вокруг да около рабочим людом. Мы очень быстро нашли наших сотрудников, припухших с похмелья. Они заявили с хихиканьем, что на крейсер не пускают. Вокруг чувствовалась нервозность, мужики похихикивали и, вообще, происходило что-то непонятное. До обеда было часа два.

Наконец пришел наш районный инженер с главным строителем. Последний крыл кого-то матом и объявил нам, что какой-то матрос изнасиловал маляршу в чреве крейсера. Она требует, чтоб построили всю команду для опознания. Наконец, он адресно выманил и её, и того матроса.

— Весь график работ поставили раком, — сказал он. — Ей доказывают, что она не сможет узнать насильника, нет же, настаивает на построении, доказывая, что он был в ботинках и синих штанах.

— А как же это возможно? — полюбопытствовал я.

— Очень просто, — вполне серьёзно начал он объяснять мне.

— Она красила кассеты, где хранятся торпеды. Это такие длинные трубы, которые надо внутри прокрасить. Маляры в основном женщины. Они вползают в трубу, имея с собой фонарь на лбу и пульверизатор с краской и шлангом со сжатым воздухом и, пятясь назад к выходу из трубы, прокрашивают её. В то время, когда она вылезла наполовину из трубы и поставила ноги на палубу, докрасивая остаток, её и придержали. Потом сняли штаны. Она дергалась, дергалась, но из трубы ей не удалось. За это время он сделал своё дело и, пока она высунула голову, увидела только его ботинки и штаны. Он успел по трапу выскочить из помещения. Матросы же на корабле одеты, как минимум, в две различные формы и половина из них в синих штанах — вылезти.

Нас это начинало раздражать. Один из наших — Дима — лопухий, с маленькими заплывшими глазками, спросил, часто ли это бывает?

— А черт его знает, но сказала об этом, и подняла скандал только одна, — сказал главный строитель.

Через некоторое время нас все-таки запустили на пост — место, где стояла аппаратура (вычислительная машина), которую мы должны были регулировать. Главный объяснил, что уйти с завода раньше времени мы можем только с его разрешения и со специальным пропуском, который он нам подпишет. Показав маленький брикетик этих талончиков, он с нами расстался. Немного побродив, мы решили выйти на территорию завода и несколько из нас, ведомые кем-то из знающих корабль наших сотрудников, двинулись к выходу. Случайно перепутав дорогу, мы оказались на взлетно-посадочной палубе величиной почти с футбольное поле, где шло построение.

— Смотри, по-моему, на опознание строят команду, — сказал наш ведущий. Команда была построена вмиг. Нам, естественно, уходить не хотелось. Это был первый наш рабочий день на корабле, и было очень любопытно, чем все закончится. Мы и еще несколько гражданских стояли поодаль от строя моряков.

Вскоре появился командир корабля и с ним среднего роста довольно симпатичная пухленькая женщина в робе маляра, с респиратором поверх туго перевязанной косынки на голове. Черная одежда была вымазана красками бело-серых оттенков. Вид у неё был весьма решительный и, если она узнает сейчас того матроса, то, вероятно, перегрызет ему глотку. Итак, командир подошел к своим офицерам, а малярша сразу пошла вдоль стоявших по стойке смирно матросов.

Взгляд этой миловидной женщины стал каменным, она несколько секунд задерживалась около каждого матроса. В строю, где она уже прошла, кое-кто подхихикнул. Несколько матросов тут же получили наряд вне очереди. Она прошла весь строй, и весьма расстроенная, не говоря ни слова ушла с корабля, так никого, и не узнав. Много времени спустя я узнал, кто же это был.

Матросик оказался метра полтора ростом, невзрачный и нагловатый к тому же. Он заявил: «А что, по-хорошему они не хотят со мной говорить, а красивых и статных, вон их сколько».

В столовую мы пришли под конец обеденного перерыва. День был рыбный.

В то время такие дни были во всех столовых страны. В меню была только рыба. Отобедав ухой без рыбы, котлетами из знаменитого хека и запив компотом, из сухофруктов, мы пошли искать главного строителя, чтоб получить его разрешение на выход с территории завода и отправиться в город на поиски новых впечатлений.

Николаев – город невест

Летом наша работа на корабле заключалась в контроле за установкой оборудования и отслеживании монтажных работ, которыми руководил Виктор Шейкин. Это был наименее приятный человек, он чуть прихрамывал при ходьбе, и поэтому его ходьба и нас настраивала на размеренное, неспешное передвижение.

Проблемы, начинавшиеся с гостиниц, продолжались и с поставкой материалов. Это отразилось и на монтажном кабеле. Потребность в специальном кабеле РК исчислялась десятками километров. Проблема была в том, что нужен был кабель без наружной изоляции, а такой достать было невозможно. Я не вдавался в суть вопроса, но, кажется, нужный нам кабель не выпускался вообще. Так вот, наши умельцы придумали способ избавления от наружной изоляции путем протягивания кабеля через металлическое кольцо, в торец которого вставлялся винтик с острым концом. При проволочивании кабеля игловидный кончик делал на пластмассовой оболочке тонкую бороздку, фактически разрезая изоляцию. Затем довольно легко её снимали. В очищении одной бухты участвовало три человека — один протягивал, другой снимал изоляцию, а третий сматывал очищенный кабель в бухту. Самый опасный «технологический» участок был третий. Иной раз на кабеле повреждалась оплётка, и проволока впивалась в руку намотчика.

Так начиналась моя трудовая деятельность. Это была авральная работа, и участие в ней не различало начальников и подчиненных, мужчин и женщин. Десятки километров кабеля потом становились жгутами и создавали электронную систему кораблей, связывая пушки, торпеды, ракеты, радары и прочее с вычислительной машиной. Так создавался, так называемый, щит отечества на Черноморском флоте. Заготовив достаточное количество РК, мы были свободны.

В процессе работы я близко узнал Виктора. Он был уже в возрасте, уравновешенный, начитанный. Разговаривать с ним было одно удовольствие.

Кстати, весь ритм нашей работы зависел на данном этапе от него. Правда, по окончании монтажных работ, отдыхать начинал он и его женская команда, а работать без дня и ночи — все остальные. Пока же мы, «остальные», на объект приходили часа на полтора. Потом был пляж на Ингуле и преферанс на песке с местными ребятами. Вечерами — кто во что горазд.

В один из таких утренних часов в бригаде монтажников произошёл бунт.

Наши девочки взбунтовались из-за того, что мы довольно хорошо загорели, а им даже с корабля не разрешали сходить. Все это время они работали без выходных. Я же облазил уже все окрестности и знал все интересные места отдыха в городе и за его пределами.

Естественно, я и предложил устроить вылазку на два дня. Девчонки прижали Виктора в угол, и он объявил пикник. Как сказавшему «а», мне поручили сказать и «б». Не согласных не было, у каждого свой интерес. Сотрудницы хотели отдохнуть и позагорать, сотрудники же «бухнуть», а мой же интерес-порыбачить. Мы знали, что самым молодым — и русским, и грузинам придётся все организовывать. Естественно, шашлык и все с ним связанное сразу поручили нам. Все было организовано очень быстро, и в субботу, рано утром человек двадцать со «скарбом», едой и выпивкой, не создавая большого шума, стали выбираться из города. Я знал, куда и как надо ехать, и почти за час мы прибыли на место. Окрестность здесь весьма живописна, по берегам разбросаны маленькие деревеньки. Поодаль, на холме виднелась церквушка. По реке сновали маленькие пассажирские суда, распределяя по речным деревенским причалам, уезжающих и приезжающих. На одном из таких судёнышек прибыли и мы. Сошли на причале и очень быстро нашли подходящее место для пикника. Берег, густо поросший пяти-шести метровым тростником, закрывал всё зеркало реки и только в одном месте был чистый заливчик, где мы и стали табором.

Все сразу занялись делом, кроме наших дам, которые заявили, что за пикник мы им должны быть благодарны, и чтоб их пригласили — только к накрытому столу. Они отошли чуть поодаль, к краешку залива и решили позагорать на прибрежном песке.

Одно очень хорошее свойство таких выездных пиршеств есть определение: «говори, что надо делать». А мне только и дай командовать. Единственные, неуправляемые оказались мои грузины. Они действовали по принципу «каждый сам себе князь». Поэтому им отдали мясо с вином и водкой, и вопрос их занятости был решен. Со спорами, криками, доказательством своих позиций и оппозиций дело у них продвигалось.

Первым делом мы начали строить навес из подручных материалов, накрыв его срезанным камышом. Часа через два на пляже было бы жарко и нужно было укрытие от солнца.

Далее все силы были брошены на заготовку дров для ночного костра и подстилки для сна. Для этого мы перетащили пол стога сена, стоящего недалеко от нашего «стойбища». На второе утро пришел хозяин копны и начал бурчать, но, выпив пару стопок и хорошо закусив, только и сказал: «Если соберете, будет неплохо». Мы в воскресенье, перед уходом, прибрали все за собой.

После основных работ начались «склоки» между желающими и говорящими, что пока рано. Вот тут и обнаружился «мой талант»: я был и за тех, и за других — поэтому предложил только по чуть — чуть, а потом купаться и загорать.

Предлог был — поздний завтрак, быстренько нарезали сухомятку, открыли несколько бутылок водки, но разлив по стаканам я на свою душу не взял. Система разлива была отработана: стоял стакан, с прислоненной ребром коробкой спичек, в который наливалась водка до уровня коробки. Потом она переливалась по адресу. Все было долго, но безупречно. Никто не мог сослаться на дрогнувшую руку. Правда, потом, когда градус бил по башке эту традицию забывали и разливали прямо из бутылки, но начиналось так. После пары стопок и маленького закуса вся ватага вспенила воду заливчика. Я стал строить маленький плотик. Помогал один из моих сотрудников с Волги. Мы срезали охалку тростника, связали, чем попало, затем охалки привязали к трем поперечным шестам и вышел неплохой плотик на двоих. Олег тоже любил — рыбачить, кое какая снасть у меня была. Мы решили наловить щук. Поймали живцов, соорудили удище из длинного тростника, из сухой палки сделали здоровый поплавок и снасть опустили в маленький затончик среди зарослей. Стали ждать.

Поклевка была минут через десять. Наш поплавок начал медленно, медленно тонуть. Я выждал довольно долго, потом подсек. Сначала тяжесть, затем — шлеп, и моя снасть без живца зависла на тростнике. Её еле отцепили, насадили следующего живца: то же самое. Олег начал меня обвинять, что не умею ловить, но удище я не выпускал из рук. Третья попытка была удачной. Я не стал подсекать, а потянул очень медленно и вытянул... огромную черепаху. Еле отцепив её с тройника, мы перешли на другое место. Кое-как поймав небольшую щучку, интерес к щукарству у меня пропал. Олег остался один на плоту с живцами и щучьей снастью, я же стал бродить по берегу в надежде на более интересную рыбалку. Становилось жарко. Многие, в том числе, и наши девочки перебрались ближе к

навесу и легли вокруг него, сунув головы в тень навеса. Я ушел в дальний край заливчика и, снарядив поплавочную снасть, пытался поймать хоть что-либо. Рыба кружилась в воде, но клевать не хотела. Так и сидел в воде, иной раз обливая сорочку. Мое внимание привлекли букашки, плавающие вдоль кромки воды. В микроволнах, находящихся на песок, суетились создания в полтора сантиметра длиной. Поймал одно из них. Это был — бокоплав, вернее, его увеличенная версия, у нас таких не было. Обычно суетливые бекасики на наших песчаных пляжах выклевывали их из песка после отката волны, но те были мельче.

Я нацепил парочку на крючок и сделал заброс. Поплавок резко ушел в сторону, подсек. Из воды резко вылетела, подсеченная тараночка, величиной в ладошку. Следующий заброс — то же самое. Я понял — рыба суетилась, охотясь на бокоплавчика, в зоне чистой воды. Быстренько наловил побольше мормышек, принес ведро, часть мормышек вместе с горсточкой песка бросил в район моего поплава и дело пошло. На крючок насаживал только одного мормыша — бокоплава, и то небрежно и наскоро. Мое ведро стало быстро наполняться крупной воблой. Наши уже засуетились, стали ворчать, что пора кушать. Кто-то стал достраивать навес, мы перестали ловить рыбу и приступили к подготовке обеда. Моих ребят попросил заныкать бутылочку водки на ночь. Как в воду глядел!

К сроку охлаждённые напитки лежали в выкопанной на берегу ямке с холодной водой, дымилось огромное количество шашлыка, разнося вкусный запах по прибрежному простору. Правда, каждый из грузин, под предлогом научить жарить настоящий шашлык, эксплуатировал по паре заводских сотрудников.

Застолье было готово. Женский инстинкт все-таки сработал, и они приняли активное участие в хлопотах. Вскоре все сидели вокруг импровизированного стола и ждали моего первого тоста. Пили вино, я настоял, и это оказалось, кстати, хотя Дима — лопухий, и поддерживающая его часть ратовала за водку. Пару бутылок все-таки выпили, но веселья было очень много. Потом чуть побесились, убрали со «стола» и стали готовиться к ночи.

Вечерело. Солнце садилось за нашей спиной где-то далеко за деревней. Кто-то начал бренчать на старой, выдавшей виды гитаре. Затем, более профессионально за неё взялся Казимир, и мы исполнили несколько грузинских песен. У Казимира был великолепный первый голос, второй-неплохой был у нашего курчавого Гиви, басом подвывал Ваш покорный слуга.

Так под общие грузинско-русские колыбельные солнышко отправилось за горизонт, последний раз показав нам розовое покрывало, которым оно укрывается на ночь.

Появились комарики. «Ой, Ой» — похлестывали мы себя то ладошкой, то веточкой камыша. Эту неприятность никто не учел. Даже, если бы учли в то время всяких там кремов, спреев и т.д. не существовало, по крайней мере в СССР. Добро, дров мы набрали много, также вытащили наш тростниковый плот и по частям стали его подбрасывать в костер, делая дымовую завесу. Помогло. Природа застыла. Ни ветерка. Даже лягушки и те как-то нехотя поквакивали. В тростниках слышался шорох. Дым от сырого горячего смешался с туманом, а мы сидели в этой дыме — туманной смеси, как лягушки в молоке. Комариные системы наводки работали исправно, и нам пришлось развести ещё один костер.

Многие оказались невосприимчивы к укусам, но остальные готовы были влезть в костер, чтоб как-то облегчить свою участь.

Я вспомнил про рыбу. Олежка подхватил идею, и мы решили варить уху, спать все равно было невозможно. Очень скоро на двух кострах в ведрах булькала добрая уха, наполненная наполовину крупной воблой. Вот где, и понадобилась водка. Наша трапеза началась ближе к полуночи. К тому времени, и атака комаров прекратилась так же внезапно, как и началась, а мы начали похрапывать прямо на тех местах, где и сидели.

Утром разбудил шум наших друзей, которые, увидев ведра с ухой, разбросанные миски и пустые водочные бутылки, требовали объяснений, почему мы их не разбудили. Кончилось все мирно. Скоро в ведрах забулькала оставшаяся уха, слава богу, водку мы запасли на два дня. Разливали её совершенно без лимита, а кое-кто попивал из горлышка. Выхлебав уху, малопьющие пошли на поиски травы в степь. Через некоторое время в ведре кипело, издающее неповторимый аромат, варево. Это был импровизированный чай. Естественно, и эти пол — ведра были выпиты. Комаров было мало, а с восходом солнца их не стало и вовсе.

Вдоль заливчика разлился размеренный урчащий храп. Я пошел рыбачить, а остальные во сне набирали энергию к путешествию обратно в Николаев.

Часа в два, пол — третьего всё доели, допили. Самое плохое — это мытье посуды, одолженное у сотрудников «Готеля». А ведра-те еле отодрали песком. Вышли на пристань. Уставшая, но довольная публика поплыла в город.

К сожалению, это был единственный и неповторимый выезд за город. Вскоре «Москву» спустили на воду и вся наша служба, которую мы называли «Юмористы» (от слова «Море» — кодовое название, устанавливаемой на корабли ВМФ системы, а «ЮГ-ЮГ», потому что была и северная бригада, работающая на севере), уехала в Саратов — на завод.

Впереди был Севастополь и новые впечатления.

«Медведь в гостях»

Был приглашен медведь
на бурундучий двор.
И стал ломать в гостях забор.
— «Медведь! Где совесть?
Как не стыдно?»
— Вскричал хозяин:
— «Мне обидно!»
Сказал тогда:
— «Ты, бурундук,
ведь знаешь,
как тебя люблю я,
друг!

Но право,
ты неправильно живешь.
Грызёшь орех,
но не по-нашему жуешь.
И непонятен мне порой,
твой разговор
А двор?
Неправильно стоит забор»
Поел,
попил,
навел разгром.
Перевернул хозяину
весь дом.
Потом на весь
лесной народ
ославил бурундучий род.
«Медвежья совесть» —
бурундук
Вскарабкался
на ближний сук
И думал: «Может, кто...
ну — заяц,
волк,
барсук,
хотя б лиса»

Замолвит за него
 словечко.
Чудеса!
Никто и слова не сказал
 на все окрестные леса
Мораль у басни есть.
Она проста:

«И, что тут тратить
 попусту слова,

Коль ты силён
 и голосом и телом,
То можешь поучать
 любого смело!»

Басня написана на одном вдохе, после прочтения Астафьевского опуса — «Ловля пескарей в Грузии».

Опубликована в газете «Советская Абхазия» по настоянию моего друга Саши Берулава. Правда, с вырезанным абзацем... и без посвящения Виктору Астафьеву.

Последний лосось

Российская военная машина после удара по Сухуми, словно змея, кольцами свивалась в Бомбора. Командование ДШБ спешно выводило всю новейшую технику, прошедшую испытание на поле боя против обезоруженных грузинских сил. На летном поле стоял постоянный гул от взлетающих «Антеев» и прочих грузовиков. Танки и артиллерийские системы обкладывались мебелью, антиквариатом и прочим награбленным имуществом. Высочайшее присутствие «Президента» также было обеспечено. Генералы и их шавки требовали к себе уважения. Они ему ещё долго будут нужны. Кроме того Бомбора для него самое безопасное место.

Интенсивность данного мероприятия длилась недели две. Русские, наверное, опасались, что международное сообщество может их уличить в чем-то, а то и обвинить в войне против Грузии. Но Грузия со своим Госсоветом у всех была на «одном месте».

Так или иначе, исход из Абхазии начался, и остановить его уже было невозможно.

План русских — Абхазия с минимальным местным населением и выжженной землёй осуществился блестяще. Границы Грузии отодвигались на двести с лишним километров. Контроль новой границы они взяли на себя, своим же решением о создании миротворческих сил. Для любых будущих отношений с Грузией это было хорошо. Единственная оставшаяся у России правительственная дача на юге в Сочи была отделена от будущего и настоящего «врага» относительно безопасным расстоянием. Под видом казаков в опустевшую Абхазию через Весёлую «дырку» можно было запустить бомжей, бродяг и всякую шваль вместе с «гусьями», «лебедями» и другой погоноватой нечистью. В дальнейшем за сохранение режима надо платить, и абхазское правительство (не путать с Правительством Абхазии в изгнании) будет отдавать натурой: сначала дома грузин, евреев, греков, а также неугодных армян и абхазцев, потом дома отдыха и т.д. и пр. Потом появятся неугодные или спяну, что-то сболтнувшие. Их будут бить решением «тайных вечереи». Начатый грузинами исход будет продолжаться не таким стремительным темпом, но непрерывно.

Повторяется сочинская схема отъёма грузинской земли. Сначала белый генерал Деникин оккупировал Сочи. Затем Советская власть, тобишь наши земляки, в 1937 году узаконили территорию в составе Российской Федерации созданием Краснодарского края. С 1937 по 1953 годы вынужденный основной исход грузин из Сочи и Адлера завершен. Свято место пусто не бывает, и оно заполняется беженцами и переселенцами из Кубани и России. Это поощрялось советским правительством. Позже этот процесс завершился созданием в крае мощной армянской диаспоры.

Сентябрьскую ночь — отражение грузинской крови, на освещенной ракетницами Сухумском небе, для «братских» русских, чеченских, абхазских, армянских батальонов делает особенно торжественной.

Двадцать седьмое сентября. Испытанный в боях со стариками, женщинами и детьми ещё в Гаграх, а также на похмелье — от выпитой стаканами крови грузин, этот сброд будет всё ночь дырявить окровавленный небосвод из всех видов оружия, празднуя взятие Сухуми. Для них конец сентября предвещает ещё немало «славных деяний» таких, как убийство Шартава, членов возглавляемого им правительства, чистку от грузин городов и поселков Абхазии. И это «славное» дело будет происходить под сенью Креста и Полумесяца и абсолютного молчания правительства России и Русской Православной церкви, а также мирового сообщества.

Мерхеульская дорога начала гудеть уже в середине сентября. Двадцать восьмого, в пять утра, я выехал на дорогу. Основной поток машин и пробку нагнал в Цебельде. Затор был многоряден. Единственное, что спасало, так это движение в одну сторону. Двигалось все с одинаковой скоростью: скот, люди, машины. Среди них был и танк с тремя пробоинами, молодым командиром сваном, последним зарядом в стволе и экипажем из трёх русских сухумчан, один из которых был ранен. Вся эта масса шумела, стонала и охала. Пробка была такой, что мы практически стояли на месте. Солнце припекало. Практичные женщины то здесь, то там собирали чебрец (горный чай), чтобы напоить детей.

Семьдесят двух километровый «тяни-толкай» продолжался четырнадцать часов, пока я не выскочил из него во двор к Эмзару. Во дворе стояли уже две машины. Его зять Хута и сестра Мери обрадовались нашему приезду, позже подоспел тесть Эмзара. Мы начали «распрягаться». Женщины стали готовить еду. Мери засутилась, вынесла для нас полведра молока.

Хлебом и молоком мы заморили червячка, а часиков в девять вечера сели обедать. Еда в горло не шла. Тема разговора и мысли были там внизу — в Сухуми, Мерхеули. Сидели допоздна. Подоспел и их сын Гоча. В доме собралось человек десять — двенадцать. Ехать дальше было бессмысленно. От Чхалты до Сакена все дороги и дворы были забиты людьми и транспортом.

Двадцать девятого на бреющем полете над устьем Кодора пролетели две российские двадцать пятые «сушки», да так низко, что я с пригорка разглядел лицо пилота ведущего истребителя. Перед домом движение не прекращалось. Сплошная масса из всё, и вся шла и шла на перевал. Я попытался выехать, но попытка оказалась неудачной, и мы остались. Гул этого движения не давал возможности сосредоточиться хоть на минуту, и мы весь день, и почти всю ночь просидели во дворе и проговорили ещё раз о наших бедах. Еды было достаточно и у меня — и в доме, так гостеприимно принявшем нас. Утром тридцатого мы узнали, что на перевале на днях выпал снег, и большое количество людей замерзло.

Радио, которое я слушал непрерывно, не передовало ничего, кроме каких-то баек Госсовета Грузии.

В нас ещё теплилась какая-то надежда, что гарант подписанных соглашений о невозобновлении огня — Ельцин, как-то отреагирует, но, увы... Реки грузинской крови так и остались на его совести.

Грузия же готовилась ко второму этапу гражданской войны, ко второму этапу борьбы за власть при помощи гробов.

Начиналось тревожное и ленивое утро. Некуда идти, нечего делать и сплошная лента людского потока на всем видимом протяжении дороги. К обеду приехали Хута и Жора на лошадях. Рассказали, что видели и слышали, и вдруг:

— Слушай, ты же рыбак.

— Да.

Тут оба наперебой стали говорить, что в Кодоре так много лосося, что хоть палкой бей.

Бери свой спининг и, айда, на яму.

Я стал отнекиваться, но два моих сванских брата настойчиво стали уговаривать, мотивируя:

— А зачем эти палки тащил сюда?

С тяжелым сердцем я расчехлил спининг, навинтил на него катушку, подполировал латунную атомку и наша троица, вооруженная двумя автоматами и спинингом с блесной, начала стометровый спуск к реке.

У слияния Чхалты с Кодором, вдоль скалы, после бурного переката, находится огромная яма с длинным плёсом. Туда мы и направились, уходя от печального гула машин и людей на дороге к вековому грохоту свободной реки. На какое-то время мы забыли обо всём, не видя за спиной дороги. Шум реки переборол её звуки, и мы оказались полностью во власти первозданной стихии. О нашем положении напоминали, лишь автоматы моих друзей.

Я вошёл в реку, поплевал на блесну и, сделав взмах, спустил леску. Золотистый блеск прочертил линию на сплошной зелени противоположного склона и метров за тридцать закончился белой точкой всплеска воды недалеко от скоса противоположного берега. Я начал выгуливать блесну. Повёл её по высокой воде. Она повиновалась каждому моему движению и была видна по всей длине протяжки. Ребята притихли и напряженно глядывались в зелень бархатных волн, вылавливая каждый золотой перелив взглядом. Наконец блесна коснулась песка в конце плёса и уже на брюхе стала подползать ко мне. За спиной послышалось оживление и шутливые замечания насчёт моих рыболовецких качеств и навыков. Я сделал второй взмах и пустил блесну круче. На сей раз, она ушла выше и, попав в затененную часть, показала место своего приводнения под самым концом переката. Выждав время, резким рывком я снял её со дна и повел в глубине. Несколько раз она сыграла, то ли об камни, то ли об корягу, и, описав невидимую дугу под водой, «виноватая» и пустая выскочила ниже меня по течению на берег. На сей раз раздался смех.

Ещё взмах, игра блесны и моя спокойная и азартная душа. Руки напряжены, все чувства в кистях рук и на кончиках пальцев в ожидании чуда...

Наверное, каждый рыбак поймет меня, прочитав эти строки. Всколыхнёт его душу — и тело мелкая дрожь и заставит так же, как и меня, забыть обо всем на свете. Я в то время был в реальном мире, вне реальности нашего положения.

Удар по руке я почувствовал после нескольких оборотов безинерционки. Удар был резкий, сухой, без всякой прелюдии. Провис лески резко вырезал воду и спиннинг мягко сыграл от меня. Напряжение медленно передавалось моим рукам, а тело била мелкая, приятная дрожь. В голове стучало: «Чудо, чудо, чудо!». Чувствовалось хорошее сопротивление. Леска со свистом резала толщину воды. Рыба пошла против течения на перекат. Я чуть поддался, примеряясь к ней, но поняв, что снасть

выдержит, понастойчивее стал докручивать катушку. На миг меня отрезвил вид моих друзей с автоматами на изготовку. Я расслышал слова:

– Вертолет? (Стрелять?).

Ужас моего положения был настолько комичен, что я, крикнув:

– Ара! (Нет!) стал дико хохотать. Я смотрел на них, мотающихся по берегу с автоматами, смеялся и инстинктивно выводил лосося из зеленой глубины Кодора – Кораси.

Вдруг хлопок, слабина, спининг выпрямился и красно-синяя молния из пены. Лосось поставил свечку, моё сердце ёкнуло, два ствола опустились и краем глаза я увидел восхищённые лица. Рыба опять ушла в глубину и всё пошло по кругу, по кругу плёса. Медленно и нехотя она шла на меня, брыкаясь и переваливаясь с боку на бок. Уже стало её видно. Хута и Жора танцевали на берегу неизвестный танец, радостно гогоча. Наконец, песчаная отмель, и сухой песок облепил нашего красавца. Красавца потому что попался самец с крючковатым носом в красно-синих тонах. Первым схватил рыбу Хута и стал её целовать. Нацеловавшись, мы развернулись опять к реке. Я сделал заброс. Леска сошла с катушки, вытянулась на всю длину, что-то щелкнуло... Как в стоп кадре я увидел около метра лески на конце спининга. Остальную длину уносил за собой медленный полёт моей блесны, пока она не плюхнулась под противоположной скалой. Паутина лески описала по ветру красивую линию, легла на плёс и растворилась в изумрудной воде.

Волшебство исчезло. Я повернулся. Вдали взгляд выловил ленту человеческого горя. Реальность вырвала нас из сказки, и мы побрели от реки. Постепенно она ус тупила шуму дороги и вконец сдалась, полностью сняв с нас вуаль её очарования, подарив миг счастья и последнего лосося.

Мой город

Я подъезжал к городу моего детства, в самый лучший город мира, при помощи объектива тайно крадущейся по городу портативной видеокамеры. Монитор беспристрастно фиксировал послевоенную жизнь старого города. Камера скользнула по набережной в разгар пляжного сезона: сначала в одну сторону, показав полузаброшенную Русскую школу. Затем, пройдя по набережной до конца по пляжу, вернулась к первоначальному месту съёмки. Жизнь проявила себя на этом пространстве тощей ковыляющей вдали собакой, а поближе, неким хрым и худым мужиком.

В другую сторону-сторону Грузинской школы — никого.

Далее она нас повела по городу: по улице Энгельса, Комсомольской, по центру. Вдруг в кадр влез некто долговязый, грозно спросив: «Кто такие? Почему снимаете?». Послышался разговор на абхазском, который, очевидно, удовлетворил любопытного. Потом по-русски, что надо уходить от греха подалее. Камера вводит нас в двухэтажный дом без крыши и полов с выросшей внутри дикой хурмой с довольно толстым стволом. Она пробилась сквозь центр дома, который очевидно был залом, и ушла в небо, не встречая помех на своём пути. Вокруг неё — похожие на декорации обгоревшие стены, умытые многолетними дождями, и вездесущий плющ-символ бессмертия в древней Колхиде. Раньше он украшал, а сейчас старается оживить, сожжённые жилища — памятники, наши прошлого благополучия. Камера шарит вокруг в надежде найти что-то живое, но натывается лишь на обожжённые руины, наружные лестницы, идущие в никуда, бывшие заборы без металлических и деревянных решёток. О воротах, гордости каждой семьи, нет и речи. После долгого блуждания в этом мёртвом мире, послышался возглас, и показалась женщина, бегущая в кадр. Она узнала оператора. Это, пожалуй, единственная семья, проживающая в этом богом забытом квартале. Во всём городе, наверное, несколько сот. В основном это новосёлы, вселившиеся в чужие дома и пришедшие сюда вкусить городской жизни — жители окрестных сёл, но так и не сумевшие вдохнуть жизнь в этот некогда бурлящий городок, которому уже более двух тысяч лет, со своими многонациональными традициями. Город, глазами которого была

увидена эпоха расцвета и упадка Колхиды и все последующие за этим времена, вплоть до начала этой войны, на подходе к нему, в селе Охурей. С тех пор он лишился глаз. Он ослеп от братоубийственной войны, и вконец, его глаза выгорели от бессмысленного подпаливания домов грузин, инакомыслящих абхазов и других. Остались только пустые глазницы, прокопчённые от дыма пожарищ. Город покинули даже те, которые были в первых рядах движения за «статус» или болели за него.

Некоторые, бросив свои дома, уехали в Сухуми, Гагры, поселившись в домах, покинутых их хозяевами, в основном, грузин. Некоторые оказались в Москве, других городах России, за пределами своей Родины. Они мечтали о независимости от нас и получили её. Мы же помним и видим тот любимый город и по своей толерантности не держим на них зла. Моё поколение (рождённое в единственном здесь роддоме, и принятое четырьмя акушерками), выросшее вместе, и только в 1992 году узнавшее, что кто-то из нас грузин, абхаз, грек, армянин — тихо, безмолвно начинает покидать этот мир. Боль утрат невидимой нитью, как нерв, связывает обе стороны. А ведь было иначе. Старшее поколение было счастливее нас, они сумели оплакать своих друзей и ближних. Потому что это был счастливый город со своими традициями.

В нём было всё: «биржа» в центре, два ларька друг против друга, два кинотеатра, парикмахерская, охотничий магазин, ателье, где также шили и знаменитые кепки наши отцы и деды, фотоателье, в котором почти не оставалось места для снимающихся из-за нескольких огромных фотоаппаратов на треногах. Замыкал этот парад замечательностей автовокзал, наводнённый шипачами из окрестных районов. А какие колоритные типажи... Инвалид на коляске из четырёх шарикоподшипников с лицом Хаджи Мурата и типичным, знаменитым именем. Одноглазый, подвижный мужичок, с вечной финкой в кармане и другой, коренастый, среднего возраста, с лицом похожим на яйцо индюшки, покрытое оспинами, с беспальными руками и быстрым, почти непонятым разговором. Здоровый, доброватый милиционер, у которого из дому, пока он спал, утащили аж двенадцать индюшек. Эти люди были колоритом городка и весьма уважаемыми гражданами.

А сколько знаменитых футболистов родилось и выросло здесь. И в этом мой город — чемпион! Несколько знаменитых князей, не потерявших, несмотря на пережитое, достоинства и уважения сограждан. А единственная, пострадавшая от

немецкой бомбардировки, одноногая старушка на костылях, с выглядывающей из-под юбки культей, зимой и летом, одетой в чулок, всегда вызывала сострадание. Я не могу выделить кого-нибудь из моего списка, но не сказать об одном из главных героев — герое Советского Союза — Мелитоне Кантария никак нельзя. Как не упомянуть Вианора Бокучава, пожалуй, лучшего драчуна сороковых годов, перекрывшим со своими друзьями портовскую дорогу в город, мородёрствующим и насильничающим матросам военного порта. Немало матросских зубов было рассеянно на портовском повороте, пока не прекратились их безобразия.

Разве можно забыть, как начинали собираться на городском пятачке (центре) наши ребята. В город выходили как на парад, выбритые, причёсанные, выглаженные и аккуратные, словно лондонские денди. Даже сейчас, по прошествии очень многих лет, очамчирцев эта аккуратность отличает от других, а в моих глазах они те же мальчики моего родного городского пятачка. К часам пяти — шести вечера они уже распределялись на несколько групп «по интересам». Пацаны же, крутились в парке около спортзала, который позже переделали в кинотеатр. Ночью там собирались картёжники, а мы напрашивались к ним «на атас». Рассредоточившись вокруг зала, мы всю ночь охраняли их игорный покой от нередких в то время милицейских облав. Утром при нормальном исходе получали иной раз до четвертака. Для пацана — это были огромные деньги. К примеру, в то время курица стоила два с полтиной, а билет в кино-рубль. Правда, не всегда удавалось подрядиться, но иногда мне везло.

Через улицу от парка был знаменитый во всём городе двор. Армянский двор, как его называли, был средоточием бараков и мелких домишек, стоящих почти замкнутым кругом с площадью посередине. Вечером уже на подходе ко двору было слышно, как кто-то выкрикивал номера бочек лото, доставаемых из мешка. Каждая цифра имела свои названия и эти монотонные слова приносили кому-то минутное счастье в виде грошей, стоящих на кону. Потом начиналось всё сначала, и в тишине поздней влажной, душноватой приморской ночи по округе разносилось:

Барабанные палочки (одиннадцать)

Дед (девяносто)

Армянский нос (семёрка)

Туда — сюда (шестьдесят девять)

Два армянских носа (семьдесят семь)

Полста (пятьдесят)

— Квартира! — выкрикивал кто-то. Его подхватили: «Давай по одной». Это означало, что бочки из мешка доставали по одной, до выигрыша.

Спозаранку куча товаров наполняла город, разнося разные сезонные товары. «Рыба-рыба», разносилось по кварталам, и вчерашние лотошники с Армянского двора предлагали прыгающую в оцинкованных вёдрах ставридку, барабульку (султанку), извивающуюся иглу (саргана) или другую по сезону рыбу. Город просыпался, наполняясь суетой. Кому было не лень, шли на набережную, где в море стоял сейнер, а курсирующая между ним и пляжем утлая лодчонка привозила новую порцию рыбы.

Здесь выбор был богаче. Камбалу, лобана, кефаль и другую рыбу предлагали по оптовым ценам. Мелкая рыба продавалась вёдрами — по три рубля. Мы же, вездесущие пацаны, встав раньше солнца, могли пройтись вдоль прибоя и набрать полведра крупной хамсы, выскакивающей на берег от преследующих её хищников. В это время года город наполнялся запахом жареной рыбы, вытесняющей, совсем или почти, из рациона питания мясо или птицу. С восходом солнца проснувшаяся детвора, сопровождаемая угрозами матерей, наспех перекусив, бежала на пляж. Это сейчас он разлинован черточками бетонных волнорезов и отделён высокой стеной-дамбой от набережной, а в то время-время моего детства это был очень широкий дикий пляж. Он заканчивался набережной, вдоль которой росли старые вечнозелёные магнолии и пальмы. Магнолии расцветали как-то вдруг, с дурманящим запахом, разносимым слабым морским бризом душной летней ночи. Утром они покрывались белыми большими пятнами, видными издалека цветами, которые становились желанной добычей городских влюблённых мальчиков. Пляж заканчивался обрывочком невысоким из песчаного пласта, а метров через тридцать была гравийная дорога — набережная. Всё это было ареалом детских игр в «войнуху», ловитки, казаки — разбойники, лахту, футбол и волейбол на прогретом полуденным солнцем морском песке.

Город просыпался, оживал, готовился или шёл на работу, а в понедельник он иногда начинался разборкой местного милиционера и торговца боеприпасами. Милиционер, любивший пострелять на свадьбах из своего служебного нагана, тряс продавца, набитого, как армейский склад, патронами разных калибров от всех систем револьверов и пистолетов послевоенного СССР. К примеру, так называемый, патрон пятого номера от дамского

пистолета стоил рубль пятьдесят уже на новые, послереформенные деньги. Он требовал дать ему несколько патронов у отбивающегося беспальными руками торговца. Утром свой наган он должен был передать сменщику в комплекте с патронами. Первоначальные увещевания кончались силовым изъятием патронов из кармана продавца, его ответными страшными проклятиями и смехом невольных свидетелей разборки. Но они всегда оставались друзьями — торговец патронами и популярный в городе милиционер. Это был город, где было место эмоциям, дракам, а, порой, и поножовщине. Но не было места злуде или мести из-за угла после драки, и жизнь шла размеренным темпом.

Полтора Ивана усаживался в свой «Москвич», складываясь как деревянный складной плотницкий метр, вызывая взрывы хохота наблюдающих за этим действием. Он и сам посмеивался, не обижаясь реакцией окружающих на его двухметровый рост. Или, как сохранив манеры прошлой, отнятой у них жизни, прогуливались два пожилых местных князя. Статные, ладные, с достойной осанкой они неспешно вышагивали по улице. Их нельзя было не заметить, ибо, хотя ободранные и униженные новой властью, не утратили своего благородства, вызывая зависть и любопытство окружающих. Они же продолжали путь, в который раз вспоминая эпизоды своей прошлой красивой молодости, известные дворянские семьи и судьбы их постигшие.

Очамчире — маленький приморский городок с тысячелетней историей, который командование Черноморского флота СССР накрыло, словно крышкой, построив штаб Очамчирского военного порта на холме с развалинами древнейшего города Причерноморья — Гюэноса. Тем самым уничтожив даже саму мысль о раскопках на этом историческом месте. Но город, новый город, чуть сдвинутый в сторону, жил, и городская пацанва, откалывая от утрамбованного песчаного пласта куски величиной в кулак, играла в войну, используя их для поражения противника. Этими «гранатами» «убивали» друг друга. Попадая в противника, они рассыпались, оставляя след на теле или одежде, и «воин» считался убитым. На пляже выкапывали окопы, строили укрепления и «улица на улице» обстреливали друг друга. Больше всего страдали голова и задница. В волосах накапливался песок, а по заднице попадало вследствие этого от отцов и матерей. То там, то здесь по дворам были слышны результаты таких экзекуций. Мальчишки постарше играли в футбол на песчаном пляже,

который часто прерывался разборками из-за плохого судейства или слабости ума и дурной силы одного нашего соседа, который мог просто не признать результат матча. Он разгонял всех и, сидя в центре поля, не давал продолжать игру. Вследствие чего, она смещалась метров на пятьдесят влево или вправо по пляжу. Город моей памяти жил размеренно, как наверно все подобные города. Радость и горе были общими. Все знали друг друга и обо всех. Заняться особенно было нечем.

Ситуация резко изменялась летом. Вокзал наполнялся хозяйками, сдающими жильё курортникам. Нельзя сказать, что город был очень курортным, но для местных «нужд» курортников было достаточно. Оживали турбазы, рестораны, пляжи и вечерняя набережная. В кино невозможно было достать билеты. Всё наполнялось. Город бурлил, наполняясь суетой и доставляя беспокойство местным жёнам и матерям за своих мужчин. Но сезон кончался, курортники разъезжались, и жизнь входила в обычное русло.

Так жил мой город, такой близкий и сейчас такой далекий от меня. Мы здесь — они там... Он недоступен и это так непривычно. И как с этим смириться?

Ключ в замочной скважине

Странно, но я так четко ощущаю себя там. В пацхе у открытого очага в чуть задымленном тесном пространстве. Передо мной головешки, которые надо чуток подтолкнуть, чтоб они соединились в центре, и стимулировали новую вспышку пламени, сначала маленькую с дымком, пробивающегося через тесно обнявшие друг друга деревяшки. Язычки пламени постепенно пробивают себе путь, становясь всё сильнее, жарче, мощней, но всё то, откуда они пробились, т.е. их «родители» — дрова, иссякают, тают на глазах и со временем превращаются в пепел-золу, а там, и в землю. Воистину картина жизни — из земли вышел, в землю уйдёшь. Головешки опять надо придвинуть к друг другу и всё сначала.

Вокруг тесно и немного суетливо. Я самый старший. Вон тот кучерявый, сам себе что-то озвучивает, а та, которая сейчас пицтит, самая махонькая. Люлька покачивается, приводимая в движение ногой старшенькой.

— Сколько раз говорить — качать люльку рукой, но кто слушает. Так, говорят, удобнее. Я качал её в детстве только рукой. Но, что делать. Новые времена, новые навыки. Тем более, что одновременно можно играть огурнаией (орех фундук, нанизанный на бечеву определенным образом), которую я недавно изготовил для неё. Периодически она растягивает верёвочки, закреплённые на больших пальцах, а он — орех вертится на этой верёвочке, как бешеный, и гудит у...у...у... Я улыбаюсь. Как она быстро усвоила. Девочка подносит вращающийся орешек к губам, сворачивает их определённым образом, а орешек гудит и разговаривает: гу...м кв...аль, гу...м кв...аль (мамалыга... сыр.... мамалыга....сыр).

Огурнаию можно заставить говорить и другие слова, но старшенькая знает, только эти два простых приёма и, следовательно, два слова: гум кваль, гум кваль... И вдруг люлька начинает качаться на неровном, натопанном годами земляном полу, в ритм звукам. Я же думаю, что никак за всю свою жизнь не смог убрать эти бугорки в моём доме, в котором растёт вот уже третье поколение. В доме пока внуки. Уже вечер. Скоро вся семья будет в сборе. Запахнет закипающим молоком, в старом закопченном котелке, висящем на лянъче (очаговая цепь), в подвешенной на перекладине пацхи. Она моя. Отцовская была стара. От неё осталось несколько перекладин и вот эта лянъча,

которая была и до меня, и до моего отца. Она с издевкой смотрела на меня своим вязаным орнаментом, как бы говоря, что и меня переживет.

Как бы извиняясь, чуть покачивала головой, меня окрас под воздействием облизывающих её языков пламени разгоревшегося очага. Вдруг сразу стало шумно. Почти разом все вошли и бабушка с внучкой, интересовавшейся, как надо доить корову, и сын с невесткой. Невестка стала процеживать молоко и готовить его к переработке. Часть налили в котелок, другую — в большую посуду и оба подвесили над огнём. Большую, сняли очень быстро и унесли в угол пацхи. До чего всё знакомо. Каждый день и всю жизнь в одном порядке и ритме. Вроде должно было надоесть, но нет, всегда разный запах и, с годами, разные действующие лица.

Сейчас этим занята невестка. Она шустро влила в молоко сыворотку, помешала его свежесрубленной инжирной палочкой. Под конец в молоке прочертила большой крест. Потом сняла со стены табаки. Моя же хлопотала около дерги (глиняная посуда с широким горлышком для хранения сулугуни, в ней так же засаливали капусту кольраби).

На сей раз был мой «выход». Я отодвинул горячие головешки, отделив крупные угли в одну сторону, разравнял их, вытащил из ножен нож, разрезал крупные головки холодной дневной мамалыги пополам и положил их на сверкающие угли. В пацхе разнесся запах подгорающей кукурузной муки. Все задвигались по направлению к столу-табаки, снимая с плетённой стены пацхи, маленькую треногую табуреточку — квела. Невестка села к нам спиной и, достав отяжелевшую за день грудь, стала кормить малявку в люльке. Огурная замолкла, послышалось легкое сипение, которое перемешивалось с потрескиванием кусков мамалыги на притухших углях.

На табаки поставили тарелки, рядом нарезанный ломтями сыр-сулугуни и соленные коренья ярко красного цвета. Я их нарезал, маленькие сразу взяли кусочки мякоти — хрустящие, чуть прохладные. Сын улыбнулся, сев рядом, сказал:

— Я тоже люблю сердцевину хули (кольраби), но уже не успеваю за ними.

— Эх! А что мне говорить! — отщутился я, и, протянув руку, взял листья, хотя и сердцевины было вдоволь.

Наконец это все дополнилось маленьким котом (глиняный горшочек, специаль но для приготовления лобио (фасоли)). Женщины обслуживали нас — это такая традиция, а вовсе не

то, что думают некоторые гости, не понимающие, почему за мегрельский стол не садятся женщины и подростки.

Я поднял прожаренные ломти мамалыги, отряхнул прилипшие на них полузатухшие угольки и положил на столик. Трапеза начиналась медленно, не спеша. Старшие — потому что спешить было некуда — был конец дня, а младшие ждали главное блюдо — пучхолия (горячее молоко с накрошенной в него мамалыгой и присыпанное горсточкой соли). Тот же, кучерявый, похожий на меня, только без усов, вообще игнорировал нас, то и дело, дергая свою мать за подол платья. Наконец молоко над очагом вспенилось. Сын успел снять его с лянчи. Внуки оживились. Первая смена трапезы завершила. Дети встали и женщины присели к столу. Потом маленькая уборка. И вот мы сидим у костра. Бабушка увел маленьких в оду (спальный дом) усыплять. После трапезы наш пес тоже заглянул в помещение, но зайти не посмел. Получив еду, почавкивая, удалился на свой «пост». Настало время расслабиться, пошутить, поговорить. Я вытащил свою трубку на длинном тонком мундштуке из лекухи (дерево) и сделанную из белой обожженной глины, «посуды» величиной с крупный наперсток, который набил табаком. Сын уже заклеивал слюной свою самокрутку.

— Эх, эти новые времена-уже не трубка, а какая-то бумага. - подумал я — Нет, чтобы табак курить, тут ещё и бумажный дым глотать. А как он воняет!

Сын, очевидно, прочитал мои мысли. Посмотрел на меня и спрятал улыбку в усы. Я же неспешно продолжал снаряжать свой «кальян». Вытащил из кисета обеди (трут, определённым образом выделанный гриб для добывания огня с помощью огнива) притоптал его на табак, взял маленькую веточку из очага и угольком на её кончике раскурил трубку. По пацхе разнесся удивительно приятный запах, дополняющий благоухание тлеющего в трубке самсуна (сорт табака).

Очаг медленно догорал. Он и сегодня приостановит свою деятельность, как и всегда за последние несколько тысяч лет в Колхиде. Головешки разнесут по сторонам, а горящие угли засыпают толстым слоем золы. Так он будет спать до утра, пока старшая хозяйка дома не разгребёт его утром и ещё тлеющие угли с её помощью родят новый огонь. Очаги Колхиды горели вечно. Опять как в жизни! То ли мы копируем огонь, то ли он нам подражает.

Невестка занялась стоящим в углу молоком. Оно уже свернулось и ждало своего часа явления миру. Молодая женщина изящно помогала рождению сыра.

Масса сначала разваливалась, но ласка её рук тихонько, без суеты скрепила её в довольно большой шар. Шар становился всё меньше и меньше, а она ласкала его, перекатывая из одной ладони в другую и обратно. Наконец он родился, окреп и его положили в дерги¹, на вчерашних его соплеменников.

— Эх, самое лучшее будет послезавтра, — подумал я. — Когда они созреют для превращения их в сыр — сулугуни.

Вдруг меня унесло лет на пятьдесят назад. То ли от увиденного, то ли от сильной затыжки я наяву увидел бабушку в чёрном платье, которое она никогда не снимала после смерти своего мужа — моего деда. Увидел настолько четко её руки, унизанные крупными венами, сильно выдающимися под тонкой кожей, обтягивающей её кисти, и длинные, красивые пальцы, притаптывающие полуготовый сулугуни. Я в этом процессе обязательный участник. Бабушка затягивала сыр и образовавшийся в центре узелок срезала. От удовольствия я закрывал глаза и чуть теплый комочек сыра согревал мне рот и с легким хрустом впечатывался в мою память. Потом в дом пришла молодая хозяйка—жена моего отца. Я же по памяти продолжал стоять около стола во время готовки сыра, но узелок сулугуни она почему-то втаптывала в сыр.

Бабушка по этому поводу выразила своё недовольство, но получив в ответ, что у них дома кусок не отрезали, замолчала. Я же после этого получал молочко, оставшееся в посуде после приготовления сыра. Правда, молодой сыр прямо из молока мне доставался в виде хорошего, белого, чуть кисловатого, пухленького шмата, который можно было глотать, даже не пережевывая.

... Так заканчивался день. Сын с супругой удалились в свою комнату, унося люльку с маленькой. Я, «укрыв» очаг и вытряхнув трубку, медленно побрел в оду. Вот так оно было. Это была семья, которая жила так многие века. Молодые рождались, росли, старые уходили. И всё это было при всех и со всеми на виду. С переживанием, горем и радостью, ежедневными достижениями и проблемами внутри большой семьи. Кто-то привыкал, кто-то учился, кто-то поучал и с годами, притираясь друг к другу, становились монолитом, который назывался семьёй. Конечно, бывало и так, что этого не происходило. Где-то соскакивало, что-то не притиралось, не склеивалось и вело к отторжению кого-то из этого «сообщества». Затем процесс начинался заново, но кто-то обязательно оставался в проигрыше.

¹ специальная цилиндрическая посуда (вроде ведра) из древесины лины для длительного хранения сыра сулугуни.

В основном это были дети. Я это пережил, а все, что до этого рассказывал — было не со мной.

Это гипотетически. Так было раньше. И обеды, и квела с табаки, и огурнаа, и всё прочее — это всё из моего белобрысого детства.

Сегодня у нас всё в порядке — у всех квартиры, дома, семьи. У всех всё своё — врозь. Есть и девочки, и кучеряшка, и малявка, правда, в современной кроватке.

Нет, я не за очаг, пацху или люльку, но....

Сидишь дома, как сыч. Техники вокруг навалом. То в компьютере, то в мобильнике, то в домашнем телефоне иногда слышишь:

— Как ты? Что делаешь?

Порой, даже некогда зайти, спросить это в лицо или сказать:

— Здравствуй!

Всё есть, кроме того, может тяжелого, может суетливого, может неудобного или несовместимого, которое требует терпения, труда, спокойствия и, иной раз, осаждения своей гордыни в ущерб тому... — Семье — большой, разновозрастной, разноликой с разными интересами, но семье — монолиту.

Я не знаю, но в этом монолите, наверное, и умирать будет легче? Не знаю, но верю.

Но мы уже давно начали жить иначе и вернуться к прошлому невозможно.

Все хорошо, всё прекрасно, но когда ты один, то не хочется закрывать двери на ключ или задвижку. Жалко врачей скорой помощи или родню, которые не смогут войти в квартиру из-за ерунды — задвижки или оставленного ключа в замочной скважине.

Щука

Будильник, затрещав, разбудил меня, заставив, сердце бешено колотиться. Я долго ждал этого дня, когда, наконец, пойду ловить крупную рыбу — щуку.

С вечера всё было приготовлено — только одеться и в путь. На часах начало третьего утра, на улице темно, звезды особенно ярко светят под утро, как бриллианты чистой воды, переливаются на все цвета радуги. Погода обещает быть жаркой. Июнь. Впереди летние каникулы и большие планы. Рыбалка по окрестностям города — на реках и озерах моя давнишняя мечта. Но до сего дня меня не пускали далеко, и я довольствовался рыбалкой в Кочаре, на реке Цхенцкаре и маленькой речушке, проходящей по краю бабушкиного кукурузного поля, вдоль густых зарослей высоченного бамбука и, конечно же, на Очамчирском пляже, а также в военном порту и на молу.

Разрешение пойти на рыбалку, на реку Цорку я выклянчил за несколько дней, обманув мою тетю, что иду с друзьями на целый день. До реки километров семь, где то около полутора часа ходу моими шагами. Уговорить же пойти на рыбалку кого-нибудь не удалось. В то время (а это 58-59 г.г.) в Очамчире, да и вообще на всем этом пространстве рыбачили удочками в основном русские. Местное население предпочитало традиционные методы ловли сетью, на вентери, перемёты, а также старейшими методами ловли рыбы: растительная отравка и перекидывание (изменение) русла реки, да и снастями разжиться было не так-то легко.

Первый способ ловли растительной отравой заключался в следующем: собиралась группа людей — молодых, старых, детей — находили глубокое место — омут в реке, потом, расположившись на берегу, вырезали длинные палки лещины — дикого ореха-фундука. Закончив заготовку палок, переходили к сбору листьев дерева лэфон (название мегрельское), росшего вдоль берега. Листья и молодые ветки лэфона (lefonti) складывали в горку на гравийном пляже речки и лупили по ней палками. Дробление кучи продолжалось минут двадцать, после чего раздробленную кашу ядовитого темно-зелёного цвета ведрами зачерпывали и выливали в воду. Наиболее высокие входили в омут и палками начинали его баламутить. С этого момента

начиналась последняя стадия рыбалки. Каждый находил себе место в реке и высматривал рыбу на мутной пенистой поверхности. Она высовывала голову из воды, как бы хватала воздух ртом. В это время её били палкой и, убив или оглоушив, выбрасывали на берег. Мальши собирали весь улов в кучу. В конце рыбалки начинался делёж на всех участников по общепринятому принципу — поровну. Не путать с русским, по-братски. Этот способ имел и другую интерпретацию — листья не дробили, а варили в огромном котле, и это варево выливали в реку. Это требовало дополнительного «оборудования» в виде котла или выварки, а также дров. Всё остальное было стандартным.

Второй метод был простой, но очень трудоёмкий. Находили на реке раздвоение русла. Одно при помощи временной дамбы осушали, перекидывая воду в параллельное, а из осушенного, собирали руками всю оставшуюся рыбу.

Итак, уговорить мне никого не удалось. Тем более, что в то время рыбалка среди пацанов, да и среди взрослых, была непопулярна. Все окружающие меня друзья были либо футболистами, либо болельщиками. Рыбалка-это вроде для «плебса». Но я любил это дело и ради этого в темноте брёл по улице Руставели в сторону реки Галидзги, временами направляя моё удилище на выскакивающих на меня из дворов собак. Намного позже один из таких Церберов испортил мне рыбалку, откусив почти метр моего бамбукового удилища. Рыбак поймёт моё тогдашнее состояние. На сей раз этого не произошло, и я дошагал до Галидзги, потом пошёл к мосту по центральной дороге, по которой мне нужно было дойти до поворота на Цорку. Много времени прошло с тех пор, но я настолько хорошо помню то утро, что иной раз кажется, что это было вчера, как и многое другое из моего прошлого. Я не шел, а буквально летел по дороге и, наконец, поворот на гравийную просёлочную дорогу. Я здесь не был никогда, просто мне объяснил один из рыбаков как туда дойти, но там не было одного эпизода... В рассказе не упоминалось кладбище вдоль дороги, которое я не разглядел на уже начинающем светлеть горизонте. А увидеть кресты и надгробья было настолько неожиданно, что закрадшееся сомнение, чуть было, не развернуло меня в обратную сторону помимо моей воли. Я окаменел. Учитывая то обстоятельство, что у меня не было никакого опыта ходить вдоль кладбища под утро или ночью, то ко мне подкрался крупный мандраж. И так, как вы, наверное, поняли, у меня случился «столбняк».

Я остолбенел и не мог сдвинуться с места. Это было сверх моих сил и возможностей. Ко всему прочему мне послышался какой-то хруст-хруст-хруст... Это было последним толчком. Стал медленно поворачиваться, чтоб сорваться по прямой в обратном направлении, как вдруг услышал:

— Ты, что пацан, одубел?

Это меня напугало ещё больше, но я увидел знакомое лицо в проблеске сигаретной затяжки.

— Что, пересрал? — Ха-ха! — Ты небось, на рыбалку? — и опять — Ха-ха-ха, ничего, ничего, не только тебе, но и мне жутковато здесь проходить спозаранку. Ну, пошли, двигай, а то уже вон, светает. Так и до места не дойдем вовремя!

С этого момента моя жизнь окрасилась в радугу. В деревне, в которой мы оказались, собаки были злее и дружнее, и ночью, в одиночку, там я бы не отважился пройти. Но, как ни странно, после этого я там ходил, и нигде и никогда собаки меня не обижали, ни количеством, ни качеством, и ни одна, даже самая злющая, меня не укусила. Наверное, «своего» видели во мне.

Мой спаситель и спутник был дальним соседом, я его хорошо знал, да и он меня быстро распознал в темноте, и у нас завязалась очень квалифицированная, особенно с «моей стороны», беседа на рыбацкую тему. Наконец он понял, что я совсем профан, особенно в «щучьей специализации», и стал рассказывать мне как её ловить и, что особенно ценно, он мне подсказал, где в такое время её удастся поймать и обязательно, даже такому фрэеру, как я. Память у меня и сейчас ничего, а тогда!.. Я всё запомнил.

Наконец, мы вышли из деревни на песчаную дорогу, идущую вдоль морского берега. Уже довольно четко было видно все вокруг. Красота гладкого моря с еле заметным прибойчиком, ласково глядящая прибрежную гальку дикого пляжа, зачаровывала. В темноте появился силуэт какой-то перекладкины через дорогу — вроде шлагбаум. Нас остановили солдаты:

— Стой! Кто идёт!

— Да на рыбалку мы, что не видишь! — огрызнулся мой попутчик

— А, ладно, иди, иди. Курить не найдется? — спросил второй

— Папирос нет, а табачку подкину. — Он вытащил из кармана кисет, достал бородку доброго местного табака и положил в протянутую ладонь солдата.

— А вот бумагу дать не могу — она у меня на счёту, даже на день может не хватить.

— Спасибо, мы газеткой закрутим.

Отделавшись маленькой взяткой, мы благополучно прошли пост. Солдаты охраняли периметр одного из военных полигонов-стрельбищ архипелага, тянущегося от Очамчиры в сторону Поти и Батуми. Кроме этого, их на побережье была тьма, потому что зона считалась приграничной с «вражеской страной» Турцией. Иной раз случалось, что нас, рыбаков задерживали или не впускали. Тогда мы отделялись пачкой припасённого «Беломора», «Казбека» или других папирос. Однажды вышла осечка, но об этом потом, а сейчас, в сотне метров была Цорка, появившаяся из леса, выгнувшись в нашу сторону, дальше выравнивалась и, расчёрсанная понтонным мостом, голая, по песчаному пляжу входила в море.

Такую реку я видел впервые. Водная гладь кое-где была покрыта рванными, туманными, стелящимися «облачками», через которые проглядывали островки листьев лилий и жёлтеньких цветов, как будто наклеенных на стекло. Но вот хлопок-это, очевидно, рыба балуется и. оглушительное «ква-ква-ква» — в эту рань. Это была картинной, иллюстрацией, а может быть натурой художников — передвижников. Там густые заросли тростника, поодаль камыш и всё это на том противоположном берегу, обрамленному толстой тёмно-зелёной рамкой высоченного ольхового леса. Между деревьями сновали трещащие черные дрозды и прочие мелкие лесные пичужки, а также чайки разных размеров. Чайки — от больших мартынов, важно выпшагивающих по влажному прибрежному песку, и иной раз выстреливающих из под хвоста сероватый жидкий помет, и до маленьких, грациозных созданий, парящих в небе.

— У, суки! Весь берег изгадили! Кыш! — произнес мой менее романтичный спутник и наставник, махнув на них связкой удилиц.

Птица нагло посмотрела в нашу сторону и прошагала несколько шагов по берегу.

— Ах ты стерва! — разозлился рыбак и более решительно цыкнул на неё. На сей раз мартын поднялся в воздух, взглянув на нас высокомерно, как бы намекая, мол «положил на вас!». Остальные тоже взлетели, освободив берег реки и довольно уютный и красивый заливчик с вбитыми рогатинами у кромки воды.

Я с открытым ртом смотрел на летающих над нами мелких чаек, и стремительно перелетающих с места на место, ковыряющихся в песке бекасики. Так мы шли вдоль реки в сторону единственного понтонного моста-переправы, приближаясь к месту, где сидела стая мартынов, пока «дед» не выдохнул:

— Всё, я на месте, а ты топай через понтон метров двести по дороге, свернешь на первую дорогу налево, дойдёшь до маленького мостика через речушку и сразу влево, через кусты выйдешь к реке. Живца лови в речушке с мостика. Ни пуха, ни пера!

— К чёрту! — «огрызнулся» я и, сказав спасибо за совет, поплёлся дальше. Во мне уже накопилась определённая доза усталости, хотелось прийти на место поскорее.

Я подошёл к понтону, где оказалась ещё пара солдат, они без интереса посмотрели на меня. У меня не могло быть ни сигарет, ни водки, я был слишком для этого мал, да и выглядел я довольно смехотворно с огромным шестиметровым бамбуковым хлыстом, намотанными на него двумя удочками и торчащими поплавками: большим и маленьким.

— Ты на что?

— На щуку! — сказал я. Солдаты с хохоту чуть с понтона не свалились.

— Ну-ну, ха-ха-ха.

Под аккомпанемент их ржания я с гордостью перешёл мост, как большой мышонок с огромным бамбуковым хвостом. Они ещё долго укатывались, вставляя реплики между взрывами хохота.

Наконец, маленький мостик через речушку налево, сквозь кусты, и я вышел на обрывистый бережок излучины довольно обмелевшей реки. Вода в ней была мутноватой, без растительности, поодаль в реке торчали какие-то ветки, коряги. Но это поодаль, а до этого слабенькое течение, ближе ко мне, метрах в четырёх, глинистый берег, кончающийся невысоким, с полметра, обрывчиком, на котором стоял я. Место глухое, жутковатое, но именно то, которое описал мой спутник. Выбирать было не из чего. Надо было ловить живца — меленькую рыбешку для насадки на крючок. Две снасти, намотанные на удилище, моя рационализация. Чтоб не таскать два удилища, я рассчитывал одним выполнить две задачи — выловить несколько живцов, а потом уже на другую, более мощную щучью снасть ловить хищницу.

Итак, я размотал тонкую живцовую снасть, посадил на неё червячка и закинул в затончик, пытаюсь поймать любую рыбешку, но ничего не удавалось. Пробовал ловить на хлеб, кузнечика, гусеницу и уже собирался и «гопака сплясать», но рыбка не ловилась. Я её видел сквозь воду, всем телом чувствовал, знал, что она здесь, но она не хотела клевать.

Солнце встало, и я ясно понял, что мог дома часа три поспать, а не плестись спозаранку, не зная, куда, но... Я сидел на мостике и задремал, как вдруг почувствовал толчок на моем огромном удилище. Дернув, понял, что что-то поймал. На проводке болталась довольно упитанная и крупненькая плотвичка. Я её отцепил от крючка, быстро оторвал живцовую снасть от кончика бамбука, размотав щучью, всадил тройник в бок плотвы. Рыбка дернулась и превратилась из живца в мертвеца. Как я понимаю сейчас, мне надо было тройник осторожненько зацепить под верхним плавником, а не совать в бок. Тем самым она должна была остаться надолго живой, приманивая хищницу, плавающая закрепленная на крючке. Но это потом, а сейчас мой живец торчал на огромном тройнике, как сушеная таранка.

Так или иначе, я думал, что так надо и хлопнул по плёсу своей «совершеннейшей» снастью, ко всему вдобавок, ещё по инерции не удержав свой огромный бамбук, хлестнул им по воде. Хлопок был таким, что в радиусе полкилометра вся рыба должна была уплыть на полтора. Но дело сделано. Я выломал рогатину, воткнул в глинистый берег, положил на неё удилище и занялся наматыванием моей первой тонкой снасти на мотовило. Присев на травку, стал ждать поклёвку.

Мой взгляд не отрывался от огромного поплавок, ходившего из стороны в сторону под действием слабого течения кофейно-молочной реки. Я смотрел, стараясь не моргать. Солнце тем временем приближалось к зениту, но поплавок только покачивался, как голова китайского болванчика. Но «на войне, как на войне» и я, не моргая, продолжал смотреть на кулакообразный поплавок, как вдруг почувствовал, что, вроде, монотонность его движения изменилась. «Показалось» — мелькнуло у меня в башке, тем более, что я никогда не видел, как она должна клевать. Мне сказали, что поплавок должен двинуться в какую-нибудь сторону, надо дать рыбе хорошо увести его, а потом сильно подсечь. Это мне известно было теоретически, а на практике не было реализовано.

Вдруг пробка дернулась, на мгновение остановилась и, не спеша, стала двигаться вдоль течения. Я понял: свершилось! Схватив двумя руками удилище, что есть силы, дернул вверх, но из-за его массы не смог сделать это резко и, естественно, не посадил щуку на крючок крепко, но, тем не менее, на другом конце была огромная тяжесть. Удилище изогнулось в дугу, я от неожиданности упал, но рыбина помогла мне приподняться — настолько сильно было её сопротивление. Леска со свистом

стала ходить по воде, иной раз показывая проволочный поводок и довольно крупный бурунчик на воде. Это было впечатляюще. Пацан, десяти-одиннадцати лет, впервые зацепил довольно крупную рыбу и один старается её вывести-вытащить из воды.

Таскали мы друг друга довольно долго. Тогда мне казалось это вечностью. Рыба поддавалась. Медленно, но уверенно, я повел её в мою сторону. Наконец, эта бешенная показалась из воды и скользнула на глинистую часть берега. Метра полтора она скользила по глине без движения. Я, приподняв её голову, заметил, как она, стукнув хвостом, взвилась. Мой поплавок почему-то пролетел над головой, просвистев тройным крючком. Щука упала в грязь, а я на свою худую детскую жопу.

Удар приземления осенил меня:

— Она сорвалась!..

Очнулся в грязи, липкой, вонючей, с гнилым привкусом на губах. Открыл глаза, но они были замазаны, и видимость была хреновой. Я лежал плашмя, и подо мной в толще грязи билась здоровенная рыбина. Надо было её брать. Обычно рыбу брали под жабры. Сунул в грязь руку, нащупал её голову, воткнул под жабры ладонь. Поняв, что я её ухватил, попробовал привстать, что мне удалось с трудом. На четвереньках, вместе с щукой выполз на спасительный обрывчик. Щука, остервенело, билась у меня в руках. С трудом, найдя сучек, врезал ей по темечку — раз, другой, пока она, дернувшись, не затихла. На всякий случай проверил — живая ли, а потом стал оценивать ситуацию. Первое: снасть была вплетена в ветки ближайших кустов и колючек. Хорошо, что в пределах досягаемости. Второе: на мне не было чистого места, даже величиной с монетку. И в трусах была жидкая масса. Похоже, укакался. Но это оказалась грязь. Я был вымазан, как мегрельская свинья после грязевой ванны. И это было плохо. Щуку я видел формой, но не в цвете.

Раздеваться не было смысла. Взяв рыбу, пошёл в сторону мостика, нашел менее закоряженное место и влез в воду. Щука стала бело-зеленой в полоску, мои пальцы были почему-то ярко красными. Приглянувшись, увидел на них кровавые бороздки. Я не знал, что у щуки жабры колючие, и он могут до крови разодрать пальцы. Я же пока оставался бело-черным с метановой вонючестью. Наконец отмылся. Попробовал поймать живца, но понял, что не удастся. Голь на выдумку хитра. Я подумал разрезать щуку и вытащить живца — «мертвеца». Это мне удалось легким нажатием на её живот. Снарядив им снасть, я её опять

забросил и стал ждать следующей поклевки, тем более, что мне надо было ещё и обсохнуть.

Выжимать одежду не имело смысла. Солнце было в зените, стояла сильная жара. Клёва не предвиделось. Наконец я просох до «дна» и вспомнил, что голоден. Развернул узелок, достал еду, бутылочку воды, присел на чистое место и с удовольствием стал уплетать домашний сыр, заедая его хлебом и запивая водой. Уже моё внимание не так сильно было обращено на поплавок. Я считал: знаю, что и как, признаки поклёвки, мог их заметить, не «глядя поплавку прямо в глаза» и это случилось. Поплавок враз вошёл в воду. Я с набитым ртом — хват, за удилище... и дернул. На сей раз снасть со свистом пронеслась мимо уха. В речке что-то сильно булькнуло, создало бурун, пустив от места крупные круги. Я понял, что ещё ничего не знаю. Оказывается, щука клюёт, но по — разному, а подсекать надо одинаково, погода, и не сразу. Она съела моего живца. Я доел свой хлеб с сыром и через пятнадцать минут с большой щукой за спиной и огромным, несуразным удилищем под палящим солнцем потопал к дому. Город я прошёл под одобрительные возгласы:

— Ай, молодец!

Один мужик даже попросил меня продать рыбу Но... какой нахал!!! Мне... продать рыбу!?

Домой пришёл взмыленный, уставший, и умирающий от жажды, но с какой рыбой!!! Моя тетя была уже дома, после ночного дежурства в Очамчирском роддоме. Увидев рыбу, она ахнула. Но, заметив мои исцарапанные, с запекшейся кровью пальцы, охнула. Потом долго и тщательно обрабатывала мои «боевые» раны спиртом. Я храбро терпел боль. Триумф был полным!

Четырехствольная «каракатица»

Обычный день летних каникул начинался с ожидания чего-то необычного. Утром я бежал на берег моря, где собиралась вся братва. Эх, благодатное время без забот и тревог, полное радости и удовольствия!

Моё утро чаще начиналось с ловли рыбы — бычков, ставриды, барабульки, иглы (саргана)... всех не перечислишь. Потом удочка выбрасывалась на пляж и целое утро продолжалась игра в ловитки в море. Мы даже забывали про голод, пока какая-нибудь из мамаш пацанов, живущих на набережной, не начинала звать своего отпрыска на обед, стараясь перекричать шум прибоя. Солнце также начинало беспокоить и, подобная нам «мелочь» с пляжа исчезала. Место на пляже занимала более солидная публика, которая в основе своей была русскоязычной, а также не русскоязычная, но состоящая в основном из местных молодых, здоровых парней, слоняющихся по пляжу, в надежде назначить на вечер несколько свиданий.

На пляже у всех был свой интерес. Одни ждали, другие надеялись. В основном почти всегда их интересы совпадали, и вечерами по всем укромным уголкам маленького городка было слышно ласковое воркование. Рестораны также не отставали, но там сидела публика постарше, которой уже недостаточны были инстинкты, нужен был ещё и допинг. Все остальное происходило так, как во времена Адама и Евы.

Нам же эти развлечения пока не были нужны и вскоре однообразные пляжные процедуры начинали надоедать. Создавались группы пацанов по интересам. Многих развозили по пионерским лагерям или по бабушкам. После нескольких дней уговоров мне, наконец, удалось сплотить команду и уговорить её пойти в поход на речку.

Сборы были короткими. Наутро, собравшись в условленном месте, ватага двинулась в сторону Цорки. Недавние впечатления толкали мои мысли именно туда. Один из моих друзей очень хорошо знал эти места. Недалеко отсюда находилась деревня его дедушки и бабушки. У каждого из ребят была своя снедь, не отличающаяся разнообразием. Обычно это были консервы: килька, бычки, сардины в томатном соусе. Вторым блюдом была баночка сгущенного молока, горсточка конфет — подушечек или ириски. Особенно любили ириски, которые можно было жевать долго.

И, естественно, хлеб с родными сырами от сулгуни до брынзы, всего нескольких сортов.

Моё детство протекало не в эпоху изобилия. Это было трудное время.

Большого выбора продуктов в магазинах не было. Позже с годами в нашем походном рационе стала появляться колбаса и тушенка. Воду мы с собой не брали. Напиться в Колхиде — проблемы никогда не было.

Итак, мы весело вышагивали по просёлочной дороге. Собаки, завидев нас, спешили спрятаться по дворам и закоулкам, ибо от пацановских камней им было не укрыться. У каждого или почти у каждого в кармане лежала рогатка с дюжиной пляжной гальки и каждый старался при виде какого-нибудь пса, «вмазать» ему камешком по попе. Бобики это понимали великолепно и с визгом, поджав хвосты, бежали прочь. Честно говоря, я никогда этот грех на душу не брал. Всегда был противником стрельбы по собакам Единственный случай в моей жизни, когда, инстинктивно бросив камень в нападавшего пса, попал ему прямо по зубам и так сильно, что вышиб их. Уже вечером я был за это наказан отцом, которому пожаловался хозяин собаки.

Наша ватага с шумом, гамом катилась в сторону Цорки. Машин было мало, а, если и проезжал какой-нибудь грузовик, то непременно останавливался. И в этот раз нам повезло, за секунду мы были в кузове грузовика. Кто-то деловито хлопнул по кабинке, он был универсальным — означал, как остановись, так и езжай. Через пятнадцать минут мы уже были в конце деревни в сотне метров от шлагбаума и будки с парой солдат. Все попрыгали с борта, и пошли в сторону полигона в клубах густой дорожной пыли, по инерции, продолжающей движение по дороге. Грузовик свернул куда-то влево.

Солдаты интереса к нам не проявили. Это было преимуществом пацанов. Взрослых иной раз могли не пустить, а на нас это не распространялось.

Пройдя под шлагбаумом, мы вышли на территорию полигона. На стрельбище стояло огромное количество техники. Недавно всего этого не было. Летом здесь было многолюдно. Все военные штабы того времени планировали учения в районах Чёрного моря. Это давало возможность офицерам привозить свои семьи на море. Польза от этого была тройная: офицерам, их жёнам и местным парням. Все были довольны

Вскоре мы вышли к берегу реки. Рыбаков, обычно здесь сидящих, не было видно. Единственными были мы и, рассыпавшись по кромке воды, стали рыбачить. Параллельно с нами рыбачили изумрудные зимородки, стрелами пролетающие над поверхностью воды. Ловилась мелочь: окуни, плотвички, подлещики, попало несколько не крупных линьков и сазанчиков. Одним словом, каждой твари — по паре. Так мы продвигались вдоль реки в поисках более или менее уловистых мест. У некоторых появились кукуны с рыбой. Кукуны делались из колочки калии или куркантилы (Сарсапарелли). Они получались функционально хорошими (я до сих пор пользуюсь такими кукунами). Они гибкие, нанизывать на них рыбу очень удобно. Наконец каждый из нас нашёл себе место и стал его облавливать. Мое место, как мне казалось, было самым лучшим. Позади меня был довольно высокий пригорок, метров пять-шесть в высоту. Он круто спускался к реке, шириной метров десять. На противоположном берегу стояла дикая шелковица, спелые плоды которой изредка падали в воду и уносились медленным течением. Место было тенистым, с зарослями густой травы и большим количеством копошившихся в ней светло-зелёных кузнечиков. Рыба клевала вяло. Я поймал пару полусонных бронзовых линьков, несколько некрупных окуньков и плотвичек. Всё это, нанизанное на длинный кукун, плавало передо мной. Вода была чистая, но очень черная. Буквально на глубине тридцати-сорока сантиметров ничего не было видно. Рыба клевать перестала совсем, и начались эксперименты с наживками. Но толку не было. Оставив удочку в покое, я прилёг и стал наблюдать за птичками, которые резвились среди ветвей шелковицы. Сорвав спелую ягоду, они куда-то улетали. Среди них было несколько черных дроздов. Каждый из них курсировал, набирая по несколько ягод в клюв. На меня они внимания не обращали. Но вдруг все разом сорвались с места и рассыпались. Я услышал какое-то движение, и обернувшись, увидел солдат. Через некоторое время послышалось урчание мотора, и на пригорок выползла «каракатица» на гусеницах. На ней стояла башня с торчащими из неё четырьмя стволами, а за ней что-то, похожее на вертикально стоящую большую кепку, вроде тех, какие шили на заказ очамчирским модникам в швейной мастерской в центре города, перед парком. Мотор заглох. Солдаты стали суетиться возле неё, а я тем временем решил обновить наживку на крючке. Червячок был целёхонек. На глаз попался зелёный кузнечик с маленьким саблеподобным хвостиком.

Очистив крючок от червяка, я насадил кузнечика и забросил удочку под шелковицу. Поплавок из гусиного пера шлепнулся на воду, постепенно, приняв вертикальное положение, замер, сопротивляясь очень слабому течению.

Послышался звук приближающегося самолета. Этот звук знало население всего побережья Аджарии, Гурии, Мегрелии и Абхазии. Это был самолет с двумя большими реактивными моторами на прямых крыльях. К нему на длинном тросе была привязана треугольная мишень. Пролетая над архипелагом стрельбищ, он стимулировал грохот зениток на всем грузинском побережье Чёрного моря. К этому все привыкли и никто особого внимания не обращал. Мой поплавок течением чуть снесло, и я решил перезабросить удочку. Звук самолета становился ближе. Заработали зенитки в районе Гагиды. «Скоро будет здесь», — подумал я, наблюдая, как мой поплавок встал в позицию. Раздался страшный треск, одновременно поплавок резко ушел под воду. Я подсек. Треск продолжался, самолет с грохотом пролетел надо мной, а я тянул довольно крупную рыбу.

Стреляла стоящая позади меня «каракатица» из всех четырех своих пулеметных стволов, вертя башней по направлению к летящей над ней мишенью.

Очередь прекратилась. Я вытащил красноперку почти с полкило. Понял: начался клев. Рыбу в траву, кузнечика на крючок — и в воду. Следующая поклевка совпала со следующей очередью. Клев был бешеный. Главное — успеть забросить снасть.

Пока продолжалась стрельба, мне удалось поймать тринадцать крупных красноперок. С последним пролетом мишени и концом стрельбы клев, как отрубил. Другие кое-что ловили, но на моем месте рыба словно вымерла.

Нанизав рыбу на кукан и собрав удочку, пошел искать своих друзей. На пригорке «каракатицу» тоже завели, и она медленно поползла в сторону стоянки остальной техники. Уже было за полдень, мы все собрались около маленького заточника под тенью густой ольхи. Разложив свои консервы и другую снедь, стали уплетать за обе щеки. Потом было плескание в реке. Побесившись пару часов, мы пошли домой. Рыбаков в округе не было видно. Стала понятна причина — их просто не пустили на полигон из-за намечающихся стрельб.

Мне, очевидно, повезло из-за соседства с пулеметом. Иначе никак до сих пор не могу объяснить наличие у меня длиннущего кукана с нанизанными на него рыбинами, тогда как у других их было по несколько штук, да и то мелких, с ладошку.

Первая форель

Окончание школы единогласно, всем классом, решили отметить многодневным туристическим походом. С нами также пожелали идти гости нашей школы, школьники из Ленинграда, гостями которых мы были пару лет назад. Наши мальчики оббегали весь город в поисках хоть какого-то туристического инвентаря, но кроме нескольких старых, потрёпанных спальных мешков и двух поеденных мышами, здоровенных палаток, ничего не нашли. Лиха беда-начало, как говорят, и мы продолжали с удвоенной энергией готовить наше будущее мероприятие. Кроме всего прочего нам хотелось доставить удовольствие нашим ленинградским гостям. В дни нашего пребывания в Санкт-Петербурге они не оставляли нас без внимания и всё свободное время находились с нами, посещая музеи и достопримечательности Северной Пальмиры. Наши питерские друзья и у нас не были обделены вниманием. Мы изо всех сил старались сделать их пребывание в Очамчире не только отдыхом, но и праздником. Последним штрихом этого гостеприимства должен был стать турпоход по окрестностям города. Тем более, что это было и последним, совместным мероприятием. После окончания похода мы начинали самостоятельную жизнь. Почти все уезжали из города для поступления в вузы, кто далеко, а кто поближе.

Настал последний день сборов. Пересчитали всё, что мы должны были нести на себе вместе с продуктами, запасами вина и чаи. Поклажа оказалась весьма солидной. Немного облегчало наше положение то, что километров тридцать нас должен был везти, нанятый нами, грузовик. Потом несколько километров, до запланированного места первой ночёвки, мы должны были пройти пешком. Там-то продуктов должно было поубавиться.

Целый день мы распределяли груз по «носильщикам», надеясь излишне не беспокоить гостей. Девочки были тоже не в счёт. Питерские мальчики воспротивились такой постановке вопроса, заявив, что и они тоже носильщики. После этого поклажа была быстро разбросана по рюкзакам всех мальчиков.

Наконец, наступило долгожданное утро. В шесть часов утра все собрались в школе без опоздания, впервые за последние одиннадцать лет. Дряхленький грузовичок («ГАЗ-51») с

неряшливым шофёром ждал нас во дворе. С нами ехали двое старших — руководителей, наши питерский. Погрузились, расселись на нескольких наспех закреплённых на бортах грузовика досках и приготовились к путешествию. Водитель, важно осмотрев нас, тоже сел на своё рабочее место. Дверца кабины с криком боли захлопнулась. Машину стали заводить...

— Зыр-пыр, зыр-пыр и в конце чих-чих. Глушитель чихнул чёрным дымом, и грузовик перестал дышать. Нас, естественно, никто не мог удержать на кузове и мы как горох из дырявого мешка, высыпались на землю. Дверца кабины открылась, издав звук облегчения, шофер вылез, отодвинул сидение и стал там шарить. Он искал заводную ручку, а мы про себя думали, кому будет оказана честь её крутить. Наконец, вытащили ручку. Мы слегка подались вперёд, но никому из нас не было оказано доверие.

После нескольких попыток, обдав нас густым дымом, наконец, машина заработала. Мы — на кузов, водитель, прибравшись, не спеша, сел за руль и мы с грохотом, смехом и улюлюканьем выехали со двора. Город проснулся и не спеша начинал суетиться. Женщины, как принято, с утра подметали и приводили в порядок участок улицы перед своими дворами. Некоторые уже приводили в порядок двор и заодно обменивались через забор какими-то утренними новостями. То тут, то там хрипели закреплённые на деревянных столбах здоровые алюминиевые репродукторы городской радиосети, заряжая с утра всех информацией о нашей хорошей жизни, успехах текущей пятилетки, происках проклятого империализма и всякой порчей отфильтрованной дребедени. Правда, на выезде из последнего «матюкальника», так их прозвали в народе, донеслась, какая-то мелодия, настроившая питерских девчонок на песню. Так до конечной остановки они всю дорогу пропели, поддерживаемые нашими подвываниями и изредка кое-какими знакомыми словами из песен. Был звонкий провинциальный июньский день. На небе ни одного облачка. В то время прогноз погоды давали при помощи трёх «П» (Пол, потолок, палец). Естественно, вчера на эту неделю была обещана хорошая погода. С песней, в клубах пыли просёлочной дороги, мы катились мимо завистливых взглядов идущих на работу колхозников. В одном месте пришлось остановиться, чтобы уточнить дорогу, так собравшиеся мужики, глазами, поедом сожрали, в пылу своих фантазий наших «ленинградок». Своих местных они распознали сразу. Из этого своеобразного плена мы еле вырвались,

чуть было, не поддавшись искушению спешиться и принять отовсюду слышные приглашения, обычные в этих краях выражения гостеприимства. Но наша классная руководительница, ещё не старая дева, быстро остудила наш пыл, и грузовик с новой песней и порцией густой дорожной пыли, которая почему-то обгоняла наш тарантас, загрохотал дальше. Ещё несколько километров опудриваясь, мы остановились. Шофер объявил, что приехали. Мы разгрузились, высыпали наши рюкзаки на обочину, и расплатились с водителем. На сей раз, мотор не выключали и ГАЗ-51 с радостным урчанием, последний раз обдав нас порцией пыли и дыма, скрылся за ближайшим поворотом.

Тут начинался наш пешедрап. Нехотя разобрав рюкзаки и всякие котелки, навьючившись, мы медленно побрели к пещере Абрскил (Отап), чтоб расположиться на берегу одноимённой речки на ночлег. Около пещеры маленькая речка (название речки происходит от мегрельского слова — отопу, что в переводе означает место нереста, нерестилище). На речке Отап ниже по течению на перекатах с мелко — галечным дном по всей ширине переката весной нерестится рыба подуст, у нас она зовётся чернопузом (внутренняя поверхность живота покрыта чёрной плёнкой, которая во время потрошения рыбы трудно очищается), мегрельское название рыбы — топу. Так что отопу означает, буквально, место топу (чернопуза). Очень часто встречается такого типа топонимика на всей территории Западной Грузии (древней Колхиды). Промер Окриба (криби-ягнёнок, окрибе — ягнятник) населённый пункт, Очаке (чаки-кобыла т.е. кобыль-ник) высокогорный курорт.

Нерест подуста волшебное зрелище. Ночью, весной, освещённой огромной, как-бы низко подвешенной луной, на мелких широких перекатах заполняя его от края до края, переливаясь полированным серебром, и наполняя ночь шурушанием мелкой речной гальки, вершится таинство вечности. Несколько ночей длится эта феерия, зарождения новой жизни, превращая участки русла длинной сто, двести метров в сверкающие, в лунном свете, ленты. Это чудо так же неожиданно исчезает, как и появляется. Старики рассказывали, что жители прибрежных деревень знали время нереста, а характерный запах с реки, появляющийся в эти ночи, уточнял эти сроки. Люди выходили в ночи нереста и плетёнными ивовыми тазами буквально черпали рыбу. Я несколько раз видел нерест и есть грех. Один раз мой друг Толик три раза набросил сетку-накидку. Мы взяли шесть ведер чернопуза, стандартного — сантиметров по тридцать. Рыба пару дней солится, потом с недельку вялится.

Готовая она становится полупрозрачной от избытка жира и вкусна в любом исполнении.

Л.П.Сабанеев очень точно отмечает одну характерную особенность подуста: «Несомненно, что выход «подуста» бывает годами очень велик, годами же незначителен».

Итак, продолжим наш путь к пещере. Солнце уже приближается к зениту. Уже припекает. Решили не останавливаться. Можем по неопытности не успеть поставить палатки. Пыхтим, потом обливаемся, но продолжаем топать. На нашу беду донимают, невесть откуда, взявшиеся мухи. Девочки с наших рюкзаков отвязали всё, что было привязано к ним, чтобы облегчить нашу ношу. Но дорога не кончается. Я бывал в пещере до этого, как и после, но такой долгой и мучительной, как тогда, эта тропа никогда не была. Уже за полдень, наконец, мы дошли и «дошли». Рухнули на землю под деревом, даже не снимая рюкзаков, что оказалось весьма практично. Наша поклажа исполнила роль спинки кресла. Так мы просидели пока не подсохли от пота. Время поджимало. Надо было ставить наше «жильё». Многие разбежались по лесу по «своим делам». Скупаться в речке решили позже, в солидарность нашим девочкам, которые ныли, обвиняя нас в и том, что мы словом не обмолвились о речке, иначе они бы прихватили купальники. Ребята стали появляться из леса с материалом для постройки палатки, очага и прочей бивуакской инфраструктуры. Работа закипела. Мальчики строят, девочки отмывают от пыли котелки. На ночь решили наварить макароны с тушеным луком и сливочным маслом, которое по незнанию купили. Макароны занимали большой объём, а масло от жары потекло и вытекло из оберточной бумаги, частично в рюкзак, и ее тоже надо было пустить в дело. Это 1964 год и тогда в помине не было всяких целлофановых пакетов, которые в наши дни «разукрасили» леса и поля во все цвета радуги, разносимые ветром. Обёрточная бумага же толщиной почти в полмиллиметра, обычно поставлялась в гастрономы огромными рулонами. Каждый директор продуктового магазина разрывался «на немецкий знак», чтобы достать её по больше, да, и весил один рулон не меньше двух ста, а то и более килограмм. Один знакомый директор как то похвастался, что когда в гастрономе появляется дефицит мясо, масло, колбаса или еще что, он расходует рулон бумаги в день. Техника была простой. Каждому продавцу выдавалась нарезанная бумага по весу и чем шустрее он был и длиннее очередь, тем чаще приходилось подносить ему бумагу. Кроме недовеса,

граммы продукта брала на себя и обёрточная бумага. Рулон оставлял навар по весу продукта. И главное все, всё знали.

Палатку соорудили уже затемно. Макароны подошли чуть раньше и приготовленные в двух вёдрах весьма аппетитно пахли. Настало время ужина. Хлеб, алюминиевые миски и пара неполных вёдер макарон, с тушеным луком и натёртым сыром. Учителя разрешили также по стаканчику охраняемого лично ими красного вина. Ребята же, наевшись, собирались попить в тайне прихваченную чачу.

Это было желанием наших русских друзей. Мы должны были быстро поесть потом, под предлогом омовения, уйти на речку, запить ужин водкой. Макароны быстро разошлись по мискам, но оказались несъедобными. Три наши одноклассницы, готовившие блюдо, независимо друг от друга сначала бухнули соль, когда макароны варились. Кроме того макароны не разломали и не попробовав их подбавили соли, когда перемешивали с тертым сыром и тушеным луком. Учителя же провели вечер в «светской» беседе, пустив всё на самотёк. Единственным добром в этом деле оказалось то, что макаронины были длинные, и была возможность, присев на корточки в речке, и опустив один её конец в воду, ртом, прокачать через неё воду. Промывка в проточной воде результата не дала, а так с размоченным хлебом, хоть насколько штук, съесть удалось.

Наши планы рушились. Я и несколько ребят с обеих команд отказались от чачи, зная, что она с нами, уставшими и голодными, сделает. Те ушли, мы остались, намереваясь вскорости лечь. Женская палатка иной раз взрывалась от хохота. Цыц! — и враз замолкала. Так несколько раз пока не затихла. Наши ребята пару раз залезли в палатку, но, не выдержав духоту, опять присели к тлеющему обеденному костру. Кто-то выполз со стороны речки. Это был один из питерцев, который сообщил, что они «надыбав обалденную закуску», попивают водку в речной прохладе. Ночь выдалась душной и тёмной, небо заволочло тучами, и ни одной звёздочки. Решив, что там лучше пошли за ним. Присутствие людей обозначалось вспыхиванием сигаретных огоньков во время затыжки. Ребята доложили, что рядом обнаружили кукурузное поле с молочными початками, и она отлично подошла к водке. Меня разобрал смех. В детстве я имел опыт общения с молочным кукурузным початком. На вкус зерна похожи на подслащённое молоко или что-то около этого. И помню, он мне понравился, и я съел полпочатка. Рос в деревне. Туалет стоял метрах в пятидесяти от дома,

с горшка я уже был слезший. Побоявшись идти ночью далеко, присел тут же, у лестницы. Подбадриваемый нашим дворовым псом, просидел со спущенными трусами около получаса, пока бабушка, с которой мы спали в одной комнате, и слышавшая, как я вышел, не появилась на балконе с зажжённой, на полную мощность керосиновой лампы. После этого я ещё долго просидел на корточках. Бабушка в охи ахи, но расспросив меня, и услышав о кукурузе, долго не могла перестать смеяться. Ребята были уже «под мухой», и оценив мой рассказ тоже посмеялись, «за компанию». С ними этого не случится, ибо «в пузе больше выпивки, чем закуски». На сей раз, уже я посмеялся с ними. Мне налили стопочку, я её выпил, залив речной водой. В надежде, после чачи, заснуть, залез в палатку. В ней уже сопело несколько человек. Внезапно пошёл дождь. Ребята, полупьяные и полу промокшие, ввалились в нашу «спальню», разбудили нас, и создали кучу малу. После некоторой возни, улеглись поудобнее, и вроде затихли. Сон почти накрыл меня своим крылом, как кто-то пулей из палатки. Дождь поутих и стал равномерно накрапывать. Наше укрытие было более дырявое пропустило воду сразу, и нам пришлось повозиться чтобы найти оптимальное положение и то за счёт того, что оно было больше женской. Через некоторое время все «кукурузники» вылетели в лес, естественно с комментариями. Я, зная по себе, что «полёты» будут продолжаться еще долго, старался заснуть.

Не тут то было. Очевидно, в женскую палатку протекла вода или ребята вследствие выпитого, не соизмерявшие громкости своих голосов, разбудили девочек. В женской палате поднялся шум. По разговорам стало понятно, что некоторые промокли во сне. Включили фонарик, определили месторасположение дырок, стали их накрывать платками, какой-то одеждой. Оставшиеся дырки накрыли кусками газеты, которая оказалась эффективнее всего прочего. Под утро сон, таки, одолел меня.

Проснулся от перепалки доносившейся снаружи. Вокруг меня всё было промокшим. Пространство внутри палатки было разлиновано солнечными лучами, проникшими через дырки в брезенте. На четвертинках вылез из спальни. Солнце было уже высоко. Почти на всех окрестных кустах висела одежда. В речке отмывали ведра от макарон, которые весело кувыркаясь, уплывали прочь, уносимые быстрым течением. Костёр, сложенный из промокших, вчерашних головешек, никак не хотел разгораться, протестуя вертикальным столбом густого, сырого дыма. Речи о том, чтобы с утра быстро обследовав пещеру,

отправиться дальше не могло быть. Решено было хорошо обсохнуть, позавтракать, (кое-кто завтракать отказался...), не спеша осмотреть пещеру, а завтра пораньше в путь. Так и сделали. Вторую половину дня проползали по пещере, и к вечеру обмазанные липкой, светло — кирпичной глиной, чуточку подмёрзшие, прибрели к костру. Большинство девочек, не проявивших интереса к объекту, посетив только его «предбанник», вернулись в лагерь. Они то и встретили нас с претензиями, что нас уже давно ждут. Над лагерем разносился аромат приправленной местными специями говяжьей тушенки. На подходе к бивуаку, кто то ещё съязвил, что тушенка это не макароны — промывать не удастся. Но обед оказался отменным, да ещё запитый парой стаканов вина, добавил нам радости энергии и желания побродить по окрестности. Вечером одна группа припозднилась. Напоровшись в полях на местных жителей, не смогла отказать им в гостеприимстве. Надрались до того, что еле приползли. Из-за этого нам всем пришлось выслушать маленькую нотацию, после чего мы довольные и уставшие, разбрелись на ночлег. Ребята разлеглись вокруг костра, немного пробубнив, утихли. Утром нас разбудил девичий смех. Они смеялись над нами и нашим пробуждением.

Надо было сниматься и продолжить путь к селу Арасадзых. Там для нас была «забронирована гостиница». Дирекция нашей школы попросила сельскую школу приютить нас на несколько дней. Мы не знали, как нас будут встречать, а по сему, туда надо было прийти засветло. Пока разбирались и упаковывались палатки и всё прочее, чай был готов. Дорога предстояла довольно длинная, и мы, не теряя времени, двинулись в путь. Где то в середине пути сделали короткую передышку, чуть перекусив, пошли дальше. В Арасыдзых прибыли к вечеру. В начале деревни нас уже ждали, чем мы были удивлены. Нас проводили к школе, где для нас были подготовлены две классные комнаты с застеленными кроватями. Видно было, что к нашему прибытию готовились основательно. Во дворе был сложен огромный костёр. На этом сюрпризы не закончились. Нам предложили умыться и передохнуть. Вскоре переодевшись в городскую одежду, мы выглядели довольно прилично. Но питерские девочки были блеск. Во дворе собралась почти всё село. Мы спросили, где бы мы могли поесть. Нас отвели в следующий класс. Сюрприз! В комнате были накрыты два длинных стола с нехитрыми деревенскими яствами. Вскоре столы заполнились нами и приглашёнными жителями. Рядом со мной оказался местный мальчик, моего возраста. Мы разговорились, познакомились

и уже через несколько минут чокались стаканами со слабым красным вином, освящая наше знакомство. Когда я спросил его фамилию, что то не сложилось. Фамилия была не абхазской. Уточнив, я узнал, что это эстонская фамилия и здесь много потомков переселённых сюда, когда то эстонцев. Они сохранили свои старые фамилии.

Отобедав, мы вышли не балкон. Двор был полон молодёжи. Как только мы спустились, кто то зажёл костёр. Где то заиграл патефон. Девочек разобрали вмиг. Стеснительных деревенских парней тоже не оставили в покое. Наши русские подружки стали их обучать танцам. Так мы проплясали и пропели до тех пор, пока костёр не затух. Утром из уютных, чистых постелей никому не хотелось вылезать. Так и провалялись, пока хозяева, не позвали нас завтракать. К столу пришёл и мой вчерашний знакомый. С ним несколько ребят, неплохо говорящих по-русски. Он напомнил мне вчерашний разговор о реке, которую мы вчера перешли по мосту в весьма живописном месте. Мы все решили искупаться. Девочки опять заныли. Местные нашли выход, позвав на помощь своих сестёр и невесток. Те повели наших поодаль от того места где купались мы, -на «женский пляж». Через полчаса эхо перекатывало наши крики и визги девочек по изумрудному ущелью реки. Вода оказалась ледяной, поэтому крики скоро прекратились, и наши, пощёлкивая зубами от холода, медленно поползли в гору, к деревне. Я заметил двух человек с удочками, идущих в нашу сторону. Мы остановились. Ребята оказались из Ткварчели. В холщовых мешочках у них оказалось штук по тридцать ручейной форели. У меня загорелись глаза от этой прелести. Сельские, как, оказалось, были профанами в рыбалке. Рыбаки не поленились дать мне урок. Они поняли, что единственный пробел у меня был именно в ловле форели. Рассказали где найти наживку, как наживлять её на крючок и определять перспективное место ужения. Ко всему прочему они подарили мне снаряжённую снасть. Мне оставалось лишь вырезать в росшем вокруг орешнике длинный хлыст на удилище. Мои новые друзья ринулись в заросли, и у меня появилось несколько прутьев на выбор. Выбрав лучший, быстро его, ошкурив, оснастил снастью. Труднее, оказалось найти «козьявку» — нимфу ручьевой подёнки. Как оказалось, мы искали её не там, не поняв объяснений. Мы искали на глубоком перекате. Нашёл её случайно, выйдя на очень мелкий перекат с оголёнными спинками некрупных булыжников. Уже, потеряв всякую надежду, поднял один камень. Подводная его часть была облеплена клопоподобными насекомыми.

Некоторые были величиной с ноготь указательного пальца. Куда их набрать? Голь на выдумки хитра. Я снял один носок, выжал, закусил его зубами, и счастливый принялся собирать самых крупненьких. Я до сих пор пользуюсь для этого носками с петлёй, вроде кисета. В хлопотах не заметили, как солнце собралось уйти за нависающую над ущельем гору. Наша группа поспешила к ближней яме, за огромной скалой. Подошли туда с шумом. Я увидел несколько чёрточек на гальке. Долго простояв, понял, что клёва не будет. Виденные мною полоски теней в заводи говорили о присутствии рыбы. После нескольких сменных мест, я попросил ребят не ходить за мной. К следующему месту я уже подползал на четвертинках, чем вызвал сдержанный смех сельчан. Наживка ушла под воду. Поклёвка случилась внезапно. Естественно, подсечь я не успел. Крючок был чист. Так повторилось несколько раз. Потом, как отрезало. Я «пополз» на другой затон. Там пару раз было то же самое, но следующий удар был таким, что мне только и оставалось выволочить рыбу на берег. Форель была довольно крупной, с тёмной спинкой, от чего красные пятна горели пурпуром, чёрные проглядывались слабо лишь на боках. Красавица прыгала на мелкой гальке, самоподсечённая накрепко. Мои друзья с гиканьем, прыгая по валунам, бежали ко мне. Солнце ушло далеко за гору. Начинало смеркаться, а на берегу танцевала она, первая моя форель. Мы стояли вокруг, не смея взять этого речного павлина в руки. Это была любовь с первого взгляда, которая не прошла до сих пор.

На следующий день мы, на деревенском рейсовом автобусе, петляя по горной дороге, с песнями, ехали в Очамчире. Я же, впечатлённый вчерашней рыбалкой, увозил с собой любовь к форели.

Вот тебе и шакалы!

Старенькая «Нива», поскрипывая и стуча своими выдавшими виды «костями», переваливаясь на довольно больших ухабах, пробивалась к берегу Куры. Начинало светать, и шакалы, ещё не ушедшие в чащу леса, то тут, то там выскакивали на дорогу. Посмотрев в нашу сторону, они без всякого интереса, не спеша уходили под ближайший куст и продолжали оттуда наблюдать за нами.

Вокруг был заповедный лес с огромными, увитыми и окутанными как в шубу слоями густого плюща. Лес уже проснулся и был наполнен щебетанием и перекриком невидимых певцов. Чёрные дрозды сеутились, перелетая с дерева на дерево, и своим треском предупреждая окружающих, о чём-то ведомом только им. Тем временем машина, поныривая по канавам, успешно продвигалась к цели, продолжая стонать от старости.

Четверо сидевших в ней мужчин горячо спорили, к удаче или неудаче перебежавший дорогу им шакал. Один из них доказывал, что к удаче, так как относится к собачьему роду, а собака всегда вестник удачи. К согласию они так и не пришли. Вообще среди грузин это обычное явление. Если собираются три грузина оценить какую-либо ситуацию или событие, то это не кончается консенсусом, более того, мнений оказывается четыре. Объединяло всех одно убеждение. Каждый считал себя, дорогого, самым лучшим рыболовом. «Нива» была набита битком. Кроме наших снастей, стульчиков и прочего она была полна бутылками минералки, кока-колы, овощами и всякой снедью, для съедения которой этим четверым нужно было не менее трёх дней. Самым ценным был кекс и бутылка хорошей, качественной водки. Не скажу кто, но один из нас без этого на рыбалку ездить отказывался. Кстати, и без кока-колы тоже. Публика была разношерстная по профессии, но рыбалка превращала их в великовозрастных детей с общим интересом. Один из нас был самым старшим (кстати, и мы далеко не юноши) и называли мы его «Бабу», «Гмиро», иной раз «Израэль». За рулём был «Генерал», рядом «Профессор», сзади я, потому что сидение можно было подвинуть вперёд, и я мог разместить свои масла. В самом неудобном месте, прижатый сидел Бабу и, хотя, он иной раз выражал недовольство, но не высказывал претензий по поводу того, что ему приходилось сидеть на переднем сидении.

Кура уже проглядывалась сквозь поросль прибрежного ивняка, и вскоре мы выехали на берег. Река была взмученной, но уже севшей в своё, временное, летнее русло. День обещал быть очень хорошим. Солнце всходило, осветив верхушки деревьев. На небе ни облачка и абсолютный штиль. Выехав на галечный берег, приостановились — решали, куда ехать. Справа был отсечённый от основного русла сушей рукав реки метров в полтора-раста. Мы к нему отнеслись без интереса. Слева гудела Кура. Мне показалось, что надо ехать прямо, где был виден изгиб основного русла реки, да и проезд туда казался сухим и надёжным, к тому же поросший густой травой. Никто не был против моего предложения, но когда «Нива» по брюхо села в довольно твёрдый грунт, на меня посыпались все шишки, хотя я просто высказал своё мнение ехать прямо. Очевидно, было одно: мы сели и довольно крепко. Один из нас перенёс инфаркт, другой был со вживленным в грудь электростимулятором, третий был в возрасте, и тоже не мог копать. Оставался я, гипертоник с тридцатилетним стажем и инвалид второй группы, естественно, по мнению моих друзей, лучше всех подходящий для вызволения машины из грязи. Был и другой выход — идти в ближайшее село километров пять за помощью. По мере возможности и сил мы сделали всё, но сдвинуть с места машину не удавалось, и все усилия оставались лишь словесными и проезжались по мне, что вызывало дружный хохот. На что я как-то ответил: «Вот тебе и шакалы!». Что также вызвало смех и шутки.

Наш «тяни-толкай» продолжался уже второй час. Я копал, а это стимулировало мысли и меня таки осенило. Солнце уже взошло, осветив окрестный берег, на котором были уложены пара вязов, вымытых рекой из леса. Вязы не собирались сдаваться и с голых веток выпустили ростки полувыялых листьев, оповещая округу, что они ещё живы. Я приступил к осуществлению своего плана. Вырезав прямую ветку длиной около трёх метров и толщиной в двадцатьпять-тридцать сантиметров, подложил её под карниз машины как рычаг. Генерал сел за руль, включил заднюю, я же своим бревном стал раскачивать машину. Через мгновение она выскочила из ловушки.

— Ай молодец, Далай Лама! — вякнул Гмиро.

Через несколько минут шуточки прекратились, и мы принялись снаряжать снасти, собираясь разбрестись по берегу в надежде наловить рыбы на поминальный стол нашего друга, скончавшегося несколько лет назад. Благородное дело должно было увенчаться успехом. Также мы хотели помянуть его душу на любимом им месте охоты и рыбалки. Завтра же за столом,

накрытым в его честь, угостить родных и близких наловленной его лучшими друзьями рыбой.

Бабу, он же Гмиро, он же Израэль, на капоте разворачивал закуску, а мы, подтрунивая друг над другом, готовились перекусить.

— Аба бичебо, Темурис тцаукциот — (буквально — А ну ребята, прольём для Темура — помянем) — и, наклонив стаканы и пролив на землю немного водки, выпили поминальную. Вскоре мы разошлись в разные стороны, надеясь отыскать уловистое место и наполнить наши садки рыбой. У каждого был свой стиль рыбалки. Трое из нас любили побродить в поисках уловистого места. Профессор же, выбрав приглянувшееся место, устраивался на нём обстоятельно, обложив себя удилищами, удобно усаживался в раскладное кресло. Он буквально впаивался в него и, если не было клёва, мог почти целый день просидеть в нём, посапывая в полудрёме. Я уже долго колдовал со своими снастями и наживками. Было жарко и ничего не шло. Кроме пары мурц и нескольких пескариков, называемых по-грузински весьма красиво — цимори, я ничего не поймал. И это мне надоело, собрав удочки в охапку, пошёл в сторону машины, подумывая бросить рыбалку. Я подошёл к ней, мой взгляд, скользнув по пропаханной ею колее, упёрся в водную гладь запруженного рукава реки. Там что-то происходило. Я пригляделся внимательнее. На поверхности воды было заметно движение и, очевидно, это был крупный голавль, разбойничающий в заводи. Я обычно ловил двумя удочками. Одна была донкой на крупную рыбу с двумя крючками с насаженными на них толстыми червями. Вторая — легкой поплавочной удочкой, оснащённой как раз под голавля. Я крадучись подошёл к воде и присел на стульчик около бровки. Место было наилучшим, в самом широком месте плёса. У противоположного берега в воде лежало полузатопленное дерево, растопырив над водой пару своих крупных веток, догола очищенных от коры пронёсшимся над ним бурным потоком. Между мной и деревом бесился голавль, гоняя рыбную мелочь. Я, недолго думая, закинул донку подальше от себя, к коряге, чтобы не мешалась под ногами на берегу, и стал готовить поплавочную снасть. Подумав, опарыш или червяк, решил использовать последнего. Червяк оказался резвым и выпал у меня из рук, не захотев сесть на крючок. Я вывалял его в сухом песке и насадил на жало. Он бешено завертелся и, в надежде освободиться, обвернулся

вокруг цевья. Я продолжал его насаживать, когда услышал какое-то шуршание. Прекратив возню с наживкой, я прислушался, стараясь понять происхождение шума, а тем временем моё удилище медленно и уверенно ползло в воду. Наконец, сообразив, что происходит, я схватил его. Подсекать не пришлось, кто-то на другом конце снасти довольно сильно тянул леску на себя. Перетягивание было явно в мою пользу, и я вытащил сомика — килограмма на два. Бедный, наверное, так оголодал, что проглотил оба крючка. Быстро перезарядив снасть, забросив поближе к дереву и, уложив удочку на рогатину, наконец, насадил червяка. Собравшись подбросить его разбойничающему неподалёку голавлю, заметил сильное подёргивание донки. На крючке оказался похожий на первого сомик. После второго мне удалось подкинуть приманку и головлю. Поплавок, не успев стать в стойку, резко под углом ушёл в воду. Я подсёк. На леске сидела крупная рыба, с которой пришлось изрядно повозиться. Красавчика не успел посадить в садок, как донка бешено застучала, взывая о помощи. И опять сомик, этак на полметра. Далее процесс продолжался более ритмично, пока с противоположного берега в воду не плюхнулся поплавок, почти с мой кулак.

— Папа арестех, арестех! — кричал кто-то.

С криком совпала следующая поклёвка, и я стал вываживать очередного сома. Пока я его тянул, на берегу появились два папа этого невидимого крикуна. Минут через пять с обрывчика напротив торчали три удилища, а в омуте под ним на стрёме стояли три огромных поплавок. Я побежал звать своих, найдя двоих, получил от них отказ. У них был кое-какой результат, а у Генерала в садке болтался сом килограмма на три-четыре. Гмиро же, очевидно, увлёкся окрестностями и не был виден на обозримом пространстве. Я продолжил облавливать окрестность довольно успешно и к тому времени, когда наши подошли к машине подкрепиться, в садке было восемнадцать сомиков и с дюжину крупных голавлей. У моих конкурентов дела шли неважно. Подбросить поплавок поближе к моей снасти им мешало лежащее около них в воде дерево, но у сыночка этих пап "буёк" ушёл на потоп. Он подсёк. Рыба была крупная, отчаянно сопротивляясь, оставляла на поверхности водовороты. Мальчик старался её вытянуть, прогнувшись дугой, и при этом визжал, как поросёнок. Я с восхищением смотрел на эту борьбу и на мгновение вспомнил свою первую крупную рыбу. Вдруг поплавок

резко взлетел вверх, ударившись об нависающую над рыбачком ветку, стал закручиваться вокруг неё. Визг прервался одновременно с приземлением малыша на попу. Папы охнули, потом они что-то громко обсуждали на армянском, в котором я несколько раз уловил мат. Больше поклёвок на том берегу не случилось. Так, простояв на берегу, пока мы довольно плотно обедали, запивая нашу снедь водкой, они свернули свои палки и скрылись в прибрежных кустах. Мои друзья убедились, что моё место было клёвым и на него подсел Профессор. Я пошёл побродить вдоль залива, и остался доволен весьма. Голавль брал жадно, в своём классическом стиле - резко в сторону. Тем более, что я удил на кузнечиков, кишачих на окрестных галечниках, поросших редкой травой. Профессор тоже был доволен, выудив до полдюжины сомов. Вся сомовая команда была молода и почти одного размера, что отлично сказалось на вкусе приготовленного блюда-сом в киндзмари (вареный сом заливается холодным отваром, до густоты заправленным мелко нарезанной киндзой в две трети всей зелени, петрушкой, зелёным луком, зелёным перцем, чуточкой регана-базилика). Соль и винный уксус — по вкусу. По зелени «ограничение» единственное — побольше киндзы. В Мегрелии же сома жарят — и отвара нет. Молодые, нежные, с неокрепшими костями сомики буквально таяли во рту гостей застолья. Мы же делали невозможные рожки, выслушивая в свой адрес похвалу.

В следующее воскресенье мы спозаранку были на том же месте, но не взяли ни одного хвостика. Полтора сантиметровая запруда была стерильна.

7 НОЯБРЯ

После описанных ранее недоразумений с заместителем начальника цеха К... моё положение в цехе №10 стабилизировалось. В стеклянную конторку цеха занесли ещё один стол — лично для меня. На сей раз тащили его завсегдагаи курилки. «Носильщики» вели себя весьма агрессивно. Им не понравилось, что стол принесли для меня. Особенно одному здоровому, с нечёсаной кучерявой, чёрной шевелюрой наподобие головного убора среднеазиатского пастуха, чем на то, что называется причёской. Он, нагло смотря мне в глаза, сквозь зубы выдавил, что «сам бы мог занести стол для себя». Хотя меня это разозлило, но я на провокацию не поддался. Позже он меня всё же достанет. Бросив мебель в середине конторки, недовольные, удалились в сторону курилки. Благодаря тов. К..., в глазах некоторых рабочих мы ассоциировались с носильщиками. В конторе мой стол был пятым. Бухгалтерша, две экономистки, один технолог и я установили его на место. Женщины его протёрли, заставили разным инвентарём, в том числе, и настольной лампой, и я сел за свой первый рабочий стол. Мои чувства и сегодня описать мне трудно. Больше всего хотелось, чтобы меня могли видеть мои домашние. Сотрудницы относились ко мне очень тепло в отличие моего коллеги — технолога. Проблема импульсных трансформаторов, решённая мною, которую он должен был решить задолго до моего появления на заводе, чуть не стоила ему выговора. Бухгалтер этак лет пятидесяти с гаком, практически не поднимала головы с утра до вечера от своих бумаг и гроссбухов. Общался я с ней в основном в заводской столовой. Относилась ко мне по-матерински тепло. Экономистки были моложе, и я для них был «дуплом», куда они выговаривали свои секреты. Я о них знал такое!..

Я не знаю, почему они наедине, делились со мной своими тайнами. Короче в конторке у меня была мамочка и две старшие сестрёнки. наших ребят тоже распределили кого куда. Мы продолжали группой ходить на завод и с завода, а также в столовую каждый раз поднимая шум из-за оплаты наших обедов. Каждый из нас отталкивал другого, стараясь прорваться к кассиру с деньгами. Сначала это веселило кассиршу и окружающих, потом нас стали подстёгивать и торопить с оплатой. Поняв, что мы задерживаем очередь, оплачивали чек сначала поочередно, а в дальнейшем стали делать это как все.

Так началась моя заводская карьера в должности инженера-технолога. В это время мне поручили очистку технологии плат от канифоли. Они промывались щеточками в ванночках со спиртом. А спирт, да ещё в ванночках, на заводе, в Саратове?! Это было проблемой на всех заводах России, где производилась пайка оловом с канифолью. Я стал работать с электрическими виброванночками. Они давали возможность контролировать расход спирта, а также его испарение, основное обоснование его списывания. Спирт же был валютой по всей территории страны, а кто, имел доступ к нему, был уважаем на всех заводах. Мне поручили это дело, потому что я был грузин, и считалось, что мы спирт не пьём. Мне он и в самом деле был безразличен. Списание спирта производилось ежедневно, и этим занимались мои «сестрёнки», экономистки. Я в это дело не вникал. Ежедневно работал со спиртом и в конце дня подписывал технологическую карт, где, конечно, же было обозначено количество израсходованного спирта. Получал спирт утром и вечером остаток сдавал, за что и расписывался. Я не употреблял его, да и никто не посмел бы у меня его выпросить, и это было главным. Шли дни —эксперимент продолжался. В дальнейшем от этих моих вибромоек отказались и продолжили промывку по старинке. Сегодня этот процесс производится тем же принципом, только вибрация производится не механически, а ультразвуком. Вскоре нам сообщили, что свыше пришли допуски на работу инженерами-регулирующими. Не было только моего допуска. У меня в анкете было записано, что отец в 1937 году был сослан и впоследствии реабилитирован. Начальник цеха намекнул мне вскользь об этом и пообещал послать повторный запрос. Месяца через полтора, я, наконец, получаю допуск. А пока я вожусь со спиртом.

В то время я курил, хотя сверхактивным курильщиком никогда не был, что очевидно впоследствии мне помогло бросить это вредное занятие. Под курилку в конце коридора была выделена большая комната, но в неё кроме заядлых курильщиков никто не заходил. Таким как я там можно было и без сигареты обкуриться. Поэтому многие покуривали в коридоре, около курилки. Перед ней была огромная железная дверь лифта, которая вела на нижний этаж нашего цеха. Там собиралась и регулировалась вычислительная машина — основное изделие завода. Туда без специального допуска вход был запрещён. Этот-то допуск я и ждал.

Я прикурил сигарету и не успел затянуться, как сюда подошли несколько рабочих с нашим «барановолосым» знакомым. Мы с ним не часто встречались в курилке, а тут придётся бок об бок целую сигарету выкурить. У меня всегда было предчувствие неприятности, и чуть не выбросил сигарету в урну, но мелькнуло — это трусость. Кучерявый остановился передо мной, заправский примял «Беломор канал» смачно раскурил папиросу и чуть ли не в лицо мне выпустил дым. Каналья, на полголовы был выше меня. Работал он на участке, где забивали так называемые гвоздики из латуни в текстолитовые печатные платы. Это была самая низкоквалифицированная работа на заводах такого типа. Я вроде не среагировал на его выходку. Рядом не было ни моих ребят, да и никого, кто бы мог помочь. Более того все с интересом наблюдали интригу. Было понятно, что продолжение следует. Он прошёлся по грузинским торговцам, потом по всем черножопым, но ответной моей реакции вызвать не смог. Стараясь, не обращать внимания, я курил, но эта проклятая сигарета никак не кончалась. Наконец он обратился ко мне: «А ты, чего припёрся сюда, возил бы папочкины мандарины по рынкам или все мандарины на твой институт ушли».

Когда я пришёл в себя — около меня были наши ребята. Им кто-то сообщил, что меня в курилке задирают, и они побежали ко мне на выручку. Баран лежал приваленный к двери лифта, меня держало несколько человек, хотя я и не брыкался. А произошло следующее. Я, оказывается, схватил его за грудки, приподняв, пихнул его в сторону лифта. Он плашмя ударился об железную дверь и настолько удачно, что потеряв сознание, сполз на пол. В цеху ажиотаж. Грузины избили рабочего. Этого козла привели в чувство. В последствие он обходил меня стороной и не только он. Меня вызвали к начальнику цеха. Мир не без хороших людей. Туда же пришло несколько «стариков», которые доложили, как всё произошло, но это не спасало от заводского комсомольского собрания, которое за рукоприкладство могло исключить меня из комсомола. Тем более никто из вожakov меня лично не знал.

Начальник цеха отнёсся ко мне очень строго. Отругал меня как мог. После чего предложил мне сесть. Мне нечего было сказать, всё было и так известно. Потом спросил, успокоившись, откуда я родом. Я ответил. Он тут же спросил, назвав фамилию знакомых земляков, и знаю ли я их. Меня удивило то, что он знал мой городок. У всех на слуху были Тбилиси, Сухуми,

Батуми, Гагра, а тут Очамчире. Когда я назвал даже адрес их проживания, он обрадовался, как ребёнок. Чуть плотноватый мужчина далеко за пятьдесят, как мальчик подскочил со своего стула подошёл ко мне и пожал руку. Потом рассказал, что уже несколько лет отдыхает летом у них. Этот человек скоро ушёл на пенсию, но он и его супруга (парторг цеха) сделали много хорошего для меня. В том числе спасли меня от непредсказуемого комсомольского собрания. Приближался день революции — 7 ноября 1970 года. В Саратове холера. В городе нет мяса, никакого, ни колбасы, ни тушенки. Рыба — хек только в заводской столовой. По всей стране уже введён рыбный день — четверг. В Саратове все дни хековые. В выходные перебиваемся протухшим сыром, яйцами и кефиром с ряженкой. В нашем двухкомнатном общежитии двадцатилитровыми бутылками стоит чача. Не пьём — нечем закусить. При нашей зарплате, в три рубля на руки в день, в ресторан не погуляешь. Деньги из дома уже «швах». На первую зарплату решили пойти в ресторан «Волна» на набережной Волги, но до неё ещё несколько дней. В воскресенье наскребли по сусекам и поехали на саратовский центральный рынок. Мяса нет. Стоим перед рынком и гогочем, как умеем только мы грузины. К нам подходит какой-то парень нашего возраста и знакомится с нами. Оказался грек из Цалки. Мы обрадовались — земляк. Под мышкой у нашего нового знакомого огромный свёрток, обмотанный грубой, так называемой, гастрономной или обвёрточной бумагой. Завязывается разговор. Грузинского — он не знает, и в основном разговаривает со мной. «Рао-рао?» (что сказал? — что сказал?) иной раз переспрашивают меня ребята. Перевожу им: Он спрашивает — Есть ли у нас чача? «Сколько хочешь», — отвечают сразу несколько. «Тогда пойдём жарить шашлык», — говорит он. Я естественно, пропускаю это мимо ушей. Вопрос шашлыка поднимается ещё несколько раз, но я опять перевожу разговор на другую тему. Надоел со своим шашлыком. Я уже думаю, как бы от него отделаться, как он вдруг. «Что вам чачу жалко, что ли?». Я уже не выдерживаю и с нажимом говорю: «Что ты заладил за шашлык? Мы уже почти месяц мясо даже на картинке не видели». Он, ничуть не смутившись, говорит: «Да вот полбарана под мышкой». «Рао-рао!?» Останавливаем первую попавшую машину, заполняем её и уезжаем. Остальные добираются городским транспортом. Грек со своим драгоценным свёртком, естественно, сидит на переднем сидении. Половина саратовского барана была почти, как целый, грузинский, так что мы

изрядно попиروвали. Заодно наш гость рассказал, как достать в Саратове мясо. Мы жили в конце проспекта Строителей. От нас была видна загородная дорога, поднимающаяся вверх на горку. Он сказал: «Берёте здесь такси, даёте ему три рубля, едете за ту горку до первой отары, пастух за пятнадцать рублей продаёт вам овцу или же забивает её, освежевывает, но за это оставляет голову и ливер» (сердце, легкие и прочее). Всё это оказалось правдой. За горой гуляли огромные стада. Наконец вопрос мяса был решён. Позже мы наладили также снабжение свеженькой чёрной икрой. Пол-литровая баночка — по цене барана. Большим любителем икры никто из нас не был, но бутербродик с икоркой был отменной закуской. Но не тут-то было. Перед праздником меня опять вызвали к начальнику цеха. Я к нему шёл как к своему дяде, но войдя в кабинет, увидел хмурого дядьку Черномора. Я присел на край стула, перебирая всякую чушь, но не мог понять, что так его расстроило. «На вас грузин поступила жалоб» — сказал он без всяких прелюдий. — Вот она. Пишет один из жильцов нашего дома, (наше двухкомнатное общежитие было в заводском доме, в котором жил и наш начальник) что из квартиры, где живут грузины, почти каждый день доносится запах жареного мяса. Откуда оно у них? Чего-чего, но такого я не ожидал, и конечно, стал похихикивать. Он осёк меня и сказал: «К этому надо отнестись серьёзно». Я ему рассказал, откуда мясо. Через неделю запах мяса разносился не только из нашей квартиры.

Наконец, нам выдали первую зарплату. Все шестеро, принарядившись, поехали на другой конец города на набережную Волги. Это, пожалуй, самый престижный район города, да и ресторан «Волна» был лучшим. Зал, как мне помнится, был огромным. Нас усадили подальше от оркестра. В то время в ресторан надо было прийти пораньше, иначе можно было и не попасть внутрь. Просчитали возможные расходы, заказали и стали ждать, покуривая сигареты. Застолье было стандартным, грузинским с вином и тамадой. Подвыпив, мы решили спеть вполголоса, когда замолк ресторанный оркестр, голоса уже были вроде спевшиеся. Весь наш «ансамбль» тянул Казимир, имевший прекрасный первый голос — стержень грузинского многоголосия. Я пытался изобразить второй, а Гиви третий. Дато, Резо и Элгуджа были на подпевке. У непрофессионалов песня получается иногда — у профессионалов всегда. Этот вечер был наш. Нам так понравилось наше пение, что и тост за грузинскую песню подняли. Мы не были пьяны и не собирались

напиваться, потому что домой надо было ехать через весь город, а милиция выпившими набивала городские вытрезвители. Мы знали это не понаслышке, нам пришлось пару раз дежурить в вытрезвителе района, как общественникам от нашего завода. Мы успели спеть несколько песен, пока отдыхал оркестр.

Заиграл оркестр и вдруг со стола (между нами и оркестром) встал какой-то мужчина и в категоричной форме потребовал, чтоб оркестр замолчал, мотивируя тем, что они хотят слушать грузин. Кое-где послышались одобрительные возгласы и аплодисменты. Оркестр замолк. Тот же голос попросил нас спеть ещё. Опять аплодисменты и мы начали. После каждой песни зал гудел — «ЕЩЁ». Через некоторое время оркестр испарился. Потом к нам стали подходить, знакомиться, пить вместе с нами, и до закрытия ресторана нам не дали замолчать. Ввиду того, что мы не знали много песен, один и тот же репертуар пришлось повторить несколько раз. А выходя из ресторана, с нами пели уже и саратовчане. Мы добрались Домой под утро. На второй день почти никто не мог говорить. Пару дней мы хрипели, и посмеиваясь, звали друг друга «Орэра».

Настал 7 ноябрь. Несколько дней до этого шли проливные дожди. Ночью выпал снег и всё вокруг было покрыто противной кашеобразной, грязной жижей. Погода была мерзкой, но на демонстрацию надо было идти несмотря ни на что. Шаг влево, шаг вправо-побег. Пропуск демонстрации без очень веских на то причин карался весьма строго. Мы с трудом сначала в переполненном автобусе, а потом на подножке трамвая, промёрзшие добрались до завода. В дни таких обязательных праздников проблема с транспортом была особая. Если в обычные дни рабочие были распределены в три смены, то в праздники все три потока валили на предприятия к восьми часам утра. Дальше шло формирование колонн, и восемнадцатикилометровый марш бросок — к памятнику Ленина, перед зданием Саратовского обкома КПСС. Там надо было несколько раз прокричать — «УРААА», потом свалить в кузова грузовиков плакаты, флаги и портреты руководителей партий, как живых, так и мертвых. При относительно нормальном продвижении колонн — всё мероприятие для нашего предприятия с пятнадцатью тысячами демонстрантов заканчивалось часа в три, четыре дня. К половине десятого наш завод после скандалов, со всякими плакатами и портретами, которые нести добровольно никто не хотел, двигался «к победе коммунизма». Плакаты, транспаранты, флаги и

портреты — все это несущему, не давало возможности смыться с парада в середине дистанции. Колонна двигалась черепашьими шагами, то и дело останавливаясь. Дорога была покрыта «шугоподобным» месивом из снега, грязи и воды. Почти все были обуты в резиновые боты или сапожки. На мне были кожаные сапоги польского происхождения, которые я недавно приобрёл, и которые стали предметом насмешек со стороны моих друзей. Мужские сапожки еще никто не носил, и во времена дефицита, залежавшись в магазине, они достались мне. Они к тому же были на цигейковом меху тёплые и комфортные. Я заткнул штанины в короткие голенища и как кот в сапогах, не обращая внимания на грязь и слякоть, вышагивал по разбитой мостовой пригорода Саратова.

Мы шли, подшучивая друг над другом. В толпе то здесь, то там мужики, да и бабы прикладывались то к пол — литрам, то к карманным металлическим фляжкам. Я шёл с «конторскими», и заметил, что и наши женщины приняли пару раз. Когда мы поняли, что только мы были без запаса спиртного, это нас ещё больше развеселило. Народ вокруг нас начинало разносить. Еще и часа не прошло, а толпа была уже хмельной. Где то зазвенела своими колокольчиками саратовская гармошка, выткав над крышами столетних изб с резными раскрашенными наличниками на фасадах, узор мелодий саратовских стенаний. Кое-где запели. Наши женщины тоже затынули... — «Однажды морем я плыла на пароходе том, стояла сильная жара, и вдруг раздался грооом... — Ай яй, яй- яй яй-яй кружится головааа. Когда я вижу пароход, стою, едва жива» — подхватили припев вокруг. Песня известная в Саратове была уже знакома и нам. «А вы чего не поёте?», — спросил неожиданно, появившийся рядом с нами начальник цеха со своими заместителями, которые постоянно обходили «цеховскую» колонну, контролируя, кабы, кто не слинял. Он и его спутники были тоже «принявшие на грудь». «А ты чего такой серьёзный за праздник не поднял стопку?» — А мы не знали, что надо запастись. — «Не понял. Ленка, а ну пойди сюда», — позвал он нашу поющую экономистку. «Он участвовал в списании спирта?», — вполголоса, но настойчиво спросил её начальник, ткнув меня пальцем. Она ответила утвердительно, и что - то прошептала ему на ухо. «Ядрёна мать!» Возмутился он, и в свою очередь, что то прошептал на ухо одному из замов. Тот сорвался с места и галопом помчался в толпу. Кое-кто вокруг уже начинал приплясывать, разбрызгивая и обдавая грязью окружающих.

На это уже внимание никто не обращал. Вскоре из толпы вынырнул гарцующий по лужам зам, обдав и нас брызгами. Из-за пазухи вынырнула блестящая карманная фляжка, управляемая его рукой и легла в ладонь шефа. Начальник встряхнул её и, убедившись, что она полная протянул её мне. Все расплылись в улыбке. Я понял. Это было торжество справедливости. «Ну, с праздником, что ли!» — «Теперь и ты при горячем, а посему за это надо выпить», — изрёк зам. Деваться было некуда, я открыл пробочку и отпил из фляжки. В горле как будто пронёсся сухой ветер, захотелось быстро вдохнуть воздух, что я и сделал. Глотка так и осталась открытой. Меня будто прожгло насквозь. Из глаз брызнули слёзы. Я не мог выдохнуть. Ну и развеселил я их! До этого мне не приходилось им баловаться, а пить его надо оказывается умеючи. Наконец я раздышался. Нам, фразерам, растолковывали, как его надо пить. Протянул фляжку назад начальнику. Тот, продолжая смеяться, сказал, что это подарок. Предложил отпить моим ребятам, но они отказались, и я стал её запихивать в грудной карман, как почувствовал, что земля уходит из-под ног. Я даже руками себе не смог помочь, как одной ногой, что называется «по самые не могу», оказался в дренажной яме укрытой лужей. Мне повезло, что она была квадратной и наполовину заполненной чем то плотным. От падения я весь вымазался. Левый сапожок был полон грязи. Вокруг все остановились. Начальник охал, спрашивая, не болит ли что, и, убедившись, в целостности моих костей разразился благим матом в адрес того, кто снял крышку канализационного люка или забыл её поставить на место. Кто-то из «наших» буркнул: «Ар гаумартла ам маймунс! Цава сахлши.» «Наши» покатались со смеху. «Что что?». Я перевёл — «Повезло этой обезьяне. Домой пойдёт». На сей раз смеялись все. Толпа после короткой передышки двинулась дальше, а я по касательной уходил от нее, с промокшей левой ногой, и вываленный в грязь. «Успел же надраться, да ещё и вывалялся», — поговаривали мне вслед женщины. Одна из проходящих молодых выпалила мне навстречу «Ой девки, подарочек идет домой! С днём Великого Октября называется!». Метров на тридцать все прыснули со смеху. Смеялся и я. Ни одна машина мне не остановила. Я начинал подмерзать, пешком было далеко. Выход подсказала, стоящая на тротуаре, бочка с пивом. В Саратове торговали разливным пивом с поздней осени всю зиму. Продавщица устраивала точку около гастронома или другого магазина, где в большом

металлическом чайнике кипятила пиво. Покупателю наливали напиток из бочки, а из чайника подливали горяченького. Называлось это пивом с подогревом. Около бочки стояло пару мужиков. Когда я туда подошёл, они расступились. «О! Чудо в перьях! Что не хватило, ещё добавить хочешь?», — произнесла «барменша» с нескрываемой агрессией. Мужчины с сочувствием поглядывали на меня. Но, когда я открыл рот и стал говорить, всё стало на своё место. «Ты что, грузин?», — спросила она, и, получив, утвердительный ответ, задала следующий — А чего такой русопетый? Услышав ответ, растаяла, как масло в печке. Через пару минут махнула рукой первой проезжающей машине, порекомендовала меня водителю, и вдобавок ко всему, налила мне пива с хорошим подогревом. Я расплатился за пиво, хотя она отказывалась брать с меня плату, снял моё грязное пальто и счастливый плюхнулся в машину. Я был дома через десять минут. Пиво с подогревом подействовало как глинтвейн. По телу разносился бархатный кайф. Горячий душ завершил эту историю. Я попал в эту историю из-за праздника, но из-за него же я чуть не попал в вытрезвитель, поскольку вся милиция была в центре, и обслуживала парад.

С праздником Вас... из прошлого!

Балта Дермилов

Аймара произвела на меня неизгладимое впечатление, и при первой же возможности меня уже трясло по ухабам Чиловской дороги. Природа стыдливо прикрывала свою наготу. В лучах восходящего солнца, легкий ветерок разносил последние опавшие лепестки отцветших яблонь. Создатель покрывал зимние цвета, созданные легкой зеленой вуалью. Жители села начинали новый день с обычной рутины. Выпустив скотину, женщины подметали около своих калиток. Мужики по двое — трое, лениво потягивали самокрутки и любопытными взглядами сопровождали наш синенький «Пирожок» («Москвич пикап», в простонародье — «Горбатый»).

На сей раз мы припозднились. Имея в прошлый раз затруднения с приманкой, мы решили ее наловить. Мы полтора часа добывали в придорожных каналах живца. Обычный способ запасаения живца заранее — был прост. Мы шли на водоем с мелкочеечным бредешком, набрав их в достаточном количестве, возвращались домой. Дома живец раскладывался на куски клеенки (впоследствии — целлофан) и закладывался в морозильник холодильника. Утром, перед рыбалкой, промерзшим живцом заполняли китайские термосы, обернутые в запасную одежду. Термосы очень тщательно упаковывали в рюкзаке. На поясе висел съёмный маленький пол-литровый термос, куда из основного пересыпалось с десятков рыбок. В большом термосе живец сохранялся несколько дней. При поломке большого термоса рыбалка накрывалась. За всю свою рыбацкую жизнь сломал его только раз, и то без живца, он взорвался из-за плотно закупоренной пробки. Маленьких сломано было много.

На реке Ненскра, я заполнил термос шипучей минеральной водой. В дести шагах от источника он лопнул, испугав меня минералкой.

Мы уже подъезжали к въезду в ущелье, промокшие от ловли живца. Ловили его мы лоскутами марли, привязанными к паре метровых прутков. Такое подобие бредня мы сооружали за пару минут и, заводя его под водную растительность, довольно успешно, запасались живцом. Сегодня дело не склеилось. Наживки было мало, да и состоял в основном из пукала (горчака). Горчака я еще не ловил и сомневался в его полезности, но надо было запастись тем, что было. Наловившись, мы как есть плюхнулись в машину.

Проехали стоянку, и пошли в гору, углубляясь в ущелье, спуск — и мы едем вдоль реки. Вода тронута мутью и обещает хорошую, но короткую рыбалку. Началось таяние ледников, а это значит, что вода час от часу будет подниматься и мутнеть. Уже подъехали к броду. Уровень воды в реке был низкий, но я решил не переезжать. Оставили машину на обочине, навьючили поклажей и пошли, за рекой, в гору к пасеке Балты. Собаки нас почуяли и вместе с хозяином уже стояли на дороге. У нашего добряка лицо расплылось в улыбке. Рокот реки сменился разноголосьем леса с примесью слов Балты. Мы опять в раю. Собаки выются вокруг нас. Хозяин пасеки объясняется и радуется нашему приезду. Оказывается, он услышал шум мотора, и вышел на дорогу, ожидая других «гостей». Традиционно пригласил в дом. Мы приблизились к пасеке и услышали крик. Кто-то просил о помощи из ближнего сарая.

— Молчи, а то зарежу, — рявкнул Балта. Тот больше не пикнул. Очевидно поняв, что пришедшие (т.е. мы) не спасатели. А Балта на секунду превратился в Зевса-громовержца. Казбич поддержал хозяина и пару раз прорычал в сторону сарая.

Мы вошли в дом и стали развязывать свои тюки. Первыми на свет появились буханки хлеба, что вызвало бурны восторг Казбича и его безымянного напарника. Из соседней комнаты появляется Балта с миской сотового меда. Он сдержанно осматривает снедь, привезенную нами, и благодарно кивает. Но его восторг вызывают не консервы и колбаса, а водонепромокаемые темно-зеленые штаны и такая же куртка. Он радовался, как ребенок и сдержанно благодарил. Мы разгрузились, а он начал объяснять, почему он вышел на дорогу. Оказывается, деревенские, выследили его и разузнали, где он прячет винтовку и по случаю ее умыкнули. В то время владение винтовкой было незаконным, и ее владелец мог загреметь на несколько лет в колонию, поэтому он прятал ее в лесу. Для него пропажа была равноценна голодной смерти. Пасека было в семи-восьми километрах от деревни и вокруг было много дичи, составляющей его рацион. Недолго думая, он поймал двух молодых крестьян. Одного избил, второго связал и запер в сарай. Велел потерпевшему передать им, что если не вернут ему винтовку, он пленника зарежет, добавив, что и кормить его не будет. — Эти абхазцы все воры! Зарежу! — завершил он свой рассказ. Балте Дермилову тогда было за восемьдесят, и в свои годы ему было нетрудно справиться с кучкой крестьян. Черкес по происхождению он всю войну прослужил в разведке, а также

был личным охранником генерала оборонявшего Клухорский перевал от вторжения немцев в Грузию, у которого Л.П. Берия, в самый критический период, на две недели оставил своего сына С. Гегечкори. (Рассказ «Батоно Серго»).

Рассказывали, что Балте со своим отрядом было поручено взять языка. Приказ командующего гласил: «Взять живым или мертвым...». Язык был очень важен, что-то пошло не так и он погиб в перестрелке. Балта доложил генералу, что языка взять живым не удалось. Генерал парировал: «А где мертвый?». В ответ Балта на стол вывалил отрезанную голову. Генерал, потеряв сознание, свалился со стула.

В тот день рыбалка была удачной. Горчак, как живец, превзошел белого живца. Быстро не растрепывался, и одна рыбка выдерживала несколько удачных поклевков. Как и ожидали, река стала быстро подниматься, и мы вернулись на пасеку, попрощаться с хозяином. Встретил он нас радушно, подарил по рамке сотового меда, и мы с трудом, перейдя брод уехали. В следующий наш приезд Балта нас встретил великолепно. На мой намек переночевать у него в следующий приезд он вежливо отказал, мотивируя это тем, что пчелы не любят чужаков на пасеке. Сообщил, что винтовку вернули, добавив: «Этим абхазцам нечего здесь делать», — приперчив, чуть сказанное. Наша дружба продолжалась на протяжении многих лет, пока он не исчез также таинственно, как и появился.

АЙМАРА «1»

Слабый свет автомобильных фар осветил крайний домик деревни, потом скользнул по невысоким фруктовым деревьям, сделал легкое «головокружение», со скрипом поклонился, замер на фасадных окнах, и угасая исчез в раннем утре. «Москвич», пока не имеющий цвета, но с народным названием «Пирожок» «развесил уши». Оттуда вышли двое. Они пошли в зад... нет, в хвост, и со скрежетом распахнули задние дверцы машины. Из кузова вышел третий тихо, но очень смачно выражающий свои ощущения от езды по разбитой, забытой богом, проселочной дороге – вдоль речки Дваб.

Эти трое – мы, прибывшие в это место на рыбалку. За рулём я, рядом со мной в кабине – наш проводник, а самый недовольный матерщинник тоже наш, но в отличие от нас, впервые на форелевой рыбалке. С нами ещё... три бамбуковых хлыста. До Советского Союза телескопические удилица ещё не дошли. Я уже давно рыбаку складными бамбуковыми удочками с прилаженными к ним, для сборки в единое целое, латунными, ружейными гильзами разных калибров. Точку в этом «чуде» ставили, уже негодные из-за многочисленных кустарных перезарядок, дореволюционные 7,62 от «Нагана».

Я ехал в Очамчире без намерения пойти на рыбалку и естественно своих удилиц не прихватил. Уговорили быстро. Собирались недолго. Поспали немного, и затемно в путь.

Скоро солнышко начнёт простреливать бриллиантовую росыпь на небе из чёрного бархата своими робкими лучами, пока не зальёт всё пространство червонным золотом раннего утра. Нам надо спешить к месту рыбалки. Захлопнув двери машины, схватив нехитрую поклажу, спотыкаясь в темноте о камни, направляемся в сторону проглядывающего из ночи ущелья. Впереди топает проводник, а мы новички по шуму его шагов и почти наугад «гуськуем» за ним. Никчемная болтовня помогает нам ориентироваться в пространстве, тем более, войдя в ущелье, стало намного темней. Звёзды видны в просвете гор нависших над ущельем. По моему опыту чувствую, что идём по довольно широкой и утопанной дороге. Минут пятнадцать идём в гору потом резко вниз и вправо. Пошли ровнее. Вскоре услышали шум реки, который не оставлял нас, то приближаясь, то удаляясь, пока мы не упёрлись в брод.

— Пришли, — сказал ведущий.

Наша «тройка» остановилась. Коренной стоял в воде, а пристежные по обе стороны от него. Темп ходьбы был шустрый, и мы довольно громко дышали. Наконец «оторвав глаза из-под ног» мы осознали, что заметно посветлело. Над нами возвышались горы покрытые старым буковым лесом. Была ранняя весна. Здесь в ущелье ещё кое-где лежал снег, покрывая белыми лоскутами густой непролазный подлесок из рододендрона вплетённого в дикую лавровишню. Листья лавровишни жёсткие, лакированные, удлинённые тёмно-зелёные, отличались от тонких матовых зелёных листьев соседа. От подлеска свободно было только русло реки, дорога и карабкающаяся в горы, кое-где проглядывающая сквозь малахитовое одеяло, тропа.

Очнувшись, от лесного колдовства, осматриваю изгиб реки. Чуть ниже пережат, прорезающий заросли. Кустарники своими вечнозелёными ветвями, мягкими движениями, ласкают струящиеся и пенящиеся по камням прозрачные потоки. Место идеальное для сбора козявок, так мы тут называем нимфу поденки, этакое, прилипшего к нижней части камней, чёрного насекомого. Это плоское существо, без определённого навыка, снять с камня не повредив — трудно. А хитрость в лёгком надавливании на спинку, после чего оно изгибается и становится беззащитным. Вся предосторожность нужна для его долгой сохранности в плотном мешочке, подвешенном на шее и напоминающем кيسет. Мои друзья не стали возиться со сбором козявок, наживили на крючки прихваченных для приманки червячков и стали на ближайшую яму. У них рыбалка началась. Я же из ледяной воды поднимал камень за камнем, высматривая желанную добычу, но, увы, они были облеплены не заслуживающей внимания мелочью. После нескольких булыг мои пальцы онемели. Кончик указательного пальца правой руки выше старого перелома начал слегка синеть. По опыту я знал, что его надо было согреть, иначе завтра он распухнет, и несколько дней будет побаливать. Отогреть было просто. Палец в рот (ощущение, будто во рту кусок льда, и держишь, пока не почувствуешь палец). Это моя «ахиллесова пята». Так я стоял посреди реки, как младенец, засунув указательный палец в рот. Краем глаз уловил, что мои напарники ушли выше.

Рассвет был сказочным. На небе ни одного облачка. На некоторых крупных камнях в тихих заводях виднелись примёрзшие козырьки льда, по которым снизу легко похлопывала речная рябь. Абсолютный штиль. Река сильно обмелевшая.

В верховьях снег ещё не таял. «Эх! Сейчас бы красной икорки, на худой конец малька-бы. Но, увы! А ведь сама природа против удачной рыбалки», — крутилось в голове.

Всё указывало на то, что сегодня клёва не будет, да и козявок вроде пока нет. Я уже было решил догнать своих, и ловить на червя, как моё внимание привлекла коряга, которая из всех сил цеплялась за берег, сопротивляясь потоку, который иной раз перехлёстывал через неё. Мне почему-то захотелось заглянуть под неё. Подойдя и тронув, она буквально прыгнула мне в руку. Я перевернул её. Нижняя часть бруска была облеплена козявками величиной почти с ноготь. Я выскочил на бережок, боясь потерять хоть одну из них. При нормальном клёве наживки должно было хватить на пару часов. Я обобрал счастливую корягу с уважением положил её на место снарядил удочку, и согнувшись стал подкрадываться к яме с которой начали рыбачить мои друзья. Медленно подходя к ней, я про себя удивлялся, почему я никогда до этого не находил козявок на деревяшках лежащих в воде. (Да, и потом тоже. Пожалуй, это стало исключением. Может, нимфы, по этому брёвнышку выбирались на сушу, чтобы трансформироваться в жизнерадостно порхающую подёнку для того, чтоб умереть от первой любви).

Кое-как подобрался к яме стараясь быть незамеченным. Прежде чем забросить наживку стал осматривать её. Вблизи она казалась не такой, как издали. Это был небольшой омутик, с удлинённым метра на три мелким плёсом с ровным, намытым мелкой галькой, дном. Словно в воздухе, в конце плеса, стояла стайка форели с несколькими крупненькими лидерами, лениво помахивая закруглёнными хвостами. Надо бесшумно подбросить наживку или она должна подплыть, подкатиться к рыбкам. В то время я использовал в качестве груза пули от мелкашки. Я разбирал патроны, которых у меня было в то время предостаточно. Это били отбракованные, отсыревшие спортивные боеприпасы. Пулька надрезалась по длине, в надрез вставлялась леска, свинец слегка прижимался по краям, и груз — готов. Утяжеление — за счёт второй и третьей... А вот облегчать до сих пор не приходилось.

Пришлось снять грузик и разрезать его пополам. Наконец, наживка пущена в падающую струю, и вот грузик покотился по галечному дну, влекомый течением, и парусностью жирной козявки, к которой лениво приближалась самая крупная форель стаи... Подсечка вышла слишком резкой. Рыба вылетела из воды и упала сзади. Мне показалось, что случайно уловил

подходящий стиль лова. Отполз, снял рыбу с крючка, обновил наживку и пополз на старое место. Повторно пустил наживку навстречу стайке стоящей на прежней позиции. Поклёвка произошла резко и рыба, наколовшись вмиг, ушла на глубину. Пока я возился с ней, косяк растворился. Следующие забросы результатов не принесли. Рыба стояла везде, но малейший всплеск или резкие движения пугали её, и она уходила под валуны и подальше от удильщика. К перспективному месту приходилось почти подползать, но заброс без ответа не оставался. Почти всё время происходила самоподсечка, и после недолгого вываживания форель оказывались в длинном садке, ползущем позади меня в воде. При переходе с места на место сетку подбирал левой рукой, или перекидывал через плечо.

... Форелевая рыбалка одна из самых сложных. Ходить по горным речкам не только трудно, но и опасно. Вроде воды по колено, но бывало, что поток сбивал с ног, окуная меня в холодную воду и проволакивая с десятков метров вниз по течению. В таком случае надо бросать всё и «спасая шкуру» постараться перевернуться на спину, продолжая плыть по течению вперёд ногами, искать возможность выхода из потока на слабое течение, а потом и на берег. В этом процессе главное держать голову как можно выше. Правда, пинков по заду от подводных камней не избежать, но на нём только синяки остаются, и может несколько дней придётся постоять «пешком». Поверьте, она ж заживает быстро и без последствий... После этого поищите выпущенную из рук удочку, которая наверняка где-то закорена грузиком, крючком или леской. Приманку вы не потеряли — кисет затянут и висит на шее. Садок пристёгнут к вашему поясу и улов из него не уплыл поскольку сетка, длиной свыше метра, уже перекручена потоком...

Увлёкшись ходьбой на карачках, я не заметил, как выудил около десятка стандартных красавцев... Никогда не считал, сколько штук рыб поймал.

... В реках бассейна реки Моквы форель с самыми контрастными цветами. Она темновата. Красные и чёрные пятнышки очень резко выделяется на её упругом теле. Самая блеклая форель в речке, впадающей в реку Джампал около моста. Как известно эта рыба обладает мимикрией и, чтоб быть невидимой приобретает цвет окружающей среды. Эта речка-же течёт по пространству, сплошь состоящему из известняка, впрочем, она во время паводков проносится по большому пространству, круша мягкий известняк, становясь молочной.

В нормальном состоянии эта прозрачная речушка кроха в сравнении с промытым ею руслом. В некоторых местах её можно перейти вброд, не замочив ног. Форель в ней белая с еле проглядывающимися чёрными пятнышками. В речках с чёрным дном она черна, как смоль, с яркими красными пятнышками.

Рыба подергивала меня за пояс как-бы приглашая передохнуть, но понимая, что эта «лафа» с хорошим клёвом может прекратиться с восходом солнца, я продолжал облавливать речку. Идти не трудно хотя камни очень скользкие, но на данном участке она течёт по пологому ущелью. Много намытых не крупных ям, мало крупных камней, можно ходить вдоль и поперёк. Дно во многих местах покрыто некрупной галькой. По ней можно ходить без напряжения и боязни больно шлёпнуться. Короче— пока слишком комфортно и останавливаться на перекур нельзя. Рыба садится без осечки. Продолжая увлечённо высматривать, выискивать уловистые места, я и позабыл, что нас трое. Резкий свист напомнил мне об этом.

Мои гаврики сидели на валуне, который лежал в одиночестве на песчаном берегу. Один из них аппетитно покурил сигарету и манил меня присоединиться. Отстегнув пояс, положив удочку, и раскурив сигарету, я присел рядом.

Ответ на первый естественный вопрос их очень удивил. У них было несколько штук на двоих, а один из них поймал ничего. Второй вопрос был о наживке и с предложением поделиться с ними. Я им выдал по несколько штукеч, объяснил, где и как её собирать и послал по направлению...

Мы болтали, покуривая сигареты и любуясь рождением дня. Солнце тронуло вершины своими лучами и медленно продолжало одевать окрестные горы в яркий свет. Слышалось щебетание и пересвисты невидимых пичужек. Где-то заливался утренний чёрный дрозд, очевидно, стараясь охмурить будущую мать своих птенцов. Под дальним берегом реки молчаливо, но с большим усердием занималась добыванием утреннего завтрака птица похожая на нашего утреннего певца с «белой салфеткой» на грудке. Это оляпка. Она то и дело подныривает под маленький перекал и выскакивает из бурунчика на плоский камень служащий ей одновременно и стартовой площадкой. После нескольких нырков она вроде оттряхивается и деловито похаживает по своей «базе» вприсядку. Потом она перелетает на другой валун и там «трясогузит», продолжая завтракать. Изумрудной чёрточкой, разрезав эту картинку зимородок, то ли пропищав, то ли просвистев нам, что-то азбукой Морзе скрылся за изгибом реки.

Этим эпизодом закончился наш перекур. Мы разбежались по речке, став на понравившихся нам местах в позиции. Ребята наживляли новую приманку. Из пенного буруна, почти из-под ног, выудив очередную рыбу, я направлялся к крупной яме за громадным осколком скалы. Река, омывая его узким стремительным потоком, падала в большую вымоину за ним, и, расслабившись, разлилась в гладкое зеркало, отразив в нём бирюзовое небо и окрестные горы.

К месту надо было подойти через лес, стать в кустах около потока и пустить наживку вниз по течению. Груз надобно подбавить. Добавив к грузу пульту, пустил поводок по течению. Вода заполняла пространство от кустов, в которых сидел я, до омута омывающего вертикальную скалу противоположного берега. Шум потока заполнил всё пространство, растворив волшебную какофонию леса. Поклёвка была такой резкой, что пока я сообразил, моя леска образовала прямую с удилищем. По бамбуку я почувствовал щелчок и подсёк уже воздух...

Только сейчас я понял, насколько неудачно было выбрано место. Мой поводок унесло течением на глубину в сторону омута, и выпрямив леску с кончиком бамбук лишило его свойства амортизировать поклёвку. Кроме того и вываживать её было некуда и самое главное надо было сменить леску поводка на более толстую. Мои мальчишки, встав посреди плёса на мелком месте, рыбачили вроде-бы удачно. Не спеша, я приладил толстый поводок с парой пулек. На этом месте тихая спокойная речка заканчивалась. Выше она падала невысокими уступами стараясь подмыть отвесную скалу, нависшую над ней. Результатом их борьбы были хаотично разбросанные по руслу гранитные монолиты, мешающие размеренному потоку. Река же билась о них, пенясь и разбиваясь в пыль и брызги — добавляя к окружающей красоте порхающие в пространстве радуги.

Я сошёл со своего уступа, встал на плёсе около кустов и послал снасть под скалу. На сей раз что-то тяжёлое повисло на леске. Первое ощущение — будто черепаха повисла... и понеслось. Подсечённая, она взбесилась на глубине. Ребята перестали удить и зачарованные наблюдали за нашей борьбой. Выведенная с глубины рыба носилась по мелководью плеса. С воды взять её на руки было рискованно и я попытался в подлесок в надежде выволочь добычу на берег. В надёжности снасти сомнений не было, и скоро крупная красавица прыгала меж кустов.

Мои друзья стали собирать козявок, оценив их эффективность, я же двинулся выше. Переходы стали сложнее. Ущелье осталось позади, с тихим спокойным течением, маленькими песчаными берегами и ровным галечным дном. Дорога осталась позади и поползла в гору. Мне пришлось влезть в сплетение кустов, и рискуя повредить снасть, стал продираться к проходимому участку реки. В сетке, перекинутой через плечо, билась последняя крупная форель, похлопывая меня по лопатке как-бы подбадривая. Можно было смело говорить, что рыбалка удалась. Впереди был трудный маршрут и новые приключения.

Солнышко повисло высоко между горами и высветило все уголки каньона. Выбравшись на открытое место, я пристроился около трёх валунов, вставленных природой поперёк потока на некотором удалении друг от друга. Между ближайшим, будто воткнутым великаном, торчали обломки стволов, с помощью которых можно было переползти на следующий камень и обловить яму за третьей глыбой и участок под скалой.

Расстояния вроде небольшие, но в тот день на удочке у меня не было катушки, и мой пространственный максимум ограничивался четырёхметровым бамбуковым хлыстом и четырёхметровой леской. Это в горной рыбалке шесть, шесть с половиной метра активного облова. В то время безынерционные, иностранные, катушки были доступны в основном «ездящим за бугор», но и там они стоили не дёшево, и на продажу выгоднее было привозить «шুзы» (обувь) и «шмотки» (одежду). Первую такую катушку мне привезли в подарок из Токио в 1978 году. Моей радости не было предела. До этого я пользовался маленьким пластмассовыми катушками для подлёдной рыбалки. Срезал ручки. Подмотку в процессе ловли производил большим пальцем правой руки, а вываживание — перехватом основной лески левой.

Друзья один за другим обошли меня и устроились выше. Здесь не имелось шлейфов в виде плёса. Были резкие ямы за большими монолитами или водопадами, но за любым торчащим из воды камнем или бревном можно было выудить хороший экземпляр. В таких местах стояла крупная и сильная соперница, умеющая и в воздухе сделать «фертиль» и соскочить с крючка. Я не успел макнуть приманкой, как из глубины молнией сверкнуло тело. Инстинктивно дёрнул, рыба поддалась, и готовый принять её на грудь, я распахнул объятия. В полёте она вывернулась, я отчётливо увидел, как она освободилась от крючка, и чуть изменив траекторию, нырнула около меня. Грациозный взмах её хвоста послал мне прощальные брызги...

Это первый сход сегодня. Действо произошло у меня перед носом и отчётливо в деталях запечатлелось в памяти. На этом участке рыба была бесшабашна и брала нагло, жадно. Часто я не успевал реагировать на клёв, настолько он был резок и непредсказуем. Сходов было много.

Рыбалка запоминается не количеством выловленной рыбы, а сложностью вываживания, количеством оборванных снастей и рыб «обманувших» рыбака. Особенно она прелестна, когда рыба чувствительна к толщине поводка. Ты на пределе своих возможностей тянешь рыбину, на которую твой поводок не рассчитан, она просто не берёт на чуть толстый. Особенно это касается форелевой рыбалки. Бывает так, что день то слишком яркий, то вода слишком светлая, и тогда рыба пугается даже тени от лески, прошедшей над ней, не говоря о тени удочки или вашего тела. Цвет крючка, лески, тип и качество наживки. Наживка кстати может быть не по сезону. Чтобы решить все эти задачи нужно экспериментировать. На вопрос о подходящей наживке — ответ, поймав рыбу, надо осмотреть содержимое её желудка. Не удалось её выловить — наживляй на крючок всё, что подвернётся, может, повезёт. Один раз я перепробовал всё, что у меня оказалось под рукой. Рыба была и явно не боялась и поодаль от меня что-то собирала с поверхности. Понимал, что это поденка, упавшая на воду. Я никогда не рыбачил внахлыт. У нас не традиционно. Но желание подцепить хоть одну заставило меня натереть леску воском, его я часто ношу в длительные вылазки, подвязать самый мелкий крючок, собрать несколько дохлых подёнок, наживить их за крылышки по несколько штук и пустить это сооружение без груза в свободное плавание. Результат был получен, но по-мужски это называется по-другому, но не рыбалкой. Всё зависит только от твоего опыта и смекалки.

Наша троица медленно шла вверх по каньону, обходя по лесу непроходимые по руслу места. Мы успели вымокнуть на этой относительно короткой дистанции. Случайно не намокло всего несколько сигарет в двух пачках. Пару раз присели покурить. Солнце приближалось к зениту и уже начинало припекать. Вроде надо выжать одежду. Хуже с сапогами. Воду из них я удалил. Лёг на спину и подержал ноги вертикально. Вода вроде вылилась, но там внизу в портянках хлопало. Разувание охотничьих сапог заняло бы много времени, и мы решили заняться этим во время обеда. Результаты были неплохими. Мы выходили на открытое пространство. Река текла одним руслом

вдоль склона, покрытого лесом. Небольшое пространство было занято осыпью из битого мелкого сланца. Берег, по которому шли, был довольно широк. Здесь решили передохнуть и перекусить. Прежде всего, на плоские камни были выложены мокрые сигареты. Далее долой сапоги. Я выстирал портянки, отжав их, повесил на ветки сухого куста. Там же голенищами вниз подвешены и наши сапоги. Одежду выжимать не имело смысла. Солнце припекало, также подул лёгкий ветерок и за время обеда мы могли обсохнуть.

Вокруг нас суетились птички. Их разные перекрики и щебет сливались со слабым шелестом леса и журчаньем реки. Мы устроились под пока ещё голым деревом, тень которого создавала уют, оберегая нас от уже горячего солнечного объятия. Оказывается и голод к нам подкрался. Съедобное из наших сумок, не успевало лечь на импровизированный стол. Нехитрая снедь была умята очень быстро, и мы продолжали нежиться, ожидая, когда к нам придет ощущение сытности. Но сегодня, оно не спешило к нам. Оставалось закурить. Сигареты были ещё на пути с сухости, но мы не могли ждать...

Наконец мы обсохли, обулись, ноги в руки и к берегу. В моей сетке, лежащей в воде, всего несколько живых рыб. Форель очень чувствительна и очень быстро снёт. В моём «кисете» к тому же и козявок уже нет. Пришлось заняться их сбором. Мы встали на неглубокий, рокочущий перекат, и стали методично вытаскивать камень за камнем, снимая с некоторых по несколько не очень крупных нимф. Вроде не ловлю рыбу, но это занятие мне тоже доставляет удовольствие. Часто прогреваю свой палец, иду выше по течению и постепенно наполняю свою сумочку приманкой. Решаю продолжить рыбалку, по мере надобности, подлавливая козявку. Клёв ленивый, но мы продолжаем полоскать снасть в реке, иной раз, выуживая мелочёвку. Крупная исчезла. Часто приходится выпускать малявок обратно. Так мы выходим на пространство с открытым лесным массивом.

В пойме реки то тут, то там разбросаны маленькие лужи—озерца. Скоро они заполнятся серпантинном из бус лягушачьей икры, и впоследствии станут кормушкой для ужей и прочих любителей лягушатины. Может быть, их сметёт горный паводок, с грохотом проносящийся по ущелью и меняющий архитектуру русла реки. Передвигая огромные валуны, и сплетая в узлы, вырванные с корнем, вековые деревья и побросав их на своём пути, создаёт новые места стоянки рыб, а порой причудливые и фантастические виды.

Ещё одна особенность горной рыбалки — это постоянно меняющийся ландшафт, сложность прохождения троп над непроходимыми каньонами или крупными запрудами. Зимой, когда эти горные тропы заснежены и опасны для лазания, приходится раздеваться догола и в тихих заводях переходить или переплывать реку. На другом берегу быстро одеваться и продолжать рыбачить. Бывает, подскользнувшись, падаешь в реку на промёрзшей бровке воды. Тогда только слить воду из сапог, натянуть их на выжатые носки или портянки и вперёд. Одежда просыхает незаметно. А главное за десятилетия я ни разу не простыл и не заболел после такой экстремальной рыбалки.

Уже давно за полдень. Мы опять «повстречались» с дорогой. Недалеко виднеется раздвоение реки, но пора закругляться. Мы сняли лески с бамбуков. Наш проводник сказал, что он прячет бамбуки в прибрежных кустах и следующий раз продолжает рыбачить ими. Так мы и поступили, воткнув наши хлысты головками в огромные придорожные заросли ежевики уже начинающей выпускать крохотные листики. Далее он нам предложил посетить, расположенную недалеко, совхозную пасеку. Это было интересно. Спешить было некуда, и мы пошли в её сторону. По приближению к ней начали попадаться пчелы. Из-за деревьев появилась избушка. Её саму с дороги видно не было. Пасеку увидим позже, поравнявшись с избой, а сейчас в нашу сторону с оглушительным, грозным лаем двигались две собаки. Впереди суетилась шустрая дворняжка, часто оглядываясь на огромного белоснежного красавца — кавказца. Его басовый, уверенный, лай эхом разносился по окрестности. Я поглядывал по сторонам, выискивая глазами какой — нибудь антипсовый дрын. В это время из избушки очень громко окликнули пса. «Казбич, Казбич». Собака остановилась, не переставая лаять, дворняга ушла за неё и тоже продолжала мелко тявкать.

Из домика вышел крупный, высокий мужчина с открытым лбом и окладистой, седой бородой. Отозвав собак, он шёл нам навстречу. «Это Балта» — то ли информируя, то ли предупреждая, тихо произнёс наш проводник.

Мы остановились. К нам подошёл человек, как мне казалось лет шестидесяти, под два метра, стройный, в распахнутой косоворотке одетой на голое тело. На нём болтались мешковатые, короткие штаны. Голые ноги были воткнуты в резиновые сапоги, с коротко обрезанными голенищами. Старик сиял здоровьем. Его, белоснежно-розовое, лицо излучало спокойствие и достоинство. Собаки, уже перестав лаять, и присели, когда он

подошёл и с северокавказским акцентом поздоровался с нами. Мы обменялись с ним рукопожатием и представились ему. Он нас пригласил в дом. Мы вошли внутрь. Обстановка более чем спартанская. Древний камин мигал слабеньким огоньком — обдавая дымком, висящий на прокопчённой цепочке, такой же прокопчённый котелок. Пара табуреток, покосившийся стол и широкая лавка вдоль стены довершала убранство. На стене было подвешено подобие шкафа. Через дверь, в другую комнату, проглядывалась жестяная печка и топчан, накрытый стёганым одеялом. Всё было прибрано и чисто. На столе стояла алюминиевая миска с сотовым мёдом. Вокруг кружилось несколько пролетевших вместе с нами в комнату пчёл. Балта, посмеиваясь, ласково отгонял их от миски, приглашая нас отведать мёда. Мы ненадолго присели и угостились. Мне было неудобно, что я по незнанию не прихватил хотя бы несколько буханок хлеба или ещё чего. Впоследствии я по этому поводу выражу, нашему товарищу, своё неудовольствие.

Я был очарован этим старцем, его приёмом, чистотой, аккуратностью его жилья и его бедной, старой одеждой. С ним хотелось подольше пообщаться, но надо было уходить. Мы встали из-за стола, попрощавшись, вышли во двор и стали двигаться в сторону дороги.

Я почувствовал прикосновение к локтю. Обернувшись, я увидел его жест — приостановиться. Я остановился, взглядываясь в его глаза. Когда ребята отошли подальше, он тихо и внятно проговорил.

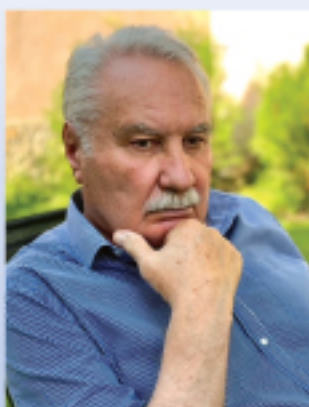
— Следующий раз приходите только без него, — кивнул он в сторону нашего проводника. — Будьте здоровы.

Это было сказано без злости и угрозы. Просто так он выразил своё отношение к нам. И это не рождало, ни вопросов, ни возражений.

Быстро нагнав своих, я направился в сторону деревни. Дорога оказалась довольно сносной. До самой деревни она была проезжей. Недалеко от пасеки стоял сруб, как потом мы узнали, принадлежащий лесному хозяйству и впоследствии ставший нашим пристанищем во время зимних рыбалок. Дорога вскоре вынырнула из ущелья и около последнего дома, из-за голых веток проглянул наш, обретший цвет, «Москвич». Она внесла свой вклад, в палитру начинающей пробуждаться и цвести розовыми и белыми красками, окраины деревни. Ярко-синяя, она ехала вдоль сельских заборов, привлекая любопытные взгляды жителей. Мы выезжали из Аймары, чтобы снова вернуться...

Содержание

Предисловие	3
Семья	11
Сельский приговор	38
О СЕБЕ РОДИМОМ	47
Поздняя осень	50
Большой глаз	54
Белый, белый скакун	58
Неисповедимы пути Господни	62
Ночная канонада	68
Вехи судьбы	72
Бог поможет	80
Грек	84
Сосуществование	97
Насчёт не везёт	99
ПОДРУГИ	101
Дядя Исаак	105
Маманти	110
Гханки (умение попадать в цель – Снайпер)	114
Бобриковое пальто, каракулевая папаха и «царские сапоги»	117
Батоно Серго	124
Главное ввязаться	127
«Поход»	132
Гуси лапчатые	142
Феодосийская бухта	150
ГРАФСКАЯ	154
В. П.	159
«Мишка»	163
Одесса	166
«Москва»	171
Николаев – город невест	174
«Медведь в гостях»	180
Последний лосось	182
Мой город	187
Ключ в замочной скважине	193
Щука	198
Четырехствольная «каракатца»	206
Первая форель	210
Вот тебе и шакалы!	219
7 НОЯБРЯ	224
Балта Дермилов	233
АЙМАРА «1»	236

Мераб Тарасович Кварацхелия

Родился 16-ого января 1947 года в Очамчире. В 1964 году закончил Очамчирскую ж.д. среднюю школу. В 1970 году поступил в Тбилисский государственный политехнический институт, специальность - инженер-электрик автоматики и телемеханики. В 1970 году направлен в Саратовский завод «Электроаппарат». Работал на кораблях первой линии Черноморского флота инженером-регулировщиком четвертого разряда. В 1974 году переехал в Сухуми. Начал работать в Сухумском филиале акустического института Академии наук СССР в качестве инженера ЭВМ. В 1975 году был приглашен на должность начальника производственной лаборатории Технического Узла Магистральных Связей и Телевидения-4. Позже назначен начальником Сухумского участка Бакинского завода бытовых кондиционеров, где проработал 15 лет. В 1975 году по совместительству начал читать лекции в Сухумском индустриальном техникуме. В 1976 году перешел в Сухумский филиал ГПИ, где продолжил по совместительству преподавать основы электротехники. Числился лектором на кафедре электротехники ГПИ. До начала войны работал начальником ЛКЦ. В 1992 году был приглашен в Министерство промышленности Абхазии на должность начальника отдела. В октябре 1993 года был назначен на должность зам.начальника управления Министерства оборонной промышленности Грузии. С мая по октябрь 1994 года с семьей находился в эмиграции в Германии. По возвращению, вернулся на прежнюю должность, а позже был переведен зам. министра промышленности Абхазии. В последние годы (до пенсии) работал в компании «Раско-контрактор БП».